

БЕЧЕ

Вече

Независимый русский альманах

33

Девятый год издания

Главный редактор О. А. Красовский

Обложка работы художника Адама Русака

Издатель:

Российское Национальное Объединение в ФРГ

© Russischer Nationaler Verein (RNV) e. V., 1989

München

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора,
необязательно выражают мнение редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

И. Р. Шафаревич – Русофобия. (Окончание)	5
--	---

Трибуна «Вече»

В. Щубачеев – Встречный национализм	55
Н. Кусаков – К познанию современности	79

Лагерные стихи

Е. Вагин – Памяти Виктора Комарова	101
Виктор Комаров – Стихи	104

После юбилея

А. Михальченков – Русское Православие и проблемы сегодняшнего дня	119
--	-----

На волнах гласности

С. Андреев – Структура власти и задачи общества	127
Честь собственного имени...(Диалог писателя В. Пикуля и критика С. Журавлева)	159

Советская демократия

В. Осипов – Демократия и совесть	173
----------------------------------	-----

Русское национальное возрождение

Обращение к художникам, учёным, деятелям культуры, трудящимся России	179
Праздник славянской письменности и культуры в Новгороде	189
Е. Пашнин – Проповедь убогого Серафима Саровского о перестройке	196
Письмо советскому правительству по национальному вопросу	199

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СООБЩЕНИЯ

Семинар Христианского Патриотического Союза	208
В. Машкова - Письмо соотечественникам	214

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ПУБЛИКАЦИЙ

Ю. Штейн - Правосудие торжествует	219
П. Бьюкенен - Демьянюк: много сомнений	223

НАМ ПИШУТ -	227
-------------	-----

И. Р. Шафаревич

РУСОФОБИЯ *

7. Большой вопрос.

Но если и принять, что обострённый русофобский характер литературы „Малого Народа“ объясняется влиянием каких-то еврейских националистических течений, то всё же остаётся вопрос: почему некое течение еврейского национализма может быть проникнуто таким раздражением, чтобы не сказать – ненавистью к России, русской

* О к о н ч а н и е. Начало см. «Вече» № 32.

истории и вообще русским? Ответ будет очевидным, если обратить внимание на ту проблему, с которой так или иначе соприкасается почти каждое произведение русофобской литературы: КАКОЕ ВЛИЯНИЕ НА СУДЬБУ ЭТОЙ СТРАНЫ ОКАЗАЛ БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ПРИЛИВ ЕВРЕЙСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИЛ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ — КАК РАЗ В ЭПОХУ ВЕЛИЧАЙШЕГО КРИЗИСА В ЕЁ ИСТОРИИ? Вопрос этот должен быть очень болезненным для еврейского националистического сознания. Действительно, вряд ли был в Истории другой случай, когда на жизнь какой-либо страны выходцы из еврейской части её населения оказали бы такое громадное влияние. Поэтому при любом обсуждении роли евреев в любой стране опыт России очень долго будет одним из основных аргументов. И прежде всего в нашей стране, где мы ещё долго обречены распутывать узелки, затянутые в ту эпоху. С другой стороны, этот вопрос становится всё более актуальным во всем мире, особенно в Америке, где как раз теперь „лобби“ еврейского национализма достигло такого небывалого влияния; когда в основных вопросах политики (например, отношения с СССР или нефтедобывающими странами) на решения влияют интересы численно небольшой группы населения или когда конгрессмены и сенаторы упрекают президента в том, что его действия могут ослабить государство Израиль. И президент вместо того, чтобы напомнить им, что они должны руководствоваться американскими, а не израильскими интересами, извиняется и доказывает, что никакого урона Израиль не понесет.* В такой ситуации

* Вот один из бесчисленных примеров. В передаче от 29 апреля 1979 г. „Голос Америки“ начал сводку последних известий с сообщения о том, что четыре еврея, осуждённые в СССР за попытку угона самолета и теперь амнистированные, прибыли в Израиль. „Их освобождение рассматривается как попытка Москвы добиться расширения советско-американской торговли“. Все уже так приучены, что никому не надо объяснять, какое же отношение имеет освобождение четырёх еврейских террористов к советско-американской торговле? И никого не удивляет, что госдепартамент организует пресс-конференции террористам, что их принимают высшие официальные лица США, они выступают в американском парламенте.

естественно может возникнуть желание познакомиться с тем, к каким последствиям подобное же влияние привело в судьбе другой страны.

Эта проблема никогда ещё, насколько мне известно, не поднималась русской стороной (здесь, а не в эмиграции). Но другую сторону она явно беспокоит и всё время всплывает в литературе „Малого Народа“ и в произведениях новейшей эмиграции. Проблема часто хоть и называется – но либо формулируется так, что нелепость, неуместность самого вопроса становится совершенно очевидной, либо тут же закрывается при помощи первого попавшегося аргумента. Например, „революцию делали не одни евреи“, утверждает аноним NN, блистательно опровергая взгляд, что „революцию делали одни евреи“ (который, впрочем, никаким разумным человеком не мог быть высказан). Один автор в «Континенте» признает участие евреев в революции на 14 % (!) – „вот за эти 14 % и будем отвечать“! Вот ещё пример: пьеса „Утомлённое солнце“ (вообще замечательная клокочущей ненавистью к русским), напечатанная в издающемся на русском языке в Тель-Авиве журнале. Автор – Нина Воронель, недавний эмигрант из СССР (может быть, пьеса здесь и писалась?). В пьесе трус и негодяй Астров спорит с чистым, принципиальным Веней. Астров кричит: „...ответственности вы не несёте, но устраиваете нам революции, отменяете нашего Бога, разрушаете церкви“. „Да чего вы стоите, если вам можно революцию устраивать!“ – парирует Венья. Многие авторы отвергают мысль о сильном еврейском влиянии на русскую историю как оскорбительную для русского народа, хотя это единственный пункт, в котором они готовы проявить к русским такую деликатность. В недавней работе Померанц так и кружит над этим „проклятым вопросом“. То он спрашивает, были ли евреи, участвовавшие в революционном движении, на самом деле евреями? – и признаёт вопрос неразрешимым: „А кто такой Врангель? (т. е. немец ли?), Троцкий? Это зависит от ваших политических взглядов, читатель“. То открывает универсальную закономерность русской жизни, – что

в ней всегда ведущую роль играли нерусские: „Даже в романах русских писателей, какие фамилии носят деловые, энергичные люди? Костанжогло, Инсаров, Штольц... Тут уже заранее было приготовлено место для Левинсона“. Ставится даже такой „мысленный эксперимент“. Если бы опричника Федьку Басманова перенести в наш век и сделать наркомом железнодорожного транспорта, то у него, утверждает автор, поезда непременно сходили бы с рельсов, а вот „у мерзавца Кагановича поезда ходили по расписанию (как раньше у Клейнмихеля)“ – хотя должен был бы автор помнить тот первозданный хаос, который царил на железных дорогах, когда ими распоряжался „железный нарком“! И наконец, намекают, что если и было что-то там, ну... не совсем гуманное, то в этом виноваты сами русские, такая у них страна: „Блюмкин, спяну составляющий список на расстрел, немислим в Израиле: нет ни пьянства, ни расстрелов“. (За исключением разве расстрелов арабских крестьян, как в деревне Дейр-Ясин? – Авт.) Последнее рассуждение сквозит подтекстом и во всей русофобской литературе: если что и было, во всём виноваты сами русские, у них жестокость в крови, такова вся их история. Именно этот лейтмотив и придаёт такой яркий антирусский оттенок идеологии современного нам „Малого Народа“, именно поэтому возникает необходимость снова и снова доказывать жестокость и варварство русских.

Впрочем, в такой реакции нет ничего специфически еврейского: в прошлом каждого человека и каждого народа есть эпизоды, о которых вспоминать не хочется, куда легче внушить себе, что вспоминать не о чем. Почеловечески удивляться надо скорее тому, что были честные и мужественные попытки разобраться в том, что произошло. Такой попыткой был сборник „Россия и евреи“, изданный в Берлине в 1923 г. Были и другие подобные попытки. Они вселяют надежду, что отношения между народами могли бы определяться не эгоизмом и взаимной ненавистью, а раскаянием и доброжелательностью. Они приводят к важному вопросу: нужно ли нам

размышлять о роли евреев в нашей истории, неужели не достаточно у нас своих грехов, ошибок и проблем? Безусловно, это — высшая точка зрения, и от сознания своих исторических грехов не уйти никуда, как это ни трудно, особенно перед лицом злобных и недобросовестных нападок, подобных тем, которые мы в большом числе приводили. Но совершенно очевидно, что человечество далеко ещё не созрело для того, чтобы ограничиваться лишь этим путём. Если перед нами болезненная проблема, от понимания которой зависит, быть может, судьба нашего народа, то чувство национального самосохранения не допускает, чтобы мы от неё отворачивались, запрещали о ней себе думать в надежде, что другие за нас её разрешат. Тем более, что надежда эта очень хрупкая. Ведь и те попытки анализа взаимоотношений евреев с другими народами, о которых мы говорили, сколько-нибудь широкого отклика не вызвали. Авторы сборника „Россия и евреи“ очень ярко описывают враждебное отношение, которое они встретили в эмигрантской еврейской среде, о них писали: „отбросы еврейской общественности...“ И так же дело обстоит и сейчас, например, А. Суконик, напечатавший в «Континенте» рассказ, где выведен несимпатичный еврей, немедленно был обвинён в „антисемитизме“.

Да всем этим можно было бы ещё пренебречь, если бы речь шла о судьбах каждого из нас индивидуально, но ведь ответственны же мы и перед своим народом, так что, как эта проблема ни болезненна, уклониться от неё невозможно.

А обсуждать её не легко. Жизнь в стране, где сталкиваются столько национальностей и национальные чувства обострены до предела, вырабатывает часто даже неосознанную привычку осторожно обходить национальные проблемы, не делать их предметом обсуждения. Чтобы высказаться по этому вопросу, надо преодолеть некоторое внутреннее сопротивление. Однако выбор уже сделан — теми авторами, взгляды и высказывания которых мы привели. Нельзя же в самом деле предположить, чтобы один

народ, особенности его истории, национального характера и религиозных взглядов – обсуждался (часто, как мы видели, крайне злобно и бесцеремонно), а обсуждение других было бы недопустимо.

Но здесь нам монолитной глыбой перегораживает путь глубоко укоренённый, внушённый запрет, делающий почти безнадёжной всякую попытку разобраться в этом вопросе. Он заключается в том, что всякая мысль, будто когда-нибудь или где-нибудь действия каких-то евреев принесли вред другим народам, да даже всякое объективное исследование, не исключающее с самого начала возможность такого вывода, – объявляется реакционным, неинтеллигентным, нечистоплотным.

Взаимоотношения между любыми нациями: немцами и французами, англичанами и ирландцами или персами и курдами можно свободно обсуждать и объективно указывать на случаи, когда одна сторона пострадала от другой. Можно говорить об эгоистической позиции дворянства, о погоне буржуазии за прибылями или о закоренелом консерватизме крестьянства. Но по отношению к евреям подобные суждения, независимо от того, оправданы они или нет, с этой точки зрения, – в принципе запрещены. Такой, нигде явно не высказанный и не записанный запрет, строго соблюдается всем современным цивилизованным человечеством, и это тем больше бросается в глаза, чем более свободным, „открытым“ претендует быть общество, а разительнее всего – в Соединенных Штатах.

Яркий пример обнажённого применения этого положения – в недавней статье Померанца. В одной статье он обнаруживает фразу: „аппарат ЧК изобиловал латышами, поляками, евреями, мадьярами, китайцами“ и по этому поводу пишет:

„Он перечисляет, безо всякого лицепрития, латышей, поляков, евреев, мадьяр и китайцев. **Опасное** слово засунуто посередине так, чтобы его и выдернуть нельзя было для цитирования“.

Слово „опасное“ подчёркнуто мною. Очень хотелось

бы понять, как Померанц объясняет, что опасно именно это, „засунутое в середину“ слово, а не то, например, которое стоит в конце, хотя китайцев в мире раз в 50 больше, чем евреев. И никак уж не опасно было ему называть русских „недоделками“ и „холуями“? Очень характерно, что Померанц отнюдь не оспаривает самого факта, он даже иронизирует над осторожностью автора:

„Однако, позвольте, разве евреи действительно играли третьестепенную роль в русской революции? Поменьше поляков, побольше мадьяр? Современники смотрели на вещи иначе...“

Он просто предупреждает, что автор подходит к границе, переступать которую – недопустимо.

И в этом Померанц прав – „слово“ действительно опасное! На каждого, осмелившегося нарушить вышеуказанный запрет, обрушивается обвинение в „антисемитизме“. Откровенный Янов этим грозит особенно неприкрыто. Упомянув о „националистах“, он говорит:

„...Возразят мне, что антисемитизм – атомная бомба в арсенале их оппонентов. Но если так, то почему бы не лишить своих оппонентов их главного оружия, публично отрекшись...“ и т. д.

Это „главное оружие“ неутончённых Яновым „противников национализма“ действительно является „оружием устрашения“, сравнимым с атомной бомбой. Недаром в наше время опасную тему обходят самые принципиальные мыслители, здесь умалкивают самые смелые люди.

Что же представляет собой эта „атомная бомба“? Всем известно, что антисемитизм грязен, некультурен, что это позор XX века (как, впрочем, и всех других веков). Его объясняли дикостью, неразвитостью капиталистических отношений – или, наоборот, загниванием капитализма, или ещё завистью менее талантливых наций к более талантливой. Энгельс считал его особой разновидностью социализма: „социализм дураков“. Сталин – „пережитками каннибализма“. Фрейд объяснял антипатией, вызываемой обрезанными у необрезанных (у которых обрезание подсознательно ассоциируется с неприятной идеей кастра-

ции). Другие считали его пережитком маркионитской ереси, осуждённой во II веке Церковью, или хулой на Богоматерь. Но никто никогда не разъяснил то, с чего, казалось бы, надо было начать, – что это такое, антисемитизм, что подразумевается под этим словом? По сути-то речь идёт о том самом запрете: не допустить даже как предположения, что действия каких-то еврейских групп, течений, личностей могли иметь отрицательные последствия для других. Но так открыто его формулировать, конечно, нельзя. Поэтому и напрасно добиваться ответа, его дано не будет, ибо тут и заключается взрывная мощь этой атомной бомбы: в том, что вопрос уводится из сферы разума в область эмоций и внушений. Мы имеем дело с символом, знаком, функция которого – мобилизовать иррациональные эмоции, вызвать по сигналу прилив раздражения, возмущения и ненависти. Такие символы или штампы, являющиеся сигналом для спонтанной реакции – хорошо известный элемент управления сознанием.

И применяют обычно штамп „антисемитизма“ именно как средство воздействия на эмоции, сознательно игнорируя логику, стремясь увести от всякого с ней соприкосновения. Яркие примеры можно встретить у автора, вообще весьма озабоченного этой темой: А. Синявского. В уже цитированной нами статье в №1 журнала «Континент», он пишет:

„Здесь уместно сказать несколько слов в защиту антисемитизма в России. То есть: что хорошее скрыто в психологическом смысле в русском недружелюбии (выразимся так – помягче) к евреям“.

И разъясняет, что сколько бы бед русский человек ни натворил, он просто не в силах постичь, что всё это получилось от его же собственных действий, и валит грех на каких-то „вредителей“ – в частности, на евреев. Но дальше, подымаясь до пафоса, автор по поводу еврейской эмиграции (до которой, конечно, евреев довели русские), восклицает: „Россия – Мать, Россия – Сука, ты ответишь и за это, очередное, вскормленное тобою и выброшенное на помойку (?) дитя“.

Видите, автор даже берёт русских под защиту, старается, сколько возможно, извинить их антисемитизм, найти в нём что-то и „хорошее“, ибо ведь они не ведают, что творят, а в более современной терминологии – невменяемы (хотя Россия – Сука всё же ответит и за это и за что-то ещё...). И уж от такого защитника читатель принимает на веру, без единого доказательства, утверждение о том, что „недружелюбие“ русских к евреям как к нации действительно существует, и не задумывается, всегда ли евреи „дружелюбны“ к русским?

В каком другом вопросе такой трюк сошёл бы с рук? А тут эти мысли признаются столь важными, что в английском переводе сообщаются американскому читателю.

В более поздней статье того же автора приводится несколько высказываний „писателя Н. Н.“ вроде того, что еврейские погромы были и при Мономахе, или что сейчас в московской организации Союза писателей евреев – 80 %. Не пытаясь оценивать ни правильность этой цифры, ни то, какое влияние подобное положение вещей могло бы оказать на развитие русской литературы, автор утверждает, что Н. Н. призывает „приступить к погромам, опоясавшись Мономахом“ – и даже что „мы имеем дело /.../ с православным фашизмом“. Видно, что цель – увести читателей с неудобной для автора почвы фактов и размышлений. Вместо этого внушается образ русских – почти невменяемых недоумков, а любые неприятные высказывания перекрашивают под призывы к погрому. В русофобской литературе мы встречали такие уверенные обвинения русских в отсутствии уважения к чужому мнению! Авторы так часто прокламировали „плюрализм“ и „толерантность“, что мы, казалось бы, могли рассчитывать встретить эти черты у них самих. Однако, когда они сталкиваются с болезненными для них вопросами, то не только не проявляют терпимости и уважения к чужому мнению, но без обиняков объявляют своих оппонентов фашистами и чуть ли не убийцами. А ведь как раз в трудных, болезненных ситуациях только и проверяются и „плюрализм“ и „толерантность“. Если пытаться на этой

модели понять, что же подразумевают авторы под свободой мысли и слова, то ведь может показаться, что они понимают её как свободу **своей** мысли и свободу слова лишь для её **выражения!**

Более рационально, аргументированно тот же запрет высказывается в такой форме: неоправданно любое суждение о целом народе, этим отрицается автономность человеческой индивидуальности, одни люди становятся ответственными за действия других. Но приняв такую точку зрения, мы должны были бы вообще отказаться от применения в истории общих категорий: сословие, класс, нация, государство. Впрочем, подобных возражений почему-то не вызывают ни такие мысли, что „Россией привнесено в мир больше зла, чем любой другой страной“, ни раздающиеся в последнее время в США требования (еврейских авторов) больше освещать вклад (разумеется положительный) евреев в американскую культуру (тоже ведь – суждение о целой нации!).

Главное же, никакого отрицания индивидуальности здесь не происходит. Мы, например, привели выше аргументы в пользу того, что разбираемая нами русофобская литература находится под сильным влиянием еврейских националистических чувств. Но ведь не все же евреи принимают в этой литературе участие! Есть и такие, которые против неё возражают. Некоторых из них мы называли выше. Так что здесь вполне остается свобода проявления своей индивидуальности и ни на кого не возлагается ответственность за действия, им не совершенные.

Раз уж мы произнесли слово „ответственность“, то позволим себе ещё одно разъяснение. В этой работе мы вообще отказываемся от всяких „оценочных суждений“, от постановки вопроса, „кто виноват?“ (и насколько). Дальше мы попытаемся лишь понять: что же происходило? Как отразилась на истории нашей страны та роль, которую некоторые слои еврейства играли в течение „революционного века“ – от середины XIX до середины XX века?

8. Еврейское влияние в „революционный век“

В конце XIX в. устойчивая, замкнутая жизнь религиозных общин, объединявших почти всех живших в России евреев, стала быстро распадаться. Молодёжь покидала религиозные школы и патриархальный кров и вливалась в русскую жизнь – экономику, культуру, политику – всё больше влияя на неё. К началу XX в. это влияние достигло такого масштаба, что стало весомым фактором русской истории. Если оно было велико и в экономике, то особенно бросалось в глаза во всех течениях, враждебных тогдашнему жизненному укладу. В либерально-обличительной прессе, в левых партиях и террористических группах евреи, как по их числу, так и по их руководящей роли, занимали положение, совершенно несопоставимое с их численной долей в населении.

„...Факт безусловный, который надлежит объяснить, но бессмысленно и бесцельно отрицать“, – писали об этом объективные еврейские наблюдатели (цитированный выше сборник „Россия и евреи“).

Естественно, что весь процесс особенно обострился, когда разразилась революция. В том же сборнике читаем:

„Теперь еврей – во всех углах, на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе армии, совершеннейшего механизма самоистребления. Он видит, что проспект св. Владимира носит славное имя Нахimsona, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск – в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьей, и палачом...“

Тем не менее, мысль, что „революцию делали одни евреи“ – бессмыслица, выдуманная, вероятно, лишь затем, чтобы её было проще опровергнуть. Более того, я не вижу никаких аргументов в пользу того, что евреи вообще „сделали“ русскую революцию, т. е. были её ини-

циаторами, хотя бы в виде руководящего меньшинства.

Если начинать историю революции с Бакунина, Герцена и Чернышевского, то в их окружении не было никаких евреев, а Бакунин и вообще относился к евреям с антипатией. Когда возникли первые революционные прокламации („К молодой России“ и др.), в период „хождения в народ“, и когда после его неудачи произошёл поворот к террору, евреи в революционном движении были редким исключением. В самом конце 70-х годов в руководстве „Народной Воли“ было несколько евреев (Гольденберг, Дейч, Зунделевич, Геся Гельфман), что после убийства Александра II привело ко взрывам народного возмущения, направленного против евреев. Но как слабо было влияние евреев в руководстве организации, показывает то, что „Листок Народной Воли“ ОДОБРИЛ эти беспорядки, объяснив их возмущением народа против евреев-эксплуататоров. К концу 80-х годов положение несколько изменилось. Согласно сводке, составленной министерством внутренних дел, среди известных ему политических эмигрантов евреи составляли немного более трети – 51 из 145. Только после создания партии эс-эров евреи образовали прочное большинство в руководстве этого движения. Вот, например, краткая история Боевой Организации эс-эров: её создал и ею с 1901 по 1903 руководил Гершуни, с 1903 по 1906 – Азев*, с 1906 по 1907 – Зильберберг. После этого во главе встал Никитенко, но через два месяца был арестован, а в 1908 г. она была распущена (когда выяснилась роль Азева). Обильный материал в этом отношении дают донесения Азева, позже опубликованные. В одном из них он перечисляет членов заграничного комитета: Гоц, Чернов, Шишко, супруги Левиты, жена Гоца, Миноры, Гуревич и жена Чернова, а в другом – „узкий круг руководителей партии“: Мендель, Виттенберг, Левин, Левит и Азев.

Аналогичную эволюцию мы видим и в социал-демократии. Идея, что не крестьяне, а рабочие могут стать

* Кажется, его фамилию надо произносить А́зев, а не Азе́ф.

главной революционной силой, была высказана применительно к России не евреями, а Якубовичем, особенно Плехановым, который начал пересадку марксизма на русскую почву. В социал-демократии сначала гораздо больше евреев было среди меньшевиков, чем среди большевиков (в заметке о V съезде РСДРП Сталин писал, что в меньшевистской фракции подавляющее большинство составляли евреи, а в большевистской – русские, и приводил известную „шутку“, что неплохо бы устроить в русской социал-демократии небольшой еврейский погром), к большевикам еврейские силы стали приливать только перед самым октябрьским переворотом, и особенно вслед за ним – от меньшевиков, из Бунда (многие вожди Бунда перешли в большевистскую партию), из беспартийных. После переворота несколько дней главой государства был Каменев, потом до своей смерти – Свердлов. Во главе армии стоял Троцкий, во главе Петрограда – Зиновьев, Москвы – Каменев, Коминтерн возглавлял Зиновьев, Профинтерн – А. Лозовский (Соломон Дризо), во главе комсомола стоял Оскар Рывкин и т. д.

Положение в 30-е годы можно представить себе, например, по спискам, приведённым в книге Дикого. Если в самом верховном руководстве число еврейских имён уменьшается, то в инстанциях ниже влияние расширяется, уходит вглубь. В ответственных наркоматах (ОГПУ, Иностранных дел, тяжелой промышленности) в руководящей верхушке (наркомы, их заместители, члены коллегии) евреи занимали доминирующее положение, составляли заведомо больше половины. В некоторых же областях руководство почти сплошь состояло из евреев.

Но это всё лишь количественные оценки. Каков же был **характер** того влияния, которое оказала на ту эпоху столь значительная роль радикального еврейства? Бросается в глаза особенно большая концентрация еврейских имён в самые болезненные моменты среди руководителей и исполнителей акций, которые особенно резко перекраивали жизнь, способствовали разрыву исторических традиций, разрушению исторических корней.

Например, из большинства мемуаров времён гражданской войны возникает странная картина: когда упоминаются деятели ЧК, поразительно часто всплывают еврейские фамилии – идёт ли речь о Киеве, Харькове, Петрограде, Вятке или Туркестане. И это в то время, когда евреи составляли всего 1 - 2 % населения Советской России! Так, Шульгин приводит список сотрудников Киевской ЧК: в нём почти исключительно еврейские фамилии. И рассказывает о таком примере её деятельности: в Киеве до революции был „Союз русских националистов“ – его членов расстреливали по спискам.

Особенно же ярко эта черта выступает в связи с расстрелом Николая II и его семьи. Ведь речь шла не об устранении претендентов на престол своего предшественника – вроде убийства Петра III или Павла I. Николай II был расстрелян именно **как царь**, этим ритуальным актом подводилась черта под многовековой эпохой русской истории, так что сравнивать это можно лишь с казнью Карла I в Англии или Людовика XVI во Франции. Казалось бы, от такого болезненного, оставляющего след во всей истории действия, представители незначительного этнического меньшинства должны были бы держаться как можно дальше. А какие имена мы встречаем? Лично руководил расстрелом и стрелял в Царя Яков Юровский, председателем местного Совета был Белобородов (Вайсбарт), а общее руководство в Екатеринбурге осуществлял Шая Голощёкин. Картина дополняется тем, что на стене комнаты, где происходил расстрел, было обнаружено написанное (по-немецки) двестише из стихотворения Гейне о царе Валтасаре, оскорбившем Иегову и убитом за это.*

Или вот другая эпоха: состав верхушки ОГПУ в период раскулачивания и Беломорканала, в переломный момент нашей истории, – когда решалась судьба крестьянства (он

* Довольно откровенной попыткой затемнить именно этот аспект Екатеринбургской трагедии является недавняя книга двух английских журналистов. Но по другому поводу мы узнаём из неё, что на стенах дома, где произошёл расстрел царской семьи, были обнаружены надписи на идиш!

приведён в книге одного английского исследователя, вовсе не желающего подчеркнуть национальный аспект): председатель Ягода (Игуда), заместители – Агранов, Трилиссер, позже Фриновский; начальник оперотдела – Валович, позже Паукер; начальник ГУЛАГа – Матвей Берман, потом Френкель; политотдела – Ляшков; хозяйственного отдела – Миронов; спецотдела – Гай, иностранный отдел – начальник Слуцкий, заместитель – Борис Берман и Шпилгельглас; транспортный отдел – Шанин. А когда Ягodu сменил Ежов, его заместителями были Берман и Фриновский.

Или, наконец, уничтожение Православной Церкви: в 20-е годы им руководил Троцкий (при ближайшем помощнике – Шпицберге), а в 30-е Емельян Ярославский (Миней Израилевич Губельман). Тот период, когда кампания приняла уже грандиозный размах, освещается в самиздатском письме покойного украинского академика Белецкого. Он, например, приводит список основных авторов атеистической (т. е. почти исключительно анти-православной) литературы: Емельян Ярославский (Губельман), Румянцев (Шнейдер), Кандидов (Фридман), Захаров (Эдельштейн), Ранович, Шахнович, Скворцов-Степанов, а в более позднее время – Ленцман и Менкман.

Самая же роковая черта всего этого века, которую можно отнести за счёт всё увеличивающегося еврейского влияния, заключалась в том, что часто либеральная, западническая и интернационалистическая фразеология прикрывала антинациональные тенденции. (Конечно, вовлечёнными в это оказались и многие русские, украинцы, грузины). Тут – кардинальное отличие от Французской революции, в которой евреи не играли никакой роли. Там „патриот“ – был термин, обозначающий революционера, а у нас – контрреволюционера, его можно было встретить и в смертном приговоре: расстрелян как заговорщик, монархист и патриот.

И в России эта черта появилась не сразу. В мышлении Бакунина были какие-то национальные элементы, он мечтал о федерации анархически-свободных славянских наро-

дов. Та приманка, которая заманивала большинство молодежи в революцию, была любовь и сострадание к народу, т. е. тогда – к крестьянству. Но рано началась и обратная тенденция. Так, Л. Тихомиров рассказывает о В. А. Зайцеве (мы уже цитировали его в § 4, например, что „рабство в крови русских“): „Еврей, интеллигентный революционер, он с какой-то бешеной злобой ненавидел Россию и буквально проклинал её, так что противно было читать. Он писал, например, 'сгинь, проклятая'“. О Плеханове Тихомиров пишет: что он „носил в груди неистребимый русский патриотизм“. И вот, вернувшись после февральской революции в Россию, он обнаружил, что его бывшее влияние испарилось. У Плеханова просто не повернулся бы язык воскликнуть, как Троцкий: „Будь проклят патриотизм!“

Это „антипатриотическое“ настроение господствовало в 20-е и 30-е годы. Зиновьев призывал тогда „подсекать головку нашего русского шовинизма“, „калёным железом прижечь всюду, где есть хотя бы намёк на великодержавный шовинизм“, Яковлев (Эпштейн) сетовал, что „через аппарат проникает подлый великодержавный русский шовинизм“. Что же понималось под „великодержавным шовинизмом“ и что означала борьба с ним? Бухарин разъяснял: „...мы, в качестве бывшей великодержавной нации должны /.../ поставить себя в неравное положение в смысле ещё больших уступок национальным течениям“. Он требовал поставить русских „в положение более низкое по сравнению с другими...“ Сталин же раз за разом, начиная с X съезда и кончая XVI, декларировал, что „великодержавный шовинизм“ является главной опасностью в области национальной политики. Тогда термин „РУСОПЯТ“ был вполне официальным, его можно было встретить во многих речах тогдашних деятелей. „Антипатриотическое“ настроение пропитало и литературу. Безыменский мечтал:

О, скоро ли рукою жёсткой
Рассеюшку с пути столкнут?!

Эта тема варьировалась до бесконечности,

Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?
Что же! Вечная память тебе.

Или:

Я предлагаю
Минина расплавить,
Пожарского.
Зачем им пьедестал?
Довольно нам
Двух лавочников славить
Их за прилавками
Октябрь застал.
Случайно им
Мы не свернули шею.
Я знаю, это было бы подстать,
Подумаешь,
Они спасли Рассею!
А может лучше было б не спасать?

Занятие русской историей включало в себя как обязательную часть, выливание помоев на всех, кто играл какую-то роль в судьбах России – даже за счёт противоречия с убеждениями самих исследователей: ибо был ли, например, Петр Великий сифилитиком или гомосексуалистом, это ведь не оказывало никакого влияния на „торговый капитал“, „выразителем интересов которого он являлся“. Через литературу и школу это настроение проникало и в души нынешних поколений – и вот, например, Л. Плющ называет Кутузова „реакционным деятелем“!

Здесь уместно рассмотреть часто выдвигаемое возражение: евреи, принимавшие участие в этом течении, принадлежали к еврейству лишь по крови, но по духу они были интернационалистами; то, что они были евреями, никак не влияло на их деятельность. Но ведь Сталина, например, те же авторы объявляют „продолжателем политики русского царизма“, хотя в своих речах он неустанно обличал „великодержавный шовинизм“. Если они не верят на слово Сталину, то почему же верят Троцкому и считают его чистым интернационалистом? Именно эту точку зрения имеет, конечно, в виду Померанц, когда пишет, что

если считать Троцкого евреем, то Врангеля надо считать немцем. Кем же они в действительности были? „Этот вопрос кажется мне неразрешимым“, – говорит Померанц. В то же время, по крайней мере в отношении Троцкого, положение не представляется столь безнадежным. Например, в одной из его биографий читаем:

„Судя по всему, рационалистический подход к еврейскому вопросу, которого требовал от него исповедуемый им марксизм, никак не выражал его подлинных чувств. Кажется даже, что он был „одержим“ по-своему этим вопросом; он писал о нём чуть ли не больше, чем любой другой революционер“.

Как раз сравнение с Врангелем поучительно: заместителем Троцкого был Эфраим Склянский, а Врангеля – генерал Шатилов, отнюдь не немец. И неизвестно признаков каких-либо особых симпатий к Врангелю, стремления его реабилитировать со стороны немецких публицистов, в то время как с Троцким дело обстоит не так: например, тот же Померанц сравнивает трудармии Троцкого с современной посылкой студентов на картошку! Тогда как сам Троцкий пользовался совсем другим сравнением – с крепостным правом, которое он объявлял вполне прогрессивным для своего времени. Или В. Гроссман в романе „Всё течёт“, развенчивая и Сталина и Ленина, пишет: „блестящий“, „бурный“, „великолепный“, „почти гениальный Троцкий“.*

* В. С. Гроссман – советский писатель и публицист. Вместе с Эренбургом и Заславским был руководящим пропагандистом сталинского времени. Одновременно, в тайне, написал несколько книг, которые были опубликованы после его смерти. В одной из них „Всё течёт“ он, сурово развенчивая Сталина и Ленина, очень сочувственно отзываясь о Троцком (отсюда и взятые приведенные выше цитаты). В той же книге он утверждает, что вся русская история – это история рабства, что русская душа – тысячелетняя раба, извратившая занесённые с Запада свободолюбивые идеи (хотя в своей официальной публицистике военного времени он говорил совсем другим языком: в русской душе он видел „неистребимую, неистовую силу“, „железную аввакумовскую силу, которую нельзя ни согнуть, ни сломить“ и т. д.). Таким образом, В. Гроссмана можно рассматривать как предшественника того течения, которое является предметом рассмотрения настоящей работы.

Не только этот пример Померанца неудачен, но можно привести много примеров того, что как либеральные, так и революционные деятели еврейского происхождения находились под воздействием мощных националистических чувств. (Конечно, из этого не следует, что так было со всеми). Например, Винавер – один из самых влиятельных руководителей конституционно-демократической („кадетской“) партии после революции превратился в активнейшего сиониста. Или возьмём момент, когда создавалась партия эсэров. В воспоминаниях один из руководящих деятелей того времени (позже – один из вождей французской компартии) Шарль Раппопорт пишет:

„Хаим Житловский, который вместе со мной основал в Берне „Союз русских социалистов-революционеров“, из которого выросла в дальнейшем партия эсэров* /.../ Этот пламенный и искренний патриот убеждал меня дружески: будь, кем хочешь – социалистом, коммунистом, анархистом и так далее, но в первую очередь будь евреем, работай среди евреев, еврейская интеллигенция должна принадлежать еврейскому народу“.

Взгляды самого Раппорта таковы:

„Еврейский народ – носитель всех великих идей единства и человеческой общности в истории /.../ Исчезновение еврейского народа будет означать гибель человечества, окончательное превращение человека в дикого зверя“.

Очень трудно представить себе, чтобы деятельность таких политиков (в качестве ли кадетов, эсэров или французских коммунистов) не отражала их национальных чувств. Следы этого можно действительно увидеть, например, в истории партии эсэров. Так, два самых знаменитых террористических акта, потребовавших наибольшего напряжения сил Боевой организации, – были направлены против Плеве и великого князя Сергея Александровича, которых молва обвиняла в антисемитизме. (Плеве считали ответственным за Кишенёвский погром, ходила даже легенда, что он хотел выселить евреев в гетто; в. кн. Сергей Александрович, будучи московским генерал-губернатором, восстановил некоторые ограниче-

ния на проживание евреев в Московской губернии, отменённые раньше). Зубатов вспоминал, что в разговоре с ним Азев „трясся от злобы и ненависти, говоря о Плеве, которого он считал ответственным за Кишинёвский погром“.**

О том же свидетельствует и Ратаев. Один из руководителей партии эсэров – Слетов – рассказывает в своих воспоминаниях, как реагировали вожди партии в Женеве на весть об убийстве Плеве:

„Несколько минут стояло столпотворение. Некоторые мужчины и женщины впали в истерику. Большинство присутствующих обнимались. Со всех сторон раздавались крики радости. Я как сейчас вижу Н., стоявшего немного в стороне: он разбил стакан с водой об пол, заскрежетал зубами и воскликнул: 'Это за Кишинёв!'“

Вот другой пример. Советский историк М. Н. Покровский рассказывает:

„...Я знал, что ещё в 1907 году кадетская газета „Новь“ в Москве субсидировалась некоторого рода синдикатом еврейской буржуазии, которая больше всего заботилась о национальной стороне дела и, находя, что газета недостаточно защищает интересы евреев, приходила к нашему большевистскому публицисту М. Г. Лунцу и предлагала ему стать редактором газеты. Он был крайне изумлён, говоря: Как же, – ведь газета кадетская, а я большевик. Ему говорят: Это всё равно. Мы думаем, что ваше отношение к национальному вопросу более чётко“.

Мысль, что политический переворот может быть инструментом для достижения национальных целей, не

* Автор несколько преувеличивает: партия эсэров образовалась из слияния нескольких организаций, в числе которых был и вышеупомянутый „Союз“.

** В судьбе Азева вообще много загадочного. Почему после разоблачения он не был убит, в то время, как партия казнила за гораздо меньшие проступки, только попытки предательства (например, Гапона)? Считалось, что он скрывается, но Бурцев его нашёл и взял у него интервью! Азев умер своею смертью в 1918 г. Трудно придумать иное объяснение, чем то, что руководство партии знало о его сотрудничестве с властями и санкционировало его на определённых условиях.

чужда еврейскому сознанию. Так, Витте рассказывает, что когда он в 1905 году вёл в Америке переговоры о заключении мирного договора с Японией, к нему пришла „делегация еврейских тузов“, в том числе Яков Шифф, „глава еврейского финансового мира в Америке“. Их волновал вопрос о положении евреев в России. Слова Витте, что „предоставление сразу равноправия принесёт больше вреда, чем пользы“, „вызвали со стороны Шиффа резкое возражение“. Шульгин приводит, со ссылкой на первоисточник, версию одного из еврейских участников этой встречи о том, в чем заключалось „возражение“ Шиффа. По его словам, Шифф сказал:

„В таком случае революция воздвигнет республику, при помощи которой права будут получены“.

В качестве продолжения этой истории можно привести другую, имевшую место в 1911 - 1912 гг. В эти годы в Америке разыгралась бурная кампания протеста против того, что, согласно тогдашним русским законам, въезд американских евреев в Россию был ограничен. Требовали разрыва русско-американского торгового договора 1888 г. (Договор и был расторгнут, совершенно так же, как в наши дни торговый договор не был подписан из-за того, что был ограничен **выезд** евреев из СССР в США). Выступая на митинге, министр продовольствия Герман Леб (вышеупомянутый Шифф был главным директором банка Кун, Леб и К°) сказал, что расторжение договора – это хорошо, но ещё лучше – переправить в Россию контрабандой оружие и послать сотню инструкторов:

„Пусть они обучат наших ребят, пусть научат их убивать угнетателей как собак. Трусливая Россия вынуждена была уступить маленьким японцам. Она уступит и Избранному Богом Народу. /.../ Деньги помогут нам добиться этого“.

Таких примеров можно привести гораздо больше. Они недостаточны, конечно, для того, чтобы понять, как именно влияли национальные чувства на политических деятелей-евреев, но показывают, что такое влияние во многих случаях несомненно существовало.

9. Прошлое и настоящее.

Почему случилось так, что именно выходцы из еврейской среды оказались ядром того „Малого Народа“, которому выпала роковая роль в кризисную эпоху нашей истории? Мы не будем пытаться вскрыть глубинный смысл этого явления. Вероятно, основы – религиозные, связанные с верой в „Избранный Народ“ и в предназначенную ему власть над миром. Какой другой народ воспитывался из поколения в поколение на таких заветах?

„...Введёт тебя Господь, Бог твой, в ту землю, которую Он клялся отцам твоим, Аврааму, Исааку, и Иакову, дать тебе с большими и хорошими городами, которых ты не строил.

И с домами, наполненными всяким добром, которых ты не наполнял, и с колодезями, высеченными из камня, которых ты не высекал, и с виноградниками и маслинами, которых ты не сажал...“
(Второзаконие, VI, 6-11)

„Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их – служить тебе; ибо во гневе Моём Я поражал тебя, но в благоволении Моём буду милостив тебе.

И будут всегда отверсты врата твои, не будут затворяться ни днём, ни ночью, чтобы приносимо было к тебе достояние народов и приводимы были цари их.

Ибо народ и царство, которые не захотят служить тебе, погибнут, и такие народы совершенно истребятся.“
(Исаия, 60, 10-12)

„И придут иноземцы и будут пасти стада ваши; и сыновья чужестранцев будут вашими земледель-

цами и вашими виноградарями.“ (Исаия 61, 5)

„И будут цари питателями твоими, и царицы кормилицами твоими; лицом до земли будут кланяться тебе и лизать прах ног твоих.“ (Исаия, 49, 23)

У кого можно встретить подобные чувства?

„О прочих же народах, происшедших от Адама, Ты сказал, что они ничто, но подобны слюне, и всё множество их Ты уподобил каплям, каплющим из сосуда.“ (III кн. Ездры, 6, 56)

„Если для нас создан век сей, то почему не получаем мы наследия с веком? И доколе это?“ (III кн. Ездры, 6, 56)

Именно это мировоззрение „Избранного Народа“ явилось прототипом идеологии „Малого Народа“ во всех его исторических воплощениях (что особенно ясно видно на примере пуритан, пользовавшихся даже той же терминологией – из новейших авторов ею пользуется Померанц).

Однако здесь я укажу только на самую очевидную причину – почти двухтысячелетнюю изоляцию и подозрительное, враждебное отношение к окружающему миру. Конечно, встает также вопрос о причинах и смысле этой изоляции. Например, такой тщательный и объективный исследователь, как Макс Вебер, считает, что изоляция еврейства была не вынужденной, а добровольно избранной задолго до разрушения Храма. В этом с ним соглашается и советский историк С. Лурье в работе „Антисемитизм в древнем мире“. Он полагает, что в эпоху, предшествующую разрушению Храма, большинство евреев уже жило в диаспоре, а Иудея играла роль культового и национального центра (очевидно, несколько напоминая современное государство Израиль).

Но чтобы не углубляться в эту цепь загадок, мы придем за данное её конечное звено – расселение и изоля-

цию. Двадцать веков было прожито среди чужих народов в полной изоляции ото всех влияний внешнего мира, воспринимаемого как „трефа“, источник заразы и греха. Хорошо известны высказывания Талмуда и комментариев к нему, в которых с разных точек зрения разъясняется, что иноверца (акума) нельзя рассматривать как человека: по этой причине не следует бояться осквернять их могилы; в случае смерти слуги-акума не следует обращаться с утешениями к его господину, но выразить надежду, что Бог возместит его убыток – как в случае падёжа скота; по той же причине брак с акумом не имеет силы, его семя – всё равно, что семя скота, акумы – это животные с человеческими лицами и т. д. и т. п. Тысячи лет каждый год в праздник „Пурим“ праздновалось умерщвление евреями 75.000 их врагов, включая женщин и детей, как это описано в книге Эсфири. И празднуется до сих пор – в Израиле по этому поводу происходит весёлый карнавал! Для сравнения представим себе, что католики ежегодно праздновали бы ночь св. Варфоломея!

Сошлюсь, наконец, на источник, который уж никак нельзя заподозрить во враждебности к евреям: известный сионист, друг и душеприказчик Кафки, Макс Брод в своей книге о Рейхлине сообщает об известной ему еврейской молитве против иноверцев с призывами к Богу лишить их надежды, разметать, низринуть, **истребить в одно мгновение** и „в наши дни“. Можно представить себе, какой неизгладимый след должно было оставить в душе такое воспитание, начинавшееся с детства, и жизнь, прожитая по таким канонам, и так из поколения в поколение – 20 веков!

Какое отношение к окружающему населению могло возникать на этой почве, можно попытаться восстановить по мелким чёрточкам, разбросанным во многих источниках. Например, в своём дневнике молодой Лассаль, не раз негодуя по поводу угнетённого положения евреев, говорит, что мечтал бы встать во главе их с оружием в руках. В связи со слухами о ритуальных убийствах он пишет:

„Тот факт, что во всех уголках мира выступают с

подобными обвинениями, мне кажется, предвещает, что скоро наступит время, когда мы действительно освободимся пролитием христианской крови. Игра началась и дело за игроками“.

Если ещё принять во внимание злобность и злопамятность, которые видны на каждой странице этого дневника, то легко представить себе, что такие переживания должны были оставить след на всю жизнь. Или, Мартов (Цедербаум), вспоминая страх, испытанный в трёхлетнем возрасте при ожидании погрома (толпа была разогнана казаками ещё до того, как дошла до дома Цедербаумов), задумывается:

„Был бы я тем, чем стал, если бы на пластической юной душе российская действительность не поспешила запечатлеть своих грубых перстов и под покровом всколыхнутой в детском сердце жалости заботливо схоронить семена спасительной ненависти?“

Более явные свидетельства можно найти в литературе. Например, „спасительная ненависть“ широко разлита в стихах еврейского поэта, жившего в России – Х. Бялика.

„Пусть сочтется как кровь неотмщённая в ад,
И да реет во тьме и да точит как яд,
Разъеда я столпы мироздания“.

„Да станет наша скорбь, как кость у злого пса,
В гортани мира ненасытной;
И небо напоит, и всю земную гладь,
И степь, и лес отравой жгучей,
И будет с нами жить, и цвести, и увядать,
И расцветать ещё могучей“;

„Я для того замкнул в твоей гортани,
О человек, стенание твое;
Не оскверни, как те, водой рыданий
Святую боль святых твоих страданий,
Но береги нетронутой её.
Лелей её, храни дорожеклада

И замок ей построй в твоей груди,
Построй оплот из ненависти ада –
И не давай ей пищи кроме яда
Твоих обид и ран твоих, и жди
И возрастёт взлелеянное семя,
И жгучий даст и полный яду плод –
И в грозный день, когда свершится время,
Сорви его – и брось его в народ!“

“Из бездны Авадонна вознесите песнь о Разгроме
Что, как дух ваш черна от пожара,
И рассыптесь в народах, и всё в проклятом их доме
Отравите удушьем угара;
И каждый да сеет по нивам их семя распада
Повсюду, где ступит и станет.
Если только коснетесь чистейшей из лилий их сада,
Почернеет она и завянет;
И если ваш взор упадёт на мрамор их статуй –
Треснут, разбиты на-двое;
И смех захватите с собою, горький проклятый,
Чтоб умерщвлять всё живое.“

Презрение и безразличность к русским, украинцам, полякам как к существам низшего типа, недо-человекам, ощущается почти в каждом рассказе „Конармии“ И. Бабеля. Полноценный человек, вызывающий у автора уважение и сочувствие, встречается там только в образе еврея. С нескрывтым отвращением описывается, как русский отец режет сына, а потом второй сын – отца („Письмо“), как украинец признаётся, что не любит убивать, расстреливая, а предпочитает затаптывать насмерть ногами („Жизнеописание Павличенка, Матвея Родионыча“). Но особенно характерен рассказ „Сын Рабби“. Автор едет в поезде с отступающей армией.

„И чудовищная Россия, неправдоподобная, как стадо платяных вшей, затопала лаптами по обе стороны вагонов. Тифозное мужицкѣ катило перед собой привычный гроб солдатской смерти. Оно прыгало на подножки

нашего поезда и отваливалось, сбитое прикладами“.

Но тут автор видит знакомое лицо: „И я узнал Илью, сына житомирского рабби“. (Автор заходил к раввину в вечер перед субботой – хоть и политработник Красной Армии – и отметил „юношу с лицом Спинозы“ – рассказ „Гидали“). Его, конечно, сразу приняли в вагон редакции. Он был болен тифом, при последнем издыхании и там же, в поезде, умер. „Он умер, последний принц, среди стихов, филактерий и портянок. Мы похоронили его на забытой станции. И я – едва вмещающий в древнем теле бури моего воображения, – я принял последний вздох моего брата“.

Холодное отстранение от окружающего народа часто передают стихи Э. Багрицкого, в стихотворении же „Февраль“ прорывается крайняя ненависть. Герой становится после революции помощником комиссара:

Моя иудейская гордость пела,
Как струна, натянутая до отказа...
Я много дал бы, чтобы мой пращур
В длиннополом халате и лисьей шапке,
Из-под которых седой спиралью
Спадали пейсы и перхоть тучей
Взлетает над бородой квадратной...
Чтоб этот пращур признал потомка
В детине, стоящем подобно башне
Над летящими фарами и штыками
Грузовика, потрясшего полночь.

Однажды, во время налёта на подозрительный дом, автор узнаёт девушку, которую он видел ещё до революции, она была гимназисткой, часто проходила мимо него, а он вздыхал, не смея к ней подойти. Однажды попытался заговорить, но она его прогнала... Сейчас она стала проституткой...

Я – Ну, что! узнали?

Тишина.

– Сколько дать вам за сеанс?

И тихо,

Не раздвинув губ, она сказала:

- Пожалей меня! Не надо денег...
Я швырнул ей деньги,
Я ввалился
Не стянув сапог, не сняв кобуры,
Не расстегнув гимнастёрки.

Я беру тебя за то, что робок
Был мой век, за то, что я застенчив,
За позор моих бездомных предков,
За случайной птицы щебетанье!
Я беру тебя как мщенье миру,
Из которого не мог я выйти!
Принимай меня в пустые недра,
Где трава не может завязаться,
Может быть, моё ночное семя
Оплодотворит твою пустыню.

Мне кажется, пора бы пересмотреть и традиционную точку зрения на романы Ильфа и Петрова. Это отнюдь не забавное высмеивание пошлости эпохи нэпа. В мягкой, но чёткой форме в них развивается концепция, составляющая, на мой взгляд, их основное содержание. Действие их как бы протекает среди обломков старой русской жизни, в романах фигурируют дворяне, священники, интеллигенты – и все они изображены, как какие-то нелепые, нечистоплотные животные, вызывающие брезгливость и отвращение. Им даже не приписывается каких-то черт, за которые можно было бы осудить **человека**. На них вместо этого ставится штамп, имеющий целью именно уменьшить, если не уничтожить, чувство общности с ними как с людьми, оттолкнуть от них чисто физиологически: одного изображают голым, с толстым отвисшим животом, покрытым рыжими волосами; про другого рассказывается, что его секут за то, что он не гасит свет в уборной... Такие существа не вызывают сострадания, истребление их – нечто вроде весёлой охоты, где дышится полной грудью, лицо горит, и ничто не омрачает удовольствия.

Эти чувства, пронесённые ещё одним поколением,

дожили до наших дней и часто прорываются в песнях бардов, стихах, романах и мемуарах. Бурный взрыв тех же эмоций можно наблюдать в произведениях недавних эмигрантов. Вот, например, стихотворение недавно эмигрировавшего Д. Маркиша, напечатанное уже в Израиле в журнале «Сион»:

Я говорю о нас, сынах Синая,
О нас, чей взгляд иным теплом согрет.
Пусть русский люд ведёт тропа иная,
До их славянских дел нам дела нет.

Мы ели хлеб их, но платили кровью.
Счета сохранены, но не подведены.
Мы отомстим – цветами в изголовьи
Их северной страны.

Когда сотрётся лаковая проба,
Когда заглохнет красных криков гул,
Мы встанем у березового гроба
В почётный караул...

В статье, опубликованной в другом израильском журнале, читаем:

„Народу 'богоносцу' мало огромной конформированной страны, ему нужна также жемчужина, т. е. Святая Земля /.../ Ему хочется этой недоступной ему святости, и хотя он сам – погрязший в презрении к самому себе и ко всем остальным, даже не знает, что ему с этой святостью делать, потому что в его язычески-христианском представлении святость не живая и не может осветить мир, он всё ждёт своего часа самодура-палача. И в его тёмном инстинкте это вызывало и вызывает чудовищные порывы ненависти к Израилю – носителю святости живой.“*

* Автор, по-видимому, совершенно не чувствует иронии того, что он обвиняет в „порывах ненависти“ кого-то другого, хотя его самого в этом вряд ли можно превзойти.

Под конец приведём выдержку из журнала, издающегося на русском языке в Торонто:

„Не премолчи, Господи, вступишь за избранных Твоих, не ради нас, ради клятвы Твоей отцам нашим – Аврааму, Исааку и Якову. Напусти на них Китайца, чтобы славил он Мао и работали на него, как мы на них. Господи, да разрушит Китаец все русские школы и разграбит их, да будут русские насильно китаизированы, да забудут они свой язык и письменность. Да организует он им в Гималаях Русский национальный округ.“

Часто приходится слышать такой аргумент: многие поступки и чувства евреев можно понять, если вспомнить, сколько они испытали. Например, некоторые стихи Бялика написаны под впечатлением погромов, у Д. Маркиша отец расстрелян при Сталине по „процессу сионистов“, другие помнят черту осёдлости, процентную норму или какие-то более поздние обиды. Здесь надо ещё раз подчеркнуть, что мы не собираемся в этой работе никого судить, обвинять или оправдывать. Сама постановка такого вопроса вряд ли имеет смысл: оправдает ли унижение немцев по Версальскому миру национал-социализм? Мы хотели бы только представить себе, что происходило в нашей стране, какие социальные и национальные факторы и как на её историю влияли.

*

Начиная с пореформенных 60-х годов, в России у всех на устах появилось слово „Революция“. Это был явный признак приближающегося кризиса. И как другой его признак стал формироваться „Малый Народ“ со всеми присущими ему чертами. Создавался новый тип людей, вроде молодого человека (о нём рассказывает Тихомиров), с гордостью произносившего: „Я отщепенец“, или Ишутинского кружка „Ад“, в программе которого стояло: „Личные радости заменить ненавистью и злом – и с этим научиться жить“. Но можно понять, какая это была мучительная операция, как трудно было отрывать человека от

его корней, как бы выворачивать наизнанку, как для этого надо было осторожно, шаг за шагом посвящать его в новое учение, подавлять силой авторитетов. И насколько проще всё было с массой еврейской молодёжи, не только не связанной общими корнями с этой страной и народом, но и воспринявшей с самого детства враждебность именно к этим корням, когда враждебная отчуждённость от духовных основ окружающей жизни усваивалась не из книг и рефератов, а впитывалась с раннего детства, часто совершенно бессознательно, из интонаций в разговорах взрослых, из случайно услышанных и запомнившихся на всю жизнь замечаний! И хотя чувства, отразившиеся в приведённых выше отрывках, вероятно, испытывали далеко не все евреи, но именно то течение, которое было ими проникнуто, с неслыханной энергией вторгалось в жизнь и смогло оказать на неё особенно сильное и болезненное влияние.

Надо признать, что кризис нашей истории протекал в совершенно уникальный момент. Если бы в то время, когда он разразился, евреи вели такой изолированный образ жизни, как, например, во Франции во время Великой революции, то они и не оказали бы заметного влияния на его течение. С другой стороны, если бы жизнь местечковых общин стала разрушаться гораздо раньше, то возможно, успели бы укрепнуть какие-то связи между евреями и остальным населением, отчуждённость, вызванная двухтысячелетней изоляцией, не была бы так сильна. Кто знает, сколько поколений нужно, чтобы стерлись следы 20-вековой традиции? – но нам практически не было дано ни одного: прилив евреев в террористическое движение почти точно совпал с „эмансипацией“, началом распада еврейских общин, выходом из изоляции. Пинхус Аксельрод, Геся Гельфман и многие другие руководители террористов происходили из такие слоёв еврейства, где вообще нельзя было услышать русскую речь. С узелком за плечами отправлялись они изучать „гойскую науку“ и скоро оказались среди руководителей движения. Совпадение **двух** кризисов оказало решающее

воздействие на характер той эпохи. Вот как это виделось еврейским наблюдателям (всё по той же книге „Россия и евреи“):

„И, конечно, не случайно то, что евреи, как склонные к рационалистическому мышлению, не связанные в своём большинстве никакими традициями с окружающим их миром, часто в этих традициях видевшие не только бесполезный, но и вредный для развития человечества хлам, оказались в такой близости к этим революционным идеям“.

И как закономерное следствие:

„Поражало нас то, чего мы всего менее ожидали встретить в еврейской среде: жестокость, садизм, насильнические, казалось, чуждые народу, далёкому от физической воинственной жизни; вчера еще не умевшие владеть ружьём, сегодня оказались среди насильствующих головорезов“.

Эта примечательная книга кончается словами:

„Одно из двух: либо иностранцы без политических прав, либо русское гражданство, основанное на любви к родине. Третьей возможности не дано“.

Но нашлось течение, выбравшее именно третий – „невозможный“, с точки зрения автора, путь. Не только не любовь к родине, а полная отчуждённость, активная враждебность её духовным началам и не только не отказ от политических прав, но напряжение всей воли и сил для воздействия на жизнь страны. Такое соединение оказалось поразительно эффективно, оно создало „Малый Народ“, который по своей действенности превзошёл все другие варианты этого явления, возникшего в Истории.

10. Заключение.

Мы видим, что сегодняшняя ситуация уходит корнями далеко в прошлое. На традиции двухтысячелетней изоляции накладываются страшные реминисценции более близкого прошлого, они давят на современное сознание,

которое стремится вытолкнуть их, переориентировать возникающие на их основе чувства. Так создаётся тот болезненный национальный комплекс, на счёт которого надо, по-видимому, отнести самые резкие обертоны в современной литературе „Малого Народа“, раздражённые выпады против русских и русской истории.

Но для нас – русских, украинцев, белоруссов... этот сгусток больных вопросов жгуче современен, никак не сводится только к оценке нашей истории. Трагичнее всего он проявляется в положении молодёжи. Не находя точек зрения, которые помогли бы ей разобраться в проблемах, выдвигаемых жизнью, она надеется найти свежие мысли, узнать новые факты – из иностранного радио. Или старается добыть билет в модный театр с ореолом независимости, чтобы с его подмостков услышать слово правды. В любом случае крутит плёнки с песенками Галича и Высоцкого. Но отовсюду на неё льётся, ей навязывается как вообще единственно-мыслимый взгляд, та же идеология „Малого Народа“: надменно-ироническое, глумливое отношение ко всему русскому, даже русским именам; концепция – „в этой стране всегда так было и быть ничего хорошего не может“, образ России – „Страны дураков“.*

И перед этой отточенной, проверенной на практике, усовершенствованной долгим опытом техники обработки мозгов растерянная молодёжь оказывается **АБСОЛЮТНО БЕЗЗАЩИТНОЙ**. Ибо ведь никто из тех, кто мог бы быть для неё авторитетом, её не предупредит, что она

* Конечно, живущие здесь, в окружении русских, авторы, не всегда могут себе позволить такой силы выражения как в произведениях эмигрантской литературы, процитированных в предыдущих параграфах. Обычная форма такова, что можно ещё и поспорить: это пьяница, хулиган, тупой чинуша *вообще*, не только русский. Но говор-то у них чисто русский. И имена – коренные русские, сейчас даже редко встречающиеся. А ведь, например, Галичу (Гинзбургу) куда лучше должен был бы быть знаком тип пробивного, умеющего втереться в моду драматурга и сценариста (совсем не обязательно такого уж коренного русака), получившего премию за сценарий фильма о чекистах и приобретающего славу песенками с диссидентским душком. Но почему-то этот образ его не привлекает.

имеет дело просто с новым вариантом пропаганды – хоть и очень ядовитой, но покоящейся на более чем хрупкой фактической основе.

На нашем горизонте опять вырисовывается зловещий силуэт „Малого Народа“. Кажется бы, наш исторический опыт должен был выработать против него иммунитет, обострить наше зрение, научить различать этот образ – но боюсь, что не научил. И понятно почему: была разорвана связь поколений, опыт не передавался от одних к другим. Вот и сейчас мы под угрозой, что наш опыт не станет известен следующему поколению.

Зная роль, которую „Малый Народ“ играл в истории, можно представить себе, чем чревато его новое явление: реализуются столь отчётливо провозглашённые идеалы – утверждение психологии „перемещенного лица“, жизни „без корней“, „хождения по воде“, т.е. **ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РАЗРУШЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВ ЖИЗНИ**. И в то же время при первой возможности – безоглядно-решительное манипулирование народной судьбой. А в результате – новая и последняя катастрофа, после которой от нашего народа, вероятно, уже ничего не останется. Злободневно звучит призыв, приведённый в самом конце предшествующего параграфа: сделать выбор между положением иностранцев без политических прав и гражданством, основанном на любви к родине – он логически адресуется ко всему „Малому Народу“. Каждый из тех, кого мы столько раз цитировали, от Амальрика до Янова, имеет право презирать и ненавидеть Россию, но они сверх этого хотят определить её судьбу, составляют для неё планы и готовы взять на себя их исполнение. Такое сочетание типично в истории „Малого Народа“, именно оно приносит ему успех. Оторванность от психологии „Большого Народа“, неспособность понять его исторический опыт, которая в обычное время могла бы восприниматься как примитив или ущербность, в кризисных ситуациях обеспечивает анонимную возможность особенно смело резать и кроить его живое тело.

Что же мы можем противопоставить этой угрозе? Казалось бы с мыслями можно бороться мыслями же, слову противопоставить слово. Однако дело обстоит не так просто. Уже по тем образцам литературы „Малого Народа“, которые были приведены в нашей статье, можно видеть, что эта литература вовсе не результат объективной работы мысли, не апелляция к жизненному опыту и логике. Мы встречаемся здесь с какой-то другой формой передачи идеологических концепций, причем присущей всем историческим вариантам „Малого Народа“.

Такая очень специфическая деятельность по „направлению общественного мнения“ сложилась, по-видимому, уже в XVIII в. и была описана Кошеном. Она включает, например, колоссальную, но кратковременную концентрацию общественного мнения на некоторых событиях или людях, чаще всего – обличениях некоторых сторон окружающей жизни: от процесса Каласа, когда чудовищная несправедливость приговора, разоблачённая Вольтером, потрясла Европу (и про который историки заверяют, что никакой судебной ошибки вообще не было) – до дела Дрейфуса или Бейлиса. Или фабрикацию и поддержание авторитетов, основывающихся исключительно на силе гипноза. „Они создают репутации и заставляют аплодировать скучнейшим авторам и лживым книгам, если только это – свои“, – говорит Кошен. Плохую пьесу можно заставить смотреть благодаря клаке.* „Эта же клака, поставляемая 'обществами', так прекрасно выдрессирована, что кажется искренней, так хорошо распределена в зале, что клакеры не знают друг друга и часто каждый из зрителей принимает их за публику“. „Сейчас трудно представить себе, что морализирование Мабли, политические изыскания Кондорсе, история Рейналя, философия Гельвеция, эта пустота безвкусной прозы, – могли выдержать издания, найти дюжину читателей: а между тем, все их читали, или, по крайней мере, покупали и о них говорили.

* Клака – люди нанятые для аплодирования артистам или освистывания их, чтобы создать впечатление успеха или провала спектакля. *Ред.*

Могут сказать – такова была мода. Конечно! Но как понять эту склонность к ходульности и тяжеловесности в век вкуса и элегантности?“ Точно так же пониманию наших потомков будет недоступно влияние Фрейда как учёного, слава композитора Шенберга, художника Пикассо, писателя Кафки или поэта Бродского...

Таким образом, логика, факты, мысли – одни в такой ситуации бессильны, это подтверждает весь ход Истории. Только индивидуальный исторический опыт народа может помочь здесь отличить правду от лжи. Но уж если у кого такой опыт есть – то именно у нашего народа! И в этом, конечно, главный залог того, что мы сможем противостоять новому явлению „Малого Народа“. Наш опыт – трагический, но и глубочайший, – несомненно изменил глубинные слои народной психики. Надо, однако, его ОСОЗНАТЬ – облечь в форму, доступную не только эмоциям, но и мыслям, выработать, опираясь на него, наше отношение к основным проблемам современности. Мне представляется, что именно такова сейчас основная задача русской мысли.

Поэтому мы просто не имеем права допустить, чтобы только-только возрождающаяся тяга к осмыслению нашего национального пути была затоптана, заплёвана, чтобы её столкнули на дороге крикливой журналистской полемики. Как же тогда защитим мы национальное сознание и особенно сознание молодёжи от навязываемого комплекса обречённости, от внушаемого взгляда, что наш народ способен быть лишь материалом для чужих экспериментов?

Много столетий складывается духовный облик народа, вырабатываются органически связанные друг с другом навыки общественного существования – и только опираясь на них историческая эволюция может создать устойчивые, естественные для этого народа формы жизни. Например, публицисты „Малого Народа“ часто подчёркивают, что в русской истории большую роль играло сильное государство – и в этом они, видимо, правы. Но значит, если, по их советам, внезапно пол-

ностью устранить каким-то образом роль государства, оставив в качестве единственных действующих в обществе сил ничем не ограниченную экономическую и политическую конкуренцию, то результатом может быть только быстрый и полный развал. Те же самые аргументы приводят к обратному выводу: что государство, по-видимому, должно ещё длительный срок играть большую роль в жизни нашей страны. Какую именно роль – может показать только сама жизнь. Конечно, какие-то функции государства могут быть ограничены, переданы другим общественным силам. Само же по себе сильное влияние государства совсем не обязано быть пагубным – равно как не обязано быть и плодотворным. Государство способствовало закреплению крестьян в России в XVII - XVIII вв., но оно же осуществило освобождение крестьян в XIX веке. Можно указать много примеров безусловно положительных важных действий, осуществлённых благодаря сильному влиянию государства на жизнь. Например, рабочее законодательство, введённое в России в конце XIX – начале XX вв., было на уровне современного западного, а если сравнивать с фазой промышленного развития страны – то сильно опережало его, было выработано гораздо быстрее. Только Англия и Германия имели более прогрессивные законы, во Франции же и в Соединенных Штатах юридическое положение рабочих было хуже. У государства, как и других сил, действующих в жизни народа: партий, церквей, национальных течений и т. д. есть своя опасность, возможность болезненного развития (или соблазн). Для государства – это попытка подчинить своей власти души граждан. Но оно вполне может оставаться сильным, избежав этого болезненного пути. Та же картина почти во всех вопросах – всегда можно найти выход, не порывающий с исторической традицией, и только такой путь приведёт к жизненному, устойчивому решению, так как он опирается на мудрость многими веками выработавшихся, проверявшихся, отбиравшихся и пришлифовавшихся друг к другу черт и навыков народного организма. Конкретное осознание этой точки зрения

и есть та сила, которую мы можем противопоставить „Малому Народу“, которая защитит нас от него.

Тысячелетняя история выковала такие черты национального характера как вера в то, что судьба человека и судьба народа нераздельны в своих самых глубоких пластах и сливаются в роковые минуты истории; как связь с Землёй – землёй в узком смысле, которая родит хлеб, и с Русской землёй. Эти черты помогли пережить страшные испытания, жить и трудиться в условиях иногда почти нечеловеческих. В этой древней традиции заложена вся надежда на будущее. За неё-то и идёт борьба с „Малым Народом“, кредо которого угадал ещё Достоевский: „кто проклянёт своё прошлое, тот уже наш – вот наша формула!“

*

Человек рождается и умирает, как правило, среди своего народа. Поэтому его окружение воспринимается им как нечто совершенно естественное и обычно не вызывает никаких вопросов. На самом же деле, народ – одно из поразительнейших явлений и загадок на нашей Земле. Почему возникают эти общности? Какие силы поддерживают их веками и тысячелетиями? До сих пор все попытки ответить на эти вопросы столь явно били мимо цели, что скорее всего мы имеем здесь дело с явлением, к которому стандартные приёмы „понимания“ современной науки вообще не применимы. Легче указать, зачем народы нужны людям. Принадлежность к своему народу делает человека причастным Истории, загадкам прошлого и будущего. Он может чувствовать себя не просто частичкой „живого вещества“, зачем-то перерабатываемого гигантской фабрикой Природы. Он способен ощутить (чаще – подсознательно) значительность и высшую осмысленность земного бытия человечества и своей роли в нём. Аналогично „биологической среде“, народ – это „социальная среда обитания“ человека: чудесное творение, поддерживаемое и созданное нашими действиями, но не по

нашим замыслам. Во многом оно превосходит возможности нашего понимания, но часто и трогательно-беззащитно перед нашим бездумным вмешательством. На Историю можно смотреть как на двусторонний процесс взаимодействия человека и его „среды социального обитания“ – народа. Мы сказали, что даёт народ человеку. Человеком же создаются силы, скрепляющие народ и обеспечивающие его существование: язык, фольклор, искусство, осознание своей исторической судьбы. Когда этот двусторонний процесс разлагается, происходит то же, что и в природе: среда превращается в мёртвую пустыню, а с нею гибнет и человек. Конкретнее – исчезает интерес человека к труду и к судьбам своей страны, жизнь становится бессмысленным бременем, молодёжь ищет выхода в иррациональных вспышках насилия, мужчины превращаются в алкоголиков или наркоманов, женщины перестают рожать, народ вымирает...

Таков конец, к которому толкает „Малый Народ“, неустанно трудящийся над разрушением всего того, что поддерживает существование „Большого Народа“. Поэтому создание оружия духовной защиты от него – вопрос национального самосохранения. Такая задача посильна лишь всему народу. Но есть более скромная задача, которую мы можем решать только индивидуально: СКАЗАТЬ ПРАВДУ, произнести, наконец, боязливо умалчиваемые слова. Я не мог бы спокойно умереть, не попытавшись этого сделать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

К § 1

Вот более точное описание работ, упомянутых в начале параграфа. Г. Померанц: „Квадриллион“, „Человек из ниоткуда“, „Сны земли“; А. Амальрик: „Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?“ (Самиздат). «Вестник Русского Студенческого Христианского Движения» (РСХД) № 97, 1970. Сборники работ: „Самосознание“, Нью-Йорк, 1976 и „Демократические альтернативы“, ФРГ, 1976. Б. Шрагин: „Противостояние духа“, Лондон, 1976. А. Янов: „Detente after Brezănev“ (Далее цитируется как „Разрядка...“) и „The Rissian New Right“ (Далее цитируется как „Новая...“) – обе в „Institut of international studies“, Калифорнийский Университет, Беркли, 1977. Р. Пайпс „Russia under the old regime“ (Далее цитируется как „Россия...“), Лондон, 1974.

К § 2

Критику концепций, кратко изложенных в § 1 можно найти, например, в работах: Л. Бородин «Вече» № 8 (Самиздат), А. Солженицын „Из-под глыб“ (Самиздат) и другие выступления, В. Борисов и И. Дубровский: «Вестник

РХД» № 125, А. Шанецкий: «Память», № 4 (Самиздат).-

По поводу места концепции „Москвы – Третьего Рима“ в мировоззрении Московского царства см., например, Д. С. Лихачёв „Национальное самосознание Древней Руси“, с. 100-101 и работы Н. Н. Масленниковой и А. Л. Гольдберга в ТОДРЛ за 1962, 69, 74 гг.

О том, что секуляризация церковных земель не вызвала на Руси социальных потрясений – Пайпс „Россия...“, с. 242.

Синодальный период управления церковью – как пример „русской предрасположенности к единогласному послушанию“ – Шрагин „Самосознание“, с. 263.

О влиянии „территориальной системы“ церковного управления, принятой в протестантских странах, на церковное устройство России, см., например, А. С. Павлов „Курс церковного права“, Сергиев Посад, 1902, с. 485-490, 507.

О „значении николаевского законодательства для тоталитаризма XX века“ – Пайпс „Россия...“, с. 291-295.

Цитаты европейских основоположников теории тоталитарного государства взяты из: Томас Гоббс „Избранные произведения в двух томах“. Том II, М., 1965. „Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского“, с. 47, 196-202, 207, 230-235, 488-490, 505, 526-527, 567. Б. Спиноза „Избранные произведения в двух томах“. Том II. Политический трактат, с. 301-302, 305, 309-310. Жан-Жак Руссо „Об общественном договоре или принцип политического права“. М., 1938, с. 13-14, 16, 18, 24, 29, 34.

О западных влияниях на петровское законодательство см. Георгий Гуревич: „Правда воли монаршей“ Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники“, Юрьев, 1915.

О „революционном мессианстве“ см. Л. Тальмон „Политический мессианизм“, Лондон, 1960.

О еретических учениях и народных социальных утопиях в России см., например, Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. „Антифеодальные еретические движения на Руси XV

начала XVI века“. М. – Л., 1955 и А. И. Клибанов. „Народная социальная утопия в России“. М., 1977.

Дискуссия по поводу „Повести о Дракуле“ см. В.Борисов, «Вестник РХД» №125 и Г. Померанц: Открытое письмо редактору «Вестника РХД» (Самиздат).

Пайпс о частной собственности в Московской Руси: „Россия...“, с. 316 и И. Дубровский: «Вестник РХД» №125.

Пайпс о русских пословицах: „Россия...“, с. 159.

Пайпс о грамотности в Московской Руси: „Россия...“, с. 123. См. также А. И. Соболевский: „Образованность Московской Руси XV - XVII вв.“ Спб., 1892, особенно с. 3-4. Подсчёты А. И. Соболевского были продолжены Н. А. Ватановой: „Русский читатель XVII в.“ в сб. „Древнерусская литература и её связь с новым временем“. М. 1907. См. ещё Д. С. Лихачёв. „Культура русского народа“ М.-Л., 1961, с. 106-107.

Янов о роли „Архипелага ГУЛАГ“ в русской истории: „Демократические альтернативы“, с. 188.

О западноевропейских переворотах 20-х гг. XIX века, очень похожих на заговор декабристов, тоже организованных тайными обществами (в Испании – масонами, в Италии – карбонариями) см. например, Е. Тарле: „Политические движения в Испании и Италии в 1820-1823 гг.“ „Книга для чтения по истории нового времени“ т. IV, ч. I, с. 128-176, М., 1913.

О заговоре Тистельвуда или „Заговоре на улице Катона“ есть статья в Британской Энциклопедии.

О подавлении июньского восстания 1848 г. пишет Герцен. Больше подробностей можно найти в книге: Шарль Шмидт. „Июньские дни 1848 г.“ Л., 1927.

По поводу числа убитых при разгроме Парижской Коммуны приводились очень разные цифры. Консервативный журналист Максим Дю Кам утверждает, что число убитых на баррикадах и расстрелянных национальными гвардейцами равно 6.600 (M. Du Camp, „Les Convulsions de Paris“ т. I, Париж, 1881). Эта цифра явно занижена, так как даже маршал Мак-Магон говорит о 15.000. Обычно называют цифру от 30.000 (Жорж Буржен „История Коммуны“,

Л., 1926) до 20.000 (Э. Лиссагарэ „История Коммуны“).

Янов о „возрасте“ демократии: „Новая...“, с. 99. Он же о Белинском как славянофиле: журнал «22», Тель-Авив, 1976, с. 86.

Об ирландской кампании Кромвеля см., например, Михаил Фрейнд, „Die grosse Revolution in England“, Гамбург, 1951. Сколько погибло в результате работорговли, оценивает Дю Буа, „The Negro“, Лондон, 1915. Число жертв Французской революции из современников оценивал миллионом такой революционер, как Гракх Бабеф („О системе уничтожения населения или жизнь и преступления Каррье“ в: Гракх Бабеф, Сочинения. т. 3, М., 1977, с. 225) и революционер, но позже отошедший от революции Л. М. Прюдом в „Histoire générale et impartiale...“ Из более поздних историков Тэн пишет: „Можно предполагать, что в одиннадцати департаментах запада числоубитых всех возрастов и обоих полов приближается к полумиллиону“. См. „Происхождение современной Франции“ т. IV, кн. V, гл. I (во Франции было тогда 83 департамента).

О числе жертв опричнины см. Р. Г. Скрынников. „Иван Грозный“, М., 1965, с. 191.

Филипп Эрлангер в „Le massacre de la St-Barthelemy“ приводит различные оценки числа жертв Варфоломеевской ночи. Наименьшую цифру называл Боссюз: 6.000, наибольшую – воспитатель Людовика XIV Перфикс: 100.000. Из современников будущий канцлер Генриха IV Сюлли говорит о 60.000, историк Ту – о 10.000 в Париже и 40.000 в провинции, иезуит Бонами 4.000 в Париже и 25.000 в провинции, протестант Креспин в „Мартирологе“ приводит имена 15.000 убитых, историограф короля Массон и английские архивы говорят о 2.000-3.000 убитых в Париже и 10.000 в провинции (с. 193-194).

К § 3

Цитаты из Горского: «Вестник РСХД» № 97, с. 61 и 34.

Цитаты из Янова: „Разрядка...“ с. 101, 183, 104, 80, 100.

Цитаты из Померанца о том, что „народа больше нет“: из его сборников „Квадриллион“, „Человек ниоткуда“.

Померанц о русском народе и Самодержце: „Сон о справедливом возмездии“, «Синтаксис» № 6.

„Русские не имеют истории“ – см. Б. Шрагин „Самосознание“, с. 261.

Янов о демократии и тоталитаризме: „Новая...“, с. 88, 102.

Характеристику английского парламентаризма см. в Werner Sombart „Der proletarische Sozialismus“ Jena, 1924 или Hans Delbruck „Regierung und Volkswille“, а также в его работе „Whigs and Tories“ в „Historische und politische Aufsätze“, Berlin, 1887.

Об ограничении власти см. Ш. Монтескье „О духе законов“ кн. II, гл. VI. Политические взгляды создателей американской конституции выпукло описаны в работе лорда Эктон „Political causes of American Revolution“ („Essays in the liberal interpretation of History“ Чикаго, 1957, с. 41-94). См. также В. Хабуш „Die moderne Demokratie“, Jena, 1921, с. 51 и Дж. Х. Рендал „The Making of modern mind“, Нью-Йорк, 1926, с. 345-350.

В американской политической литературе XVIII и начале XIX в. „демократическая“ форма правления противопоставлялась „конституционной“ или „свободной“.

Схема вырождения в деспотию у Платона – „Государство“, 562. Его взгляды на демократию – там же, 557, у Аристотеля – „Политика“, 1292 а.

Взгляды Берка: Ed. Burke „Reflections on the Revolution in France“ Нью-Йорк, 1961, с. 138.

Из современных авторов: Ф. А. Хайек „Law, legislation and liberty“ т. 1, „Rules and Orders“ Лондон, 1973.

Взгляды Краснова-Левитина и Плюща: „Демократические альтернативы“. Плющ о терроризме: „Ответ Т. С. Ходорович“, «Континент» № 9 с. 252.

Концепция Янова: «Синтаксис» № 1, Журнал «22», 1978, „Новая...“ с. 88, „Разрядка...“ с. 141, 85, 86, 80, 83, 21.

К § 4

Две точки зрения на Историю – обе очень древнего происхождения. Платону принадлежит сравнение законодателя с мастером. В „Государстве“ и „Законах“ он логически разрабатывает план построения идеального государства. С другой стороны, Аристотель считает государство продуктом естественного развития, наподобие семьи („Политика“, 1252 а). Я. Бурхард в „Культуре Ренессанса в Италии“ считает, что характерным для эпохи Возрождения был взгляд на государство как на искусственное сооружение.

Типичным пониманием государства как „конструкции“ является теория „договора“ Гоббса – Руссо. Взгляд на государство как „организм“ также многократно высказывался, вплоть до попыток построения „социальной физиологии“, „социальной анатомии“ и применения дарвинизма к общественным явлениям. Обзор этих взглядов см., например, в книге Менгера: Karl Menger „Untersuchungen über die Sozialwissenschaften und der politischen Ökonomie“ Leipzig, 1883.

В наше время „органическая“ точка зрения развита в цитированной выше книге Хайека.

Вообще, „органическая“ концепция, как правило, ближе историкам, а „механическая“ – социологам и политикам (ср. хотя бы современный термин „социальная инженерия“).

О роли интеллигенции: Горский «Вестник РСХД» № 97, с. 52,53; Шрагин „В поисках почвы“ (Самиздат) и „Противостояние духа“, с. 216; Померанц „Квадриллион“ и „Человек из ниоткуда“.

Шрагин против демократии: «Синтаксис» № 3, с. 22.

Суммарное изложение основных положений Кошена содержится в небольшой книжечке Augustin Cochin. „Les Societes de pensee et la democratie“, Париж, 1921. Подробное изложение, опирающееся на огромный фактический мате-

риал – в книге „Les Societes de pensee et Revolution en Bretagne (1788-89)“, Париж, 1925. Второй том посвящён исключительно публикации документов. Концепция Кошена не получила (как, впрочем, и следовало ожидать, ввиду её „нелиберальности“) признания большинства историков. Его взгляды относят, как правило, к типу теорий революции как „заговора“, что, как мне кажется, представляет их в совершенно искаженном виде.

О влиянии кальвинизма на создание „духа капитализма“ имеется классическая работа: Max Weber. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*“, Лондон, 1930.

Влиянию на создание духа современной партийной жизни посвящена интересная книга: Михаэль Вальцер „*The Revolution of the saints*“, Кембридж, Масс. I, 65.

О роли пуритан в английской революции см. Беллок, Хиллер „Кромвель“, Лондон, 1934 и цитированную выше книгу М. Фрейнда.

Характеристика немецкого радикализма: цитированная выше книга Зомбарта, т. I, с. 45-47 и особенно Н. von Treitschke „*Deutsche Geschichte im Neinzehnten Jahrhundert*“ ч. III, гл. 9, Лейпциг, 1885.

Русская публицистика 60-70 гг. XIX в. см.: В. А. Зайцев. „Избранные сочинения“ т. I, М., 1934, с. 55, 62, 95, 96. Ю. В. Стеклов. „Чернышевский“, М.-Л., 1928, ч. I, с. 158.

Достоевский Ф. М. „Дневник писателя“, март 1876 г., май-июнь 1877 г., август 1880 г., январь 1881 г.

Л. Тихомиров. „Начала и концы („либералы“ и террористы)“, М., 1890.

К § 5

Выражение „дьявол русской тирании“ принадлежит Янову: «Синтаксис» № 6.

Шагин о „России как жандарме Европы“: „Самосознание“ с. 56.

О „надеждах“ эмиграции см. Амальрик: «Синтаксис» № 3.

По поводу самооценки дореволюционной интеллигенции см.: Н. Зернов. „Русское религиозное возрождение XX в.“ Париж, 1974, „Вехи“ (сборник статей о русской интеллигенции) 2-е изд. М., 1909, „Интеллигенция в России“, Спб., 1910.

К § 6

По поводу цитат „Они о нас“ см. статьи „Горского“ (псевдоним) в «Вестнике РСХД» № 97, „Сны Земли“ Померанца, „Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?“ Амальрика, „Противостояние духа“ Шрагина, с. 60, статью Белоцерковского в „Демократических альтернативах“ с. 87, Альбом „Les peintures russes contemporaines“ Palais des Congres, Париж, 1976, картина „Ciel lourd“, статью Меерсона-Аксёнова в „Самосознании“, с. 103 и Амальрика в «Синтаксисе» № 3, с. 73.

Национально-окрашенные цитаты Янова см. „Разрядка...“ с. IX, „Новая...“, с. 12-16, 31, 160, 177-180, 28, 177. Журнал «22», Тель-Авив, 1978.

Н. Я. Мандельштам, что „евреи – это и есть интеллигенция“ – „Вторая книга воспоминаний“, Париж, 1972, с. 119, 567-68. Аналогичные мысли Хазанова: „Запах звёзд“, Тель-Авив, с. 291, 284, 296, 278.

Шрагин о „национальном складе“ интеллигенции: „Противостояние духа“, с. 30.

Янов о желательности „нового Баруха“: „Разрядка...“, с. 88. Померанц о миссии Израиля: „Сны земли“ (Самиздат).

К § 7

„Революцию делали не одни евреи“ – «Вестник РСХД» № 97, с. 6.

Пьеса „Утомлённое солнце“ – «Время и мы», Тель-Авив, 1976, № 7.

Померанц о „проклятом вопросе“: „Сон о справедливом возмездии“, «Синтаксис», № 6.

Сборник статей „Россия и евреи“, переиздан в Париже в 1978 г. См. также Ф. Светов „Отверзи мне двери“, Париж, 1978, статьи Бергмана и Дон-Левина в журнале «22», Тель-Авив, 1978, статьи А. Суконика в «Вестнике РХД» № 123.

Померанц об „опасном слове“: „Сон о справедливом возмездии“, «Синтаксис», № 6.

Янов: обвинение в антисемитизме как атомная бомба – «Синтаксис», № 6.

Отрывок из статьи Синявского в «Континенте», № 1, касающийся „русского антисемитизма“, переведён в „The New-York Review of books“, апрель 1976. Другая статья того же автора на ту же тему – «Синтаксис», № 2, с. 19.

К § 8

Цитаты из сборника „Россия и евреи“ в начале параграфа взяты из статей Н. О. Левина (с. 109) и И. О. Викермана (с. 22-23).

Обзор революционной эмиграции 80-х гг. см. „Хроника социалистического движения в России в 1878-1887 гг.“ Публикация материалов министерства внутренних дел, М., 1917, с. 325-333.

Показания Азева: „Былое“, № 1, июль 1917 г.

Обширные статистические данные находятся в книге: А. Дикий „Евреи в России и в СССР“, Нью-Йорк, 1967. В книге встречаются неточности, но не тенденциозные: в целом обрисованная там картина, по-видимому, соответствует действительности.

Рассказ Шульгина о его впечатлениях времён гражданской войны: „Что нам в них не нравится“, Париж, 1929.

Недавно на Западе опубликована книга двух английских журналистов, посвященная расстрелу царской семьи: А. Саммерс и Т. Мангольд „The File on the Tsar“, 1976. См.

особенно с. 88 и 185-187.

Список руководства ОГПУ-НКВД - в кн. Р. Конквеста „The great terror“.

Выступления против „великодержавного шовинизма“ см. „XII съезд Российской Коммунистической Партии (большевиков) 17-25 апреля 1923 г.“ М., 1923. Там же, в ряде выступлений термин „Русопяты“ (см. с. 553-567, 517, 562-566, 159, 526, 544).

Стихотворения Безыменского: Альманах «30 дней», 1925, № 9, другие - «Правда» 13 августа 1925 г. и тот же альманах «30 дней», 1930, № 8.

Плющ о Кутузове как „реакционере“ - „Демократические альтернативы“ (Беседа с Леонидом Плющом).

Биография Троцкого с характеристикой его национальных чувств: Джоэль Кармайкл „Троцкий“, Иерусалим, 1980 (сокращённый перевод с английского).

Взгляды Хаима Житловского и Шарля Раппопорта: «Время и мы», Тель-Авив, 1976, № 11.

Об Азеве и вообще эсэрах см. Б. Николаевский „Азев не спал“, Нью-Йорк, 1934, с. 69 и 88.

Рассказ М. Н. Покровского - в его книге „Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX веков“, М., 1924, с. 152.

Рассказ Витте о его встрече с Шиффом: Граф С. Ю. Витте „Воспоминания“, т. I, Л. 1924, с. 360. Дополнение Шульгина: „Что нам в них не нравится“. Он ссылается на «Б'най Б'рит ньюз» т. XII, № 9.

Отчёт о выступлении Лёба опубликован, например, в газете «Филадельфия пресс», 19 февраля 1912.

К § 9

Макс Вебер об истории еврейского „гетто“: см. M. Weber „Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie“, т. III; „Das antike Judentum“, Tübingen“, 1923.

Молитва, которую приводит Макс Брод: M. Brod „Josh. Reuchlin und sein Kampf“ (Stuttgart-Berlin-Mainz, 1965,

с. 263). Он говорит, что видел эту молитву в молитвеннике своей матери.

Мысли Лассалья: Ф. Лассаль „Дневник“, Петроград, 1919, с. 112, Мартова: Ю. Мартов „Воспоминания социал-демократа“, «Новь», М., 1924, с. 23.

Стихи Бялика – Бялик „Песни и поэмы“, перевод с еврейского Б. Жаботинского, 2-е издание, Спб., 1912, с. 85, 119, 171, 181.

Статья из израильского журнала: Шмуль Мушник „Мэнера“, № 22, VIII год изд. Иерусалим, 1980, из канадского: Гиндин „Современник“, № 34, Торонто, 1978, с. 209.

Цитаты из книги „Россия и евреи“, с. 117, 228.

К § 10

По поводу рабочего законодательства в России конца XIX – начала XX вв. см., например, Б. И. Литвинов-Валинский „Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России“. Изд. II, Спб. 1894.

П. А. Хромов. „Экономическое развитие России в XIX–XX веках“. М., 1960, с. 350-354.

Общую атмосферу правительственных мероприятий в рабочем вопросе перед мировой войной характеризует „Заключение межведомственного совещания об изыскании мер против забастовок“. „Красный Архив“, № 34, 1929.

В. Щубачеев

Встречный национализм

Пять лет назад в редакционной статье нашего альманаха, озаглавленной „О русском национализме“, была подчеркнута растущая злободневность этой проблемы как в плане политическом, так и в духовной перспективе. Редакция, в частности, солидаризировалась с анализом Джона Денлопа, который определил тогдашнее состояние „русского вопроса“, как „возрождение, которое становится движением“. В этой же статье выражалась уверенность, что именно и только Русская Православная Церковь „должна была бы дать духовную закваску здоровому русскому национализму, на который можно смело опираться в чаянии грядущих перемен“.

Начиная прошлый, 1988-й год, мы подчеркнули, что это будет – Русский Год, естественно, ничего ещё не зная о том, какими богатыми для Русской Православной Церкви перспективами окажется чреват этот Год Тысячелетия Крещения русского народа. Было указано, что „отношения между Церковью и Государством переживают какую-то новую фазу, можно думать, что появляются возможности, прежде не бывшие...“

Мы не ошиблись в наших предвидениях: при всём том, что очевидна сугубо прагматическая „подкладка“ нового кремлёвского курса в отношении Церкви и Православия, – нельзя отрицать, что при всей, во многом сохраняющейся, косности большинства московских высших иерархов, Русская Православная Церковь, как соборное целое, сумела извлечь для себя ряд преимуществ. Несомненна в этом заслуга отдельных „официальных“ пастырей, – той силы, которую в эмиграции традиционно недооценивают. Между тем как „диссидентствующая“ часть „христианской общественности“ ознаменовала себя разве что вызывающе-экстремистскими заявлениями и почти абсолютным игнорированием национального аспекта (русского!) в юбилейных торжествах.

Именно Тысячелетний Юбилей – в контексте продолжающейся „перестройки“ и (весьма односторонней) „гласности“ – актуализирует проблематику „русского национализма“, побуждает громче и полнее говорить о всём сложном комплексе входящих сюда вопросов. Ред.

В самом конце прошлого года Исследовательский отдел Радио „Свобода“ выпустил особый бюллетень на английском языке, озаглавленный – „Русский национализм сегодня“.* „Русскую сторону“ в опубликованных материалах представляли такие завзятые русофобы, как А. Синявский и А. Янов – от которых трудно услышать что-то новое. Напротив, заслуживает особого внимания аналитическая статья такого выдающегося знатока этой темы (и притом – наиболее объективного), как Джон Денлоп.

* „Russian Nationalism Today“ – Radio Liberty Research Bulletin: Special Edition, December 19, 1988.

В своём новейшем исследовании учёный разбирает „спектр“ современного русского национализма. События в этой области нарастают с такой быстротой, что буквально каждый месяц приносит что-то новое; регистрировать это – под силу только повседневной печати. Однако, задачей исследователя было не столько констатировать факты (достаточно известные), сколько – проанализировать тенденции, выявившиеся в первые три с половиной года правления М. Горбачёва: именно при нём всё отчётливее заявляет о себе этот феномен, жестоко подавлявшийся в брежневскую, да и „андроповскую“ эпоху. Для нас это – явление **встречного** национализма: реакция русских на усиливающуюся русофобию, которая в условиях „демократизации“ всё чаще находит себе выражение не только в эмигрантских, третьеволновых публикациях, но и в самой жизни на родине. К этой теме мы вернёмся ниже.

Дж. Денлоп ставит вопрос о месте и роли „русского национализма“ (понимаемого предельно широко – можно было бы сказать, как взглядов и мнений, выражаемых „этническими русскими“) в той политической борьбе, которая, согласно принятой на Западе схеме, разыгрывается на кремлёвских верхах между группой „радикальных реформаторов“, руководимых М. Горбачёвым и А. Яковлевым, и „объединением консерваторов“, которое возглавляют Е. Лигачёв и В. Чебриков.*

Дж. Денлоп пишет в своей статье: к 1987 году стало

* Генри Киссинджер в газете «Лос Анжелес Таймс» – после посещения Москвы (в середине января 1989) в составе делегации так называемой „Тройственной комиссии“ – утверждал, будто вообще „вне круга Горбачёва советская система не имеет организованных групп власти для поддержки реформ. Группа, наиболее способная понять необходимость реформ – это тайная полиция (КГБ), ибо по своей работе она соприкасается с внешним миром. (Заметим, что нечто аналогичное писал акад. А. Сахаров в своей статье в сборнике „Иного не дано“ – *Ред.*). Но энтузиазм этой группы испарится в том пункте, где реформы поставят под угрозу гражданскую дисциплину“. Нельзя не вспомнить здесь прогноз другой американской газеты – «Вашингтон пост» – в случае падения Горбачёва самым вероятным его преемником был назван нынешний глава КГБ Вл. Крючков, ещё один „человек Андропова“, начинавший свою карьеру вместе с ним в Будапеште в 1956 году...

ясно, что Горбачёв, Яковлев и их сторонники хотят произвести „революцию сверху“ – посредством ускоренной модернизации и „вестернизации“ (ориентации на западные модели) Советского Союза. Другой целью этой группы – согласно американскому советологу – было: дать новую легитимацию марксизму-ленинизму, создав, в частности, новых „большевистских святых“, от Бухарина до Твардовского. Для достижения этих целей они попытались перетянуть на свою сторону некоторых „просвещённых“ русских националистов, – чтобы тем самым воспрепятствовать формированию русской национальной оппозиции, которая могла бы представить серьёзную политическую опасность. В числе таких „либеральных русских националистов“ называется акад. Д. С. Лихачёв – которого поставили во главе новообразованного Советского Фонда Культуры, С. Залыгин – которому дали журнал «Новый мир», кинорежиссёр Элем Климов (возможно, попавший в эту категорию по недоразумению...). В этом же ряду рассматриваются „заигрывания“ М. Горбачёва с Русской Церковью в Год Юбилея – в них включились и откровенно враждебные русскому национализму «Московские новости» и «Огонёк», начавшие вдруг защищать „права верующих“, соблюдая при этом неизбежный „плюрализм“: не только православных, но и адвентистов и прочих сектантов.

Рассуждая о „либеральных националистах“, Дж. Денлоп уточняет, что сами они предпочитают именовать себя просто „патриотами“.* С нашей стороны считаем нужным сказать, что ничего специфически **националистического** у представителей этой категории мы не видим; „патриотизм“ их во многом остаётся чисто **советским** патриотиз-

* Если в свое время Л. Троцкий проклинал „патриотизм“, и нигилизм такого рода был в моде в 20-30 годы, сейчас положение изменилось настолько, что тот же А. Янов – в статье рецензируемого бюллетеня – с присущей ему „интеллектуальной наглостью“ (см. «Вече», № 30) причисляет к „патриотам“ на сегодняшний день не только профессоров Г. Попова и Ю. Афанасьеву, но и таких отъявленных русофобов, как советские журналисты П. Гутионтов и Е. Лосото.

мом, то есть без национально-религиозных корней, без серьёзной духовной основы, не лишённым и элемента конъюнктурности. Нельзя отрицать, что акад. Лихачёв сыграл определённую роль в пробуждении национально-религиозного сознания (или – может быть и это – просто **включился** в процесс пробуждения?): «Вече», в своё время (см. № 3) перепечатал частично его „Заметки о русском“. Но с того времени (1981) события стремительно ушли вперёд, и робкие во всех отношениях рассуждения почтенного академика – в условиях наступающей со всех сторон русофобии и торжества окраинных национализмов – становятся даже двусмысленными. (См. его интервью левому французскому журналу «Нувель обсерватёр», большую статью в последних номерах «Литературной газеты» за прошлый год). Подобная амбивалентность характерна для всех либералов этого, сравнительно многочисленного направления: с русскими фамилиями, но без ясного осознания себя русскими.

К этой категории Дж. Денлоп причисляет также С. Аверинцева – безусловно, выдающегося интеллектуала и эрудита; но не точнее было бы назвать его просто – либеральным христианином? Подчёркнутый интерес к „христианству“ (равно „византийскому“ и „западному“), как и к работам Н. Бердяева вовсе не свидетельствует о „русском национализме“.

Неубедительно, с нашей точки зрения, звучит и определение позиции журнала «Новый мир», как „либерально-националистической“ – под руководством С. Залыгина: самый искренний и убедительный „экологизм“, защита окружающей среды, борьба за преобладание здравого смысла в отношении к природе – всё это, как и требования исторической справедливости – ещё не говорит ни о каком „национализме“. Правда, в редколлегии «Нового мира» имеются и несомненные русские патриоты.

„Начинанием либеральных националистов“ называет Дж. Денлоп недавнюю попытку поставить вопрос о реабилитации изгнанного А. Солженицына. Это не совсем точно, так как авторитет известного писателя стремятся

привлечь на свою сторону и представители прямо противоположного лагеря. Обращение к М. Горбачёву 21 октября 1988 года – в связи с приостановкой объявленной в «Новом мире» публикации сочинений Солженицына – подписал, наряду с С. Аверинцевым, Д. Лихачёвым и дюжиной персонажей из мира культуры, скорее враждебных „русскому национализму“, и Валентин Распутин. Аналогичное Обращение к Горбачёву, с уточнением, что речь идёт о публикации глав из „Архипелага ГУЛаг“, подписано И. Р. Шафаревичем, В. Распутиным, И. Глазуновым – вместе с рядом академиков, писателей и артистов, чьи взгляды на „русский вопрос“ не получили публичного выражения. Наконец, в списке фамилий под Заявлением в Секретариат правления СП СССР, с предложением восстановить А. Солженицына в этой организации, находим фамилии В. Распутина, В. Крупина, Б. Можая, в „окружении“ скорее „огоньковской“ публики.

Известно, что приглашение московского „Мемориала“ А. И. Солженицын предпочёл „не услышать“, и затем вежливо отклонил. Некоторые (как, например, Дора Штурман в недавней книге) определяют позиции самого писателя, как **либерально-демократические...**

Любопытно, что Дж. Денлоп выделяет небольшую группу **„националистических попутчиков“** (термин, заимствованный из лексикона времён утверждения советского режима): он причисляет к ней таких „активных горбачёвцев“, как А. Нуйкин и В. Селюнин – авторов «Нового мира». При определённом повороте событий, такого рода „попутничество“ может стать весьма широким явлением в среде интеллигентов, чувствующих себя русскими.

В спектре русского национализма особо выделяет американский исследователь „центристов“ (уточняя ещё раз, что речь не идёт о **политических** взглядах называемых лиц, но лишь о их месте в описываемом явлении). Это – группа писателей, художников, критиков и публицистов, не занимающих важных официальных постов, но пользующихся влиянием и авторитетом в обществе: В. Аста-

фьев, В. Белов, Вл. Солоухин, критик В. Кожин, художник И. Глазунов (недавно ставший ректором новообразованной Всероссийской художественной академии в Москве). Их главным „рупором“ называют журнал «Наш современник» – находившийся в центре бурных дебатов Пленума Союза писателей РСФСР в середине декабря прошлого года.

Доминирующим для представителей этой группы Дж. Денлоп называет „чувство отчаяния“: Россия будто бы представляется им погибающей, быть может, спасти её уже поздно... Думается, однако, что подобное ощущение, выражаемое некоторыми из названных „националистов“ в некоторых их произведениях, не является ни центральным, ни определяющим. Более того, их „пессимизм“ имеет весьма специфический смысл. Так, В. Распутин заявил недавно: „Наверное, я пессимист по своей природе; таким, как я, и браться за экологические темы. Оптимисты экологией не занимаются. Для них будущее прекрасно уже тем, что оно будущее, в котором не будет портящих им настроение знакомых пессимистов, а в настоящем они видят одно благожелательное направление. И тысячам отравившихся в Ангарске оптимист не ужаснется, как не ужаснется и жертвам Чернобыля...“ («Литературная газета», 25. 1. 1989). Как показал вышеупомянутый Пленум СП РСФСР, а ещё до того – совещание писателей в Рязани – эти лидеры современной русской интеллигенции в СССР сознают трагизм сложившегося положения, но исполнены решимости бороться. Уместно в связи с этим ещё раз напомнить о известном ответе В. Астафьева Н. Эйдельману.

Однако, безусловно верно, что „марксистско-ленинская идеология не имеет приверженцев в этой группе“ (цитируем Дж. Денлопа), как верно констатируется и отталкивание их от „национал-большевиков“ – что не исключает случаев совместных выступлений по тактическим мотивам... „Большевизм рассматривается центристами, как чуждая, антинациональная и антинародная сила“ – это утверждение иллюстрируется последней книгой Вл. Соло-

ухина „Смех за левым плечом“, которая не могла быть напечатана в СССР даже при горбачёвской „гласности“, и увидела свет в издательстве «Посев». Об этом же ясно заявил и В. Кожин в замечательной статье „Правда и истина“ («Наш современник», 1988, № 4).

Американский исследователь замечает, что в настоящее время „центристов“ усиленно обхаживают, с одной стороны, „горбачёвцы“ (которых особенно интересуют В. Астафьев и И. Глазунов), а с другой стороны – нео-сталинистские их оппоненты.

Уместно упомянуть здесь нашумевшее „Письмо в «Правду»“ (18. 1. 1989), где фамилии В. Астафьева, В. Белова и В. Распутина соседствуют с фамилиями М. Алексеева (главный редактор ежемесячника «Москва»), С. Викулова (многолетний главный редактор «Нашего современника»), П. Проскурина (возглавляет Фонд культуры РСФСР) и кинорежиссера С. Бондарчука. Московский корреспондент парижской газеты «Монд» (19. 1. 89), признавая, что это – представители противоположных течений („русские националисты“ и „бюрократы“), считает, что их объединила „враждебность“ новому истолкованию советской истории, какое выдвигает Горбачёв, и во главе чего находится «Огонёк». Поводом для названного Письма были нападки на Ю. Бондарева в «Огоньке» – но и нечто большее: подписавшие его русские писатели протестовали против „оплёвывания наших духовных ценностей“, отмечая, что „предпринимаются попытки откровенной реабилитации сомнительных явлений прошлого“ – ясно, что речь идёт о „явлениях“ **советского** прошлого!

«Огонёк» позволяет себе в фельетонном стиле рассказывать о писательском форуме в Рязани, на котором десятки литераторов, искренне озабоченных состоянием дел на родной земле, во весь голос говорили о своей боли и нуждах страны. Их выступления журнал характеризует как „анекдоты“, добавляя для пущей уничижительности – „провинциальные“. Двойная бестактность! И по отношению к выступавшим, и по отношению к провинции, в которой – к сведению «Огонька» – „живёт и

большинство населения страны, и большинство писателей России!“ – говорится в „Письме в «Правду»“, и в этих словах нельзя не видеть самого резкого осуждения откровенно **русофобских** позиций московского еженедельника.

Характерно для нынешней ситуации в стране, что «Правда» не напечатала ответа „огоньковского“ „актива“ – и он появился в самом журнале, за подписями Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Фазиля Искандера, Б. Окуджавы и других...

Возвращаясь к аналитической статье Дж. Денлопа, отметим, что Народно-Патриотический Фронт „Память“ автор считает возможным рассматривать, как **„объединение эмоциональных попутчиков „центристских“ националистов“**: недавние слухи о возможной легализации „Памяти“ под руководством В. Белова и других русских писателей, как будто подтверждают такую оценку (хотя далеко не все члены НПФ согласны с таким решением вопроса). Американский советолог констатирует, что в мировоззрении участников этого поистине всенародного движения большое место занимает убеждение в существовании „еврейско-масонского заговора“, главным инструментом коего в СССР они открыто называют члена Политбюро А. Яковлева. Приводится мнение Вл. Осипова, сравнивающего „Память“ с польской „Солидарностью“.

Далее автор столь важной для нас статьи переходит к описанию „националистической правой“ – **„национал-большевизму“** в его современном варианте. При известной близости к „центристам“, два существенных момента отличают этих нынешних „правых“: во-первых, почти все они занимают видные официальные посты (уже упоминавшиеся М. Алексеев и П. Проскурин, а также А. Иванов – главный редактор журнала «Молодая гвардия», Ю. Бондарев...). Во-вторых, они умышленно продолжают пользоваться („манипулировать“) марксистско-ленинским словарём для достижения своих политических целей. На это можно заметить, что тем же самым словарём – и гораздо

искуснее! – продолжают манипулировать и представители прямо противоположного идейного направления, достаточно назвать упомянутый уже сборник „Иного не дано“; по пальцам можно перечислить известных деятелей в СССР, кто сознательно отказывается от марксистской терминологии – один из них: И. Р. Шафаревич, вообще не упоминаемый в „спектре“ профессора Денлопа.

Связана „националистическая правая“ с нео-сталинистским лагерем, возглавляемым, согласно Денлопу, Лигачёвым и Чебриковым. Наиболее представительным и влиятельным из „национал-большевиков“ называется Юрий Бондарев, – особенно после его нашумевшей речи на XIX партконференции: его роль сравнивается с ролью С. Залыгина среди „либералов“. Ю. Бондарев стремится привлечь на свои позиции наиболее известных „центристов“, защищает журнал «Наш современник», членом редколлегии которого является.

Наконец, говорится и о „нео-сталинистах“ – хотя подчёркивается, что их никак нельзя квалифицировать как русских националистов: в их известном „манифесте“ – письме Нины Андреевой в газету «Советская Россия», – остро критикуются „традиционалисты“. Упоминание Дж. Денлопом „нео-сталинистов“ в данном контексте оправдано в том смысле, что западные авторы сплошь и рядом **прямо отождествляют** их с русскими националистами. **Все**, кто пытается выступать с позиций „русского национализма“ – для западных советологов и журналистов, не желающих замечать оттенков, как правило, „консерваторы“ и „сталинисты“.

В отличие от западных аналитиков, отечественные „плюралисты“ в последнее время всё настойчивее и чаще твердят о „блоке“ „сталинистов и деревенщиков“. Делается это для того, чтобы предельно дискредитировать фалангу самых талантливых и самых влиятельных на сегодняшний день в моральном плане русских писателей (таких, как В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин). Вначале их полупрезрительно окрестили „деревенщиками“, теперь идут ещё дальше. Очередной аноним из Москвы на стра-

ницах парижской «Русской мысли» (16.12.1988) исходит ядом, будто бы они „исповедают идеалы московской (!) старины“. Он именует их на сей раз – в стиле писаний Янова – „правыми“ „фундаменталистского толка“, и произвольно сближает **по идеологическому признаку** с „правыми“ „сталинско-имперского толка“. За всеми домыслами такого рода отчётливо просматривается страх перед возможностью объединения **всех** „русских националистов“...

В результате проведённого анализа Дж. Денлоп приходит к следующему выводу: Русский национализм представляет собой значительную политическую силу в современном Советском Союзе; однако, тот факт, что националисты раздроблены на три группы, уменьшает их политическое влияние. Допускается возможность, что в случае возникновения **русского** „народного фронта“, подобного возникшим в Прибалтике, он мог бы стать **третьей силой** в борьбе между „горбачёвцами“ и „нео-сталинистами“.

*

Рассмотренная нами статья проф. Денлопа представляет собой интерес, как строго документированное мнение квалифицированного эксперта, высказанное „со стороны“, вполне независимым наблюдателем. Сходными достоинствами обладает и вторая статья названного бюллетеня Радио „Свобода“, которую написал профессор Дарелл Хаммер. Она называется „Гласность и 'русская идея“, и в ней подчёркивается, что „русский национализм“ заметным образом заявил о себе особенно в условиях нового горбачёвского курса – **„отчасти как реакция на волнения среди не-русских“** (подч. нами – В. Щ.). Это подтверждает отчасти наше мнение о **встречном** характере русского национализма, как спонтанного ответа – почему прямо не сказать этого? – на усиливающиеся **русофобские настроения** (не только на окраинах).

„Продуктом **гласности**“ представляется проф. Хаммеру общество „Память“. Для него это – массовая организация

(или угрожающая стать таковой) – в чем он видит отличие „народно-патриотического фронта“ от русского национализма 70-х годов. Американский исследователь ссылается на мнение Г. Померанца, который в самиздатской работе высказал опасение, что „Память“ может стать политической альтернативой, чем и объяснил организованную против неё в советской печати кампанию.

Напомним, что сходное мнение было авторитетно высказано недавним нобелевским лауреатом И. Бродским в интервью одной западной газете. На замечание своего интервьюера, что „Память“ не составляет большинства населения, что это – „маленькая группка фанатиков“, Бродский ответил: „Нет, это именно большинство; как ни неприятно это, но это так. Если бы „Память“ легализовалась, смогла бы стать политической партией, – у неё было бы больше членов, чем в компартии“. Наконец, с таким же суеверным ужасом отзывается о „Памяти“ А. Янов в упомянутой статье того же бюллетеня Радио „Свобода“.

Дарелл Хаммер приходит к заключению о несовместимости „русской идеи“ с „социалистическим идеалом марксизма-ленинизма“ – и в этом мы не можем не согласиться с ним. Объективное мнение **сторонних** наблюдателей сейчас особенно ценно, так как оно помогает нам лучше понять самих себя.

К сожалению, не всегда западные наблюдатели беспристрастны в своих анализах и суждениях (не говоря уже о журналистах). Недоумение вызывает опубликованная парижской газетой «Русская мысль» (3. 2. 1989) статья известного итальянского слависта и политолога В. Страды, озаглавленная „Существует ли 'русская идея'?“ Странно звучит этот вопрос в устах учёного, который посвятил множество научных трудов именно раскрытию „русской идеи“, нашедшей выражение в произведениях наших выдающихся мыслителей и писателей прошлого. Странно – после всего того, что было сказано и написано на эту тему Достоевским, Вл. Соловьёвым, Н. Бердяевым. Книга Бердяева „Русская идея“ вышла в Париже в 1946

году, и сейчас спустя десятилетия, авторитетный западный специалист с непонятным, вызывающим нигилизмом отрицает существование проблемы!

„Возрождается интерес к „русской идее“, на мой взгляд, нездоровый и опасный, так как носит сомнительный идеологический характер“ – пишет В. Страда в «Русской мысли». Но в Советском Союзе – старшие поколения, по крайней мере – привыкли к тому, что такой именно официозной формулой: **„нездоровый и опасный интерес“** наглухо захлопывалась любая возможность знакомства с **запрещёнными** сочинениями и их авторами; нарушение запрета, как известно, могло стоить дорого. И вот теперь, **критический** западный марксист, призывающий в этой же своей статье к „внутренней и высшей свободе“,(!) пользуется, можно сказать, **ждановской** формулой.

Не является ли этот (разумеется, частный – но весьма показательный) пример ещё одним доказательством того, что – при всём внимании и уважении к мнениям, высказываемым о нас, русских, западными экспертами – пора и нам самим приняться за осмысление наболевших вопросов, дать на них **с в о й** ответ. С уничтожением национальной русской элиты в первые послереволюционные и последующие годы, с мощной волной „сов-патриотизма“ особенно в послевоенный период, при „интернационалистских“ фанфарах брежневского безвременья – трудно было надеяться на появление национально-мыслящих личностей, способных осмыслить случившееся и происходящее вокруг нас с русской точки зрения, с позиций нашего народа, имеющего тысячелетнюю православную традицию. Но такие личности появились. Несомненно, они были и всегда, но постепенно слышнее стали их голоса. И они всё громче стали говорить, что „принадлежность к своему народу делает человека причастным Истории, загадкам прошлого и будущего“, они стали напоминать своим мыслящим соотечественникам об **ответственности** перед своим народом, о необходимости поддерживать в себе и воспитывать в детях чувство национального самосохранения.

Эти слова взяты из книги И. Р. Шафаревича „Русофобия“, публикация которой стала событием в Российском Зарубежье, книги, которой суждено сыграть важную роль в нынешних процессах национально-религиозного самоопределения на родине.

И здесь мы хотим выразить самый решительный протест против попыток истолкования этой серьёзной и глубокой работы выдающегося учёного, – подтвердившего свой авторитет в области исследования социальных проблем книгой „Социализм, как явление мировой истории“, переведенной на основные европейские языки, – как некоего памфлета, где будто бы „культивируется и пропагандируется неприязнь к народам чужим“. Это тенденциозное „истолкование“ принадлежит московскому корреспонденту газеты «Русская мысль» (20. I. 1989) – с ним, судя по всему, редакция газеты всецело солидарна. Сознательное избрание авторов „со стороны“ – из „страны“ ли, или из университета с громким именем – как будто демонстрирует объективность этого печатного органа; однако, цель подобных публикаций – слишком прозрачная. В сущности, это ничто иное, как попытка **закрыть** обсуждение вопросов, которые давно уже назрели и требуют всестороннего рассмотрения. Даже если почти бесстрастный и строго документированный анализ этих проблем предлагает учёный с мировым именем, такой анализ отвергается „с ходу“.

Отметим, прежде всего, что нет никаких оснований рассматривать книгу акад. Шафаревича, как исключительно направленную против евреев – а именно так представляет её обидчивый московский корреспондент парижской газеты. Автор исследования несколько раз подчеркивает: „Мы не собираемся в этой работе никого судить, обвинять или оправдывать“ (стр. 104). Тщательно рассмотрев идеологию – предельно русофобскую, с отдельными выражениями почти расистского характера – „Малого

Народа“, пояснив, что он понимает под этим выражением, заимствованным из работ известного историка Французской революции, – и указав, что в идеологии и жизни этого „Малого Народа“, обитающего и в нашей стране, еврейское влияние играет исключительно большую роль – И. Р. Шафаревич тут же оговаривается, что „сама категория „Малого Народа“ **шире** „ядра“ националистически настроенных евреев“. Да, „радикальное еврейство“ играло весьма значительную роль в „революционный век“, но „ведь не все же евреи принимают участие“ в откровенно русофобской литературе (обильно и убедительно цитируемой в книге): „есть и такие, которые против этого возражают“. Напротив, в своей книге И. Шафаревич бьёт тревогу в связи с тем, что „еврейский вопрос“ приобрёл такую „непонятную власть над умами“. Этой своей книгой он стремится обратить внимание читателей на **„русский вопрос“** – существование которого, „по-видимому, вообще не признаётся“. (Как мы только что видели – в отношении „русской идеи“ теперь вопрос так именно и ставится).

В одном месте книги совершенно ясно говорится, что „Малый Народ“ составляют „люди без корней“ – и что же делать, если вошедшая в поговорку еврейская обидчивость принимает это **исключительно** на свой счёт?!

Но, вместе с тем, нельзя отрицать, что в силу самой **темы** книги (в попытке, так сказать „сформулировать реальное содержание проблемы“) акад. Шафаревич оказывается вынужденным затронуть вопрос, „находящийся под абсолютным запретом во всём современном человечестве“.

Впрочем, у автора книги „Русофобия“ был замечательный предшественник в постановке и обсуждении рассматриваемого круга проблем – не более, не менее, как сам Ф. М. Достоевский! И его обвиняли – и продолжают обвинять по сей день – в том, что он посмел нарушить неписанный запрет. И. Шафаревич замечает в одном месте: „В „Дневнике писателя“ Достоевский все время полемизирует с какой-то очень определенной, чёткой идеологией;

и когда его читаешь, то кажется, что он имеет в виду именно ту литературу, которую мы в этой работе разбираем: так всё совпадает...” И там же, по частному поводу: „...как будто Достоевский заглянул в сочинения Померанца!”

Опубликованное, наконец, Полное собрание сочинений и писем великого русского писателя позволяет в полном объеме познакомиться со взглядами Достоевского на все вопросы и проблемы, и подтверждает вывод, сделанный в своё время русско-австралийским исследователем его творчества Д. В. Гришиным (в статье, опубликованной «Вестником РСХД», 1974, № 114; трудно найти более авторитетное подтверждение, чем публикация в этом журнале): никаким антисемитом Достоевский никогда не был – при всём том, что обсуждал „еврейский вопрос“ с полной внутренней свободой. Равным образом, никогда не были и не являются антисемитами современные русские писатели В. Астафьев и В. Белов, затрагивавшие эту тему в некоторых своих произведениях. И, менее всех, – академик Шафаревич!

*

Справедливость требует сказать несколько слов о **ближайших** предшественниках автора „Русофобии“ в русском рассеянии – где много думали и писали по этому вопросу. Мы не имеем в виду, разумеется, такие одиозные труды эпохи 30-х годов, как „Войны тёмных сил“ Н. Е. Маркова или „Мир в лапах сатаны“ Евг. Вершинина – подобные книги не принято не только цитировать, но даже и упоминать. Но мы должны знать о их существовании, – именно для того, чтобы видеть **принципиальное различие** в трактовке проблемы у авторов, писавших до 2-й мировой войны и более близких к нам **исследователей**, стремящихся спокойно и объективно освещать тему. Таков, например, „исторический очерк“ Андрея Дикого „Евреи в России и в СССР“ (Нью-Йорк, 1967; 2-е изд. – 1978) и продолжение этой книги – „Русско-еврейский диа-

лог“ (Нью-Йорк, 1970; 2-е изд. – 1971). И. Р. Шафаревич так отзывался о трудах А. Дикого: „В книге встречаются неточности, но не тенденциозные: в целом обрисованная там картина, повидимому, соответствует действительности“.

Напомним о несправедливо замолчаной книге страстного русского патриота В. И. Криворотова (1902 – 1984: см. в «Вече», 1984, № 15)) „Некоторые мысли к русской возрожденческой идее“. Составляющие книгу статьи и письма писались, видимо, в тот же самый период, когда И. Р. Шафаревич обдумывал свою работу – отсюда целый ряд поразительных совпадений в размышлениях и оценках. В предисловии В. И. Криворотов справедливо указывает: „Горе тому народу, который не записывает своего прошлого, не составляет из него 'памятку', которая предупреждала бы его об ошибках и роковых шагах, совершенных в прошлом... Ещё трагичнее бывает с народом, когда он тяжело заболевает и попадает в руки всеотрицателей, изуверов и насильников, в интересе которых лишить его родства, выжечь ложью и пороком из его памяти всё, что составляло его прошлое...“ Это вполне созвучно тревожному, драматическому предостережению в книге „Русофобия“: если „концепция“ новейших „всеотрицателей“, современного „Малого Народа“ „впитается в национальное сознание, то это будет равносильно духовной смерти“.

В. Криворотов писал, находясь в далёкой Бразилии, но всеми мыслями и сердцем будучи со своей родиной: „Как можно приступать к созданию великой русской возрожденческой идеи, не видя и не зная тех, которые давно уже и непрестанно ведут против нас идейную борьбу, разрушают наши святыни и втоптывают в грязь всё то наше, без чего человеческая жизнь не имеет никакого смысла и значения“. И он совершенно однозначно оценивал пропагандировавшиеся и там, в Южной Америке, сочинения „русофоба Амальрика“ или его единомышленника Померанца, который – по словам Криворотова – „с большим апломбом и претензией на учёность проповедует снова космополитизм там, где о нём прожужжали интернацио-

налисты русским людям уши за полвека своей гегемонии“. Русский эмигрант-патриот писал – с верой в своих соотечественников на родине: „Трудно себе представить, чтобы современный советский интеллигент мог согласиться сегодня с Померанцами и пойти ещё раз на их удочку... Новый русский интеллигент в СССР отдаёт себе сегодня полностью ясный отчёт в том, чем пахнет для него всемирное космополитическое государство, командуемое Померанцами, когда оно расширится из страны России и по всему белому свету, и Померанцам не будет больше мешать никто и ничто делать с ним и его ближними всё то, что вздумается...“

По-своему замечательно оставшееся без отклика „Письмо А. Солженицыну“: дав своё видение „революционного века“ в России на протяжении последних десятилетий В. И. Криворотов оговаривался – и эта оговорка имеет принципиальный характер: „Не подумайте, Боже избави, что я предлагаю тут какие-то погромные методы. Мы, пишущие что-либо в защиту нашего народа, обязаны, во-первых, освободить его от клеветы наших недоброжелателей против него, а, во-вторых, серьёзно обратить его внимание на мысли, выражаемые сегодня русскими мыслителями в истинно-русском самиздате: 'Нам нужно христианское терпение и в тишине, скромности и простоте делать своё дело. Наше дело – победить! Сердиться, раздражаться, тем более, озлобляться и мстить – это разминивать себя на мелочи, запутываться в них и погибать'. Я особенно приветствую подобные мысли, ибо считаю, что наш народ ни в коем случае не должен вымарать свои руки в нечистой крови своих мучителей. Эти руки, сердце и душа нашего народа должны обязательно оставаться чистыми, так как только такими он построит свою новую христианскую культуру и выполнит ту свою историческую миссию, которую заповедал ему Господь Бог“.

Мы говорили о предшественниках И. Р. Шафаревича, – но есть все основания утверждать, что идеи и настроения, систематизированные учёным в его исследовании, раз-

деляются ныне многими его соотечественниками: об этом свидетельствуют публикации последнего времени, особенно в «Нашем современнике».

*

„Рост русофобии в стране“ вынужден признавать сегодня даже Л. Плющ – остающийся всё на тех же позициях, которые анализирует в своей книге И. Шафаревич. Выступая на „конференции представителей советской оппозиции“, устроенной фондом Аденауера в марте 1988 года, Л. Плющ утверждал, будто бы русофобию „спровоцировали“ такие явления, как „усиление общесоветского шовинизма“ (?!), „развитие национал-большевистских тенденций“, но особенно – „планомерная, систематическая, научно разработанная русификация всех нерусских народов“ (См. «Континент», 1988, № 58).

Да, русофобия такого типа, со стороны нерусских народов, имеет место и усиливается. Следует, однако, заметить, что в книге И. Р. Шафаревича исследуется это явление в своей сути, анализируются **корни** русофобии, восходящие ко временам гораздо более отдалённым. Если анализировать это явление в его истоках, мы придём к парадоксальному, только на первый взгляд выводу, что сама так называемая „русификация“ была и остаётся ничем иным, как одним из важнейших пунктов, действительно, „планомерной, систематической, научно-разработанной“ программы русофобов – тех самых, о которых пишет в своей книге И. Шафаревич.

Внимательное чтение этой книги подтверждает наше убеждение в том, что явление русского национализма имеет защитный, **встречный** характер. Национализм вообще не свойственный русским по их психологическому складу, представляет собой острую реакцию на ставшее далее нетерпимым **подавление русского национального чувства**, более того – **возникшую угрозу дальнейшему существованию самого нашего народа**.

Участник недавнего Пленума СП СССР И. Виноградов

(из Ленинграда) отмечал: „У нас как-то не принято говорить о нуждах и бедах русского народа, русской культуры. Народ, дескать, большой, сильный – сам со всем справится... А культура столько потеряла за семьдесят лет своих святынь, ценностей и великих мастеров, что можно только дивиться, что она все ещё существует, как-то выживает“ («Литературная газета», 25.1.1989).

За этой ёмкой формулой И. Виноградова – „у нас как-то не принято говорить“ – стоит многое, очень многое... Вот, например, центральная «Правда» напечатала (весной 1988 года) беседу с журналистами писателя Василия Белова: „Возродить в крестьянстве крестьянское“. После этого он получил от читателей около тысячи писем, о содержании которых рассказал на страницах всё той же газеты (22.10.1988). За то, что он – широко известный во всем мире писатель – открыто, с болью сказал о „нуждах и бедах“ российского крестьянства и казачества, ряд читателей «Правды» – пишет сам В. Белов – „обвиняет меня не больше, не меньше как... в антисемитизме. На чём же основывается такое обвинение? Да ни на чём. Достаточно просто упоминания в публикации имени Л. Д. Троцкого или Я. А. Яковлева“. И добавляет: „Полемизировать с такими авторами весьма трудно...“

Или, вот, другой пример: устраивает типично интеллигентскую истерику с провокационным подтекстом (что вообще характерно для „Малого Народа“) на страницах «Московских новостей» (5.2.1989) Евг. Евтушенко – по поводу праздника „Голоса и краски России“ в одном из московских дворцов спорта. Его возмущает – что можно понять – „печально-памятный“ лозунг: „Нет – безродным космополитам“, с которым выступила „Память“ на этом собрании. Но на помещённой в газете фотографии отчётливо виден и другой лозунг – рядом с этим: „Да – национальному патриотизму!“, о чём в своей статье поэт-скандалист не упоминает. Он „призывает к ответственности“ организаторов вечера, в частности (цитируем текст Евтушенки) „за речь заместителя главного редактора «Молодой гвардии» Вячеслава Горбачёва, который в изде-

вательском духе национального стравливания скрупулёзно зачитывал статистику: сколько в стране евреев-академиков, сколько евреев писателей, сколько евреев с высшим образованием и т.д.“

В связи с цитированным абзацем из статьи Евг. Евтушенко тоже можно сказать вышеприведенными словами: „У нас как-то не принято говорить...“ Но если проблемы существуют, если они вполне „созрели“ – говорить о них надо открыто и в полный голос! Только так можно приблизиться к их решению. Замалчивание, игнорирование приводит, с одной стороны, к неподконтрольному экстремизму, а, с другой, к обсуждению таковых тем и проблем в узком кругу „специалистов“, „посвященных“.

Именно такой, „кулуарный“ характер имеет обсуждение сегодняшнего русского национализма в особом бюллетене Исследовательского Отдела Радио „Свобода“, с содержанием части материалов которого мы ознакомили читателей «Вече». Упомянем и о статье третьего американского участника – проф. Р. Сани – тоже вполне уравновешенной, в отличие от русофобской истерии А. Синявского (для которого „русский национализм“ – синоним „антисемитизма“ и больше ничего) и наукообразных выкладок А. Янова (пугающего „ядерной фашистской диктатурой“ в СССР, в случае прихода к власти „русских правых“).

Совершивший недавно длительную поездку по Советскому Союзу, американский профессор, основываясь на личных впечатлениях, особо отмечает „новую этническую гордость русских“, связывая это с переживанием опасности, угрожающей нации. Да, он признаёт необходимость серьёзно отнестись к возможному идеологическому альянсу крайне правого национализма со сталинизмом, с противниками „перестройки“. Но прежде всего он увидел во время своей поездки исключительную широту и разнообразие спектра религиозных, культурных и специально „националистических“ воззрений среди русских в СССР. Справедливо указывает он на то, что „этническая Россия“ не только не имела возможностей своего полного

выражения при Сталине (так было и с другими национальными республиками), но что русские национальные темы эксплуатировались для нужд **советского патриотизма**... И теперь, когда и у русских, наконец, появились какие-то возможности для само-выражения, – не приходится удивляться противоречивому порой многообразию тем и подходов, с какими сталкиваешься в среде „русских националистов“.

Во всяком случае, подчёркивая защитный, встречный характер русского национализма сегодня, глубоко ошибочным мы считаем сводить его к ряду экстремистских выкриков, порой совершенно безответственных.

В предыдущем номере «Вече» сообщалось о создании в Москве Христианского Патриотического Союза (ХПС). Знакомство с его Программой убеждает, что самым „крайним“ требованием здесь выдвигается – добиваться „подлинного равноправия русских с другими народами СССР“. В интервью итальянской газете «Стампа» (8. 1. 1989) один из организаторов ХПС Алексей Залесский подчеркнул: „Мы хотя и признаём, что евреи играли существенную роль во время революции, считаем, что виноваты все мы: евреи, русские и другие; в нашей группе господствует плюрализм идей, мы не выступаем против других национальностей и не являемся крайними националистами“.

Следует сказать, что ничего угрожающего не имеют в себе и программные требования „Памяти“, в одном из недавних документов (обращение „К русским студентам“ ленинградского Совета этого „национально-патриотического фронта“) сформулированные следующим образом:

„Т р е б о в а т ь :

- 1) расширения подлинной и не скованной бюрократией народной власти, наиболее полно выражающей национальные идеалы и не сводимой к существующим формам;
- 2) глубоких хозяйственных и социальных реформ для создания многоукладной экономики, возвращения земли в полную собственность крестьян;

- 3) проведения справедливой национальной политики, направленной на развитие, на углубление самобытности каждой нации; особого курса, призванного вывести русский народ из его бедственного положения;
- 4) возвращения Православной Церкви отнятых у неё прав и имущества; отделения атеизма от государства;
- 5) распространения демократии и гласности на все области нашего национального бытия (включая и существующее демографическое положение русского народа), нашей истории и общественной жизни, включая еврейский вопрос;
- 6) оздоровления культурной жизни путём пропаганды национальных духовных ценностей; избавление средств массовой информации от окопавшейся в ней мафии; создание независимой национальной русской прессы;
- 7) глубокой реформы образования, которая должна исключить элитарность и кастовость в науке, во всех сферах искусства; улучшения положения студентов (увеличения стипендий, отсрочки от воинской службы, свободного для всех распределения);
- 8) совершенствования законодательства для защиты граждан от бесправия и произвола; равной для всех без исключения ответственности перед законом;
- 9) обнародования фамилий и предания суду лиц, виновных в массовых репрессиях, разрушении природы страны, вводе войск в Афганистан, гибели русских деревень;
- 10) борьбы с моральным растлением общества, которое производят алкоголь, наркотики, порнография и бездуховное искусство;
- 11) восстановления русской национальной символики, чистоты и богатства родного языка,

исторических названий городов, сёл, улиц“.

Что же, к **таким** требованиям можно только присоединиться!

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

**Независимый русский православный
национальный журнал**

Подписка на журнал в США и Канаде на 1 год:

1. С пересылкой простой почтой — 24 ам. долл.
2. С пересылкой воздушной почтой — 39 ам. долл.

Цена отдельного номера в розничной продаже — 7 ам. долл.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличить подписную плату насколько кто может.

Просьба чеки выписывать на: "1000 Anniversary Committee"

Подписную плату следует посылать:

"1000 Anniversary Committee"
322 West 108 St.
New York, N.Y. 10025

Н. Кусаков

К познанию современности

**(Заметки по поводу книги
И. Р. Шафаревича „Русофобия“)**

15 февраля 1989, Сретенье.

*Глубокоуважаемый Игорь Ростиславович!
Своей книгой „Русофобия“ Вы подняли знамя в
борьбе за отыскание и создание оружия
духовной защиты нашей родины от разрушения,
принесенного силами не только чуждыми, но
враждебными тому, что исконно составляет
высшую ценность нашего национального бытия.
Теперь нам остаётся „поливать“ посаженное
Вами растение, да будет Ваше слово зерном,
которое принесёт плод во сто крат.
Спасибо Вам за блестящий труд.*

Н. Кусаков.

*

Сперва несколько цитат. Это эпитафьи. Чужие мысли.
„Всеми невольно чувствуется, что нами переживаемое
время – тяжелое, опасное для веры; по мнению многих
опасное и для Церкви Христовой. Никогда ещё на Святой
Руси зловерие и неверие не поднимали так своей головы,

никогда ещё враждебные суждения о вере и Церкви не произносились так открыто и с такой дерзостью. И в то же время чувствуется, что мы переживаем знаменательную в истории мира и Церкви эпоху. События первостепенной важности (политические) с необычайной быстротой идут одно за другим. Что подготовлялось веками, совершается почти мгновенно. Всё даёт нашему времени значение переходного, критического. И вот, в это-то время и поднялась у нас такая волна зломыслия, которая грозит ниспровержением веры и Церкви и всего Христианства с заменою его суевением тёмного язычества и даже ещё худшим – полным безбожием времён допотопных, с конечным погружением в чувственность.

И как ни яростны нападки на веру и Церковь, чувствуется, что видим и испытываем лишь начало болезней. Одному Богу ведомо, до каких размеров оно может быть простёрто...”

«Церковные ведомости» № 1, 1903 г.

„Видимый мир, от царей и до нищих, весь в смятении, в нестроении, в борьбе, и никто из них не знает тому причины, то-есть причины этого явного зла, привзошедшего вследствие Адамова преступления – этого жала смерти; потому что прившедший грех, как разумная некая сила и сущность сатаны, посеял всякое зло: он тайно действует на внутреннего человека и на ум, и борется с ним помыслами: люди же не знают, что делают сие побуждаемые некоею силою; напротив того, думают, что это естественно, и что делают сие по собственному рассуждению. Но те, кто в самом уме имеют мир Христов и озарение Христово, знают, откуда воздвигается всё это“.

Так писал св. Макарий Великий.
См. Наставления в „Добротолюбии“, том I.

„При отрицании реальности самостоятельного бытия духов, в истории ничего нельзя понять“.

Л. Тихомиров „Монархическая государственность“.

„И без другого греха одной гордости достаточно, чтобы погубить душу“, – говорил св. Петр Дамаскин.

„Все мы предстанем на суд Христов“, – писал св. Апостол Павел в послании к Римлянам (гл. 14, 10).

„Нам свобода дана, чтобы избирать и делать дела святых. Все грехи мерзки перед Богом, но всех мерзостнее гордость сердца“.

Так писал св. Антоний Великий.
См. „Добролюбие“, т. I.

*

В 1932-м году в Москве по рукам среди верующих ходила апокрифическая записка. Её приписывали кому-то из старцев недавнего прошлого. Её переписывали и хранили в большой тайне. Иные думали, что это одна из записей бесед преп. Серафима Саровского с Н. А. Мотовиловым. Там, происходившие на наших глазах ужасы революции были представлены, как будущее. Отдельные фразы запомнились.

Одна из них: „Реки крови прольются на Русской земле“.

Ярче всего, на всю жизнь, запечатлелась фраза: **„Евреи и славяне – два народа судеб Божиих“**.

Оглядываясь на историю. В самом деле. Судьбы как еврейского, так и русского народа можно понять только если их вписать в судьбы Божии, в судьбы человечества в его превратностях, в его взлётах, падениях и восстаниях к Богу, в его шествии по магистральной линии борьбы добра и зла, и это от Адама до Христа, и от Христа, распятого и воскресшего, до Страшного Суда. В революции, особенно же в революции в России, эта борьба себя явила с несомненной ясностью.

Читатель, имеющий осведомлённость о революциях последних трех веков, знает, что фронт борьбы, как в подготовке и совершении, так и в закреплении и развитии

этого чудовищного явления проходит между верой в Бога Творца и Вседержителя и неверием, – то есть отрицанием бытия Бога. С этим читатель поймёт, что пространное развитие этой темы и заключительное суждение о ней требует серьезного знания Священного Писания, библейской истории и истории Новозаветной Церкви, а так же и знания истории философии. Только в свете этого знания можно дать истолкование тому какая страшная тайна скрывается за приведенным пророчеством:

Евреи и славяне – два народа судеб Божиих.

Только в глубине смирения веры, только полностью отрешившись от гордыни, только неизменно взирая на грехопадения, на обетование, на Голгофский Крест и на Пещеру Воскресения, и только в чаянии вечной жизни можно уразуметь, – какие страшные судьбы свершаются в дни нашей жизни.

„Имеющий уши, чтобы слышать, да слышит“ (Матф. 13, 9).

*

То, что было будущим в начале нашего века, не стало прошедшим к его концу. Оно стало настоящим и служит причиной того всеобъемлющего смятения, в вихре которого мелькают годы нашей жизни. И вот, не раз и не два останавливается мысль, задаваясь вопросом:

– Так в чём же дело? Как могло случиться, что ужасы Апокалипсиса стали реальностью наших дней? Как мог человек XX века додуматься до того, чтобы всё то, что революция принесла с собою, стало не бредом Кампанеллы или Маккиавелли, а русской действительностью?

Тесно стало на русской земле от свежих могил. Сутолока, бессмыслица жизни. Люди не знают, что думать, о чём спрашивать. Как пишет редактору монастырского журнала из Москвы в Джорданвилль Кирилл Головин: **„Обезбоженная масса ищет выхода из морального тупика, вызванного отречением от спасительной веры предков... Из глубины слышно вопрошание, ищущее причину страш-**

ного ослепления...”

В атмосфере этого вихря книга И. Р. Шафаревича оказывается лучом, прорезывающим ночной мрак. Но мрак до того сгустился, что до этого светлого луча досмотреться не так просто. Перед глазами мелькают призраки, застилающие действительную картину. Лишь при постепенном раскрытии тайны, угнетающей, давящей и обезволивающей, удаётся всей силой внимания устремиться к глубине мысли автора, и вместе с ним идти к решению поставленной им задачи. Чтобы тайну раскрыть, надобно не останавливаться на авансцене представленной панорамы, но пройти вглубь сцены, пойти за кулисы, во внутрь темы, волнующей читателя с первых строк.

Книгу свою Шафаревич назвал словом, не очень часто звучащим в литературе, но ждавшим своего применения ещё с Пушкинских времён. Вы помните, как наш великий поэт бросил полное огня слово в лицо „клеветникам России“? Помните, конечно. Он сказал:

„И ненавидите вы нас...“

Об этой ненависти, об этом русофобстве, писал и Достоевский в „Бесах“. Там Шатов у него говорит, имея в виду отношение европейцев к России: „...Одна только животная, бесконечная ненависть к России, в организм ввевшаяся, и никаких невидимых миру слез под видом смеха тут нету“.

Эту вот ненависть к России, „в организм ввевшуюся“, И. Р. Шафаревич собрал со страниц сочинений современных западных советологов, собрал сколько мог, сколько могло поместиться, со страниц достоверных изданий и предъявил с указанием страниц и сроков выхода в свет речей и мыслей, осуждающих Россию, оскорбляющих её, несущих ей жестокий приговор и выражающих к ней и к русским людям ненависть и презрение.

В этом отношении книгу о русофобстве можно считать своего рода обвинительным актом. Автор предъявил достаточно аргументов, парирующих и обращающих в обвинения тех же русофобов, их безосновательные, вымышленные, злобные и полные презрения к России утвержде-

ния. Фактическая сторона русофобии вынудила Шафаревича остановиться на том, что вся враждебная России и всему русскому желчь имеет „национальный аспект“. Этот аспект состоит в том, что злоба и ненависть к России изливается не столько со страниц английской, французской или американской печати, сколько из еврейских источников, со страниц сочинений так называемых диссидентов, редакторов и публицистов русскоязычной прессы, издающейся на Западе, советологов, научных сотрудников, консультантов различных западных учреждений, занимающихся „русским вопросом“, или же советских публикаций, авторами которых являются евреи, зачастую прикрывающиеся русскими псевдонимами. Откуда эта ненависть? Что служит её побудителем?

Сюда же естественным течением мысли вступает и поразительная тема об участии евреев в подготовке революции, в терроре 1904-го года, в командной роли евреев в забастовках, в организации и установлении революционных властей и во всех преступлениях коммунистической партии. В результате, у читателя может сложиться впечатление, что книга о русофобии написана как проявление так называемых антисемитских, юдофобских настроений. Мало ли что может придти в голову читателю легкомысленному! В угоду такому читателю, ищущему „сильных ощущений“, можно бы порекомендовать кучу трудов легкомысленных писателей. Но нет! Перед нами вопрос весьма серьезный, что ясно уже из того, как сам автор относится к нему, видя в его освещении долг своей жизни.

Суждения И. Шафаревича о „Малом Народe“ наталкивают на мысль, что под этим „Малым Народом“ подразумевается еврейство, внедрившееся в среду „большого“ народа России, русского, то есть, народа, во всей его многоликости.

Хотя нам и не встречалось на страницах еврейской печати видеть публикации, в которых высказывалось бы доброе слово о России, на основании частных, личных отношений с евреями мы полагаем, что если бы евреи

были опрошены, то едва бы русофобы нашли серьезную поддержку тех, от чьего имени они выступают. Положение, наблюдаемое сейчас на Русской земле, на мой взгляд, свидетельствует, что „Малым Народом“ в том смысле, как он определён Шафаревичем, там является не еврейство, а большевистская партия и все, кто с нею согласны по внутреннему решению совести. Опасность от этого не делается меньше. Она тем более очевидна, что на Русской земле действительно возник слой „партбилетчиков“, заранее согласившихся со всем, что отвечает интересам „Малого Народа“. В этом смысле и написан и, думается мне, всеми должен быть принят к исполнению призыв И. Р. Шафаревича к **отысканию и созданию оружия духовной защиты** нашей родины – России от разрушения несомого, распространяемого и исполняемого „Малым Народом“, к какой бы национальности он ни принадлежал. Этот призыв требует, прежде всего, выяснения причины, в силу которой „Малый Народ“ оказался пропитанным такой жестокой ненавистью к России и ко всему русскому. Отсюда, думается мне, если устранить причину, то изгладится и ненависть, разумеется, при добром расположении тех, кого это касается. Попытка отыскать эту причину и побудила меня взяться за перо. Я хочу знать, почему люди ненавидят мою родину, хочу умиротворить эту ненависть, хочу, наконец, защитить честь моей родины, которую все эти советологи так нагло и так гнусно оскорбляют при бессердечном безучастии окружающего мира.

*

В своей историко-философской экспозиции темы И. Р. Шафаревич, вводя понятие о „Малом Народe“, говорит:

„Речь идёт о том, является ли история органическим процессом, сходным с ростом живого организма или биологической эволюцией – или же она сознательно конструируется людьми, подобно некоторому механизму?

Иначе говоря, вопрос о том, чем считать общество: **организмом** или **механизмом**; **живым** или **мертвым**.

Согласно первой точке зрения, человеческое существо сложилось в результате эволюции „норм поведения“ (в самом широком смысле: технологических, социальных, культурных, религиозных). Эти „нормы поведения“, как правило, никем сознательно не изобретались, но возникали как следствие очень сложного процесса, в котором каждый новый шаг совершался на основе всей предшествующей истории. Будущее рождается прошлым, Историей (с большой буквы! – как поставил автор, дав слову „История“ особый смысл, добавлю я. – Н. К.), совсем не по нашим замыслам. Так же, как новый орган животного возникал не потому, что животное предварительно поняло его полезность, так и новый социальный институт чаще всего не создавался сознательно, для достижения определенной цели.

Вторая точка зрения утверждает, что общество строится людьми логически, из соображений целесообразности, на основании заранее принятых решений. Здесь вполне можно, а часто и нужно, игнорировать исторические традиции, народный характер, выработанную веками систему ценностей. (Типично высказывание Вольтера: „Хотите иметь хорошие законы? Сожгите свои и напишите новые“). Зато решающую роль играют те, кто обладает нужными познаниями и навыками: это истинные творцы Истории. Они и должны сначала вырабатывать планы, а потом подгонять неподатливую жизнь под эти планы. Весь народ оказывается лишь материалом в их руках. Как плотник из дерева или инженер из железобетона, возводят они из этого материала новую конструкцию, схему которой предварительно разрабатывают. Очевидно, что при таком взгляде между „материалом“ и „творцом“ лежит пропасть; „творцы“ не могут воспринимать материал как таких же людей (это помешало бы их обработке), но вполне способны испытывать к нему антипатию и раздражение, если он отказывается правильно понимать свою роль. **Выбор той или другой из этих кон-**

цепций формирует людей двух разных психологических типов (разрядка моя – Н. К.). Приняв первую точку зрения, человек чувствует себя помощником и сотрудником далеко превосходящих его сил. Приняв вторую – независимым творцом истории, демиургом, маленьким богом, а в конце концов – насильником. Вот на этом-то пути возникает общество, лишенное свободы, какими бы демократическими атрибутами такая идеология ни обставлялась“.

Наблюдение – более, чем блестящее! Можно было бы поспорить с И. Р. Шафаревичем о том, – выбор ли концепции зависит от психологического типа выбирающего, или же концепция зависит от выбора, к которому а-priori склоняется психологический тип. Мы **здесь** воздержимся от этого, опасаясь не во-время вступить в полемику о том, – курица ли из яйца, или яйцо из курицы? Из последующего изложения станет видно, в чём и как себя являет это соотношение „между яйцом и курицей“, а здесь и сейчас нам нужно остановиться вниманием на картине нынешнего дня, где выбор уже сделан.

*

С тех пор, как общественная мысль Европы, то есть где-то в XVI веке, предалась во власть принципов позитивизма, рационализма, эмпиризма и, наконец, материализма, „вторая точка зрения“ занимает господствующее положение **во всем мире**. Нужно ли это доказывать? Ведь простым глазом видно, что этому принципу подчинена половина мира находящаяся во власти марксизма, а другая половина руководствуется принципами планирования, постановки практических целей и исполнения их руками людей, имеющих нужные познания и навыки. Это особенно ярко видно по деятельности Организации Объединенных Наций. Не так, так иначе жизнь протекает в намётках планов и в их исполнении.

В то же время наблюдаем, как вопреки воле властителей, держащихся второй точки зрения, на наших глазах в жизни возникают и протекают именно те „сложные про-

цессы“, из которых рождаются и из прошлого вступают в настоящее вещи, никак не предусмотренные и образовавшиеся „совсем не по нашим замыслам“. Отсюда возникает конфликт, в котором обнаруживается, что жизнь человечества протекает не по схеме, отвечающей второй точке зрения, конфликт, в котором как в лихорадке трясется весь мир. Причина этой тряски в том, что люди, в силу своего психологического типа, решили, что первую точку зрения вообще можно и нужно похерить. О ней забыли. Правда не все. От имени тех, кто не забыл и говорит И. Р. Шафаревич. От их имени говорю и я, углубляя раскопку центра проблемы, так ясно намеченной автором „Русофобии“.

Надо от души поблагодарить И. Р. Шафаревича за точную формулировку в описании двух точек зрения и в связи с этим двух психологических типов, и тут же надо сказать, что здесь **проведён не только водораздел, определяющий ту или иную склонность. Нет! Тут показана линия фронта борьбы... не точек зрения, а двух мировоззрений, двух нравственных расположений, борющихся в сердце человеческом, в жизни общества, в жизни человечества с тех пор, как оно существует. Между этими двумя мировоззрениями идёт отчаянная борьба. Конфликт между ними – есть подлинная, единственная и глубочайшая тема всей мировой истории.**

Размышляя об этой борьбе Гёте назвал одну сторону верой, а другую – неверием. Вот его слова:

„Das eigentliche, einzige und tiefste Thema der Welt- und Menschengeschichte, dem alle übrigen untergeordnet sind, bleibt der Konflikt des Unglaubens und Glaubens“. („Подлинной, единственной и глубочайшей темой истории мира и человечества, темой, которой подчинены все остальные, является конфликт между неверием и верой“.)

Крепко сказал мудрец. Ярко и выразительно, Но спросят, – а при чем же здесь вера, если речь идёт о точках зрения? Отвечаю: эти точки зрения есть то, в чём коренится мировоззрение человека, его таинственная, внутренняя жизнь, его личность. Для определения психоло-

гического типа это есть не только самое центральное, но это есть всё.

Гёте известен не только как поэт и как мыслитель. За ним утвердился так же слава великого язычника. „Der grosse Heide“. Языческая психология времён немецкого идеализма не дала ему дойти до ощущения корней духовной жизни и особенно до чувствований, относящихся к способности ума доходить до глубин сердечных движений, из которых исходят как вера, так и неверие.

Корнями же этими являются **смирение и гордость**.

Смирение определяющее: безмолвно признать и принять, что события, совершающиеся в мироздании и в жизни общества и человека, происходят от воли Божией, превышающей силы и возможности человека, от всеблаготворной воли Божией, приглашающей человека для его же блага к сотрудничеству и к подчинению высшей, божественной воле и к полному преданию себя в эту высшую волю, в руки её Носителя. Отсюда безмолвная преданность воле Божией, принятие и бережное хранение прошлого.

С другой стороны – гордость. Видим её в уме человека, в его духе, в сознании собственного достоинства, которое **при ослаблении внутреннего контроля совести** склонно перерасти в чувство собственного превосходства не только над окружающим миром, но и над той, другой, высшей волей. Ощущение такого собственного превосходства способно перерасти в страсть, то есть в неудержимое и бесконтрольное желание, нарастающее по мере своего удовлетворения. Но эта страсть не может быть удовлетворена. Человек не может преодолеть воли Божией. Тогда его сердце ведёт его к полному отрицанию Божественной воли, к отрицанию бытия Бога, к атеизму.

Так, проникая вглубь максимы, четко обрисовавшей центр конфликта истории мира и человечества, мы находим, что узловым темой тут является **борьба гордости против смирения**. Намерение гордости целиком подавить и уничтожить смирение и намерение смирения разоружить

гордость и привлечь её на свою сторону для всеобщего блага.

Эта борьба и есть наша история, и через призму этой борьбы можно видеть корни русофобства и с этим призывать русофобов к здравому смыслу и доброй совести.

Исторически, борьба гордости против смирения во всей страшной яркости себя явила в событиях Нового Завета, описанных в Евангелии, благовествующем о последовательной, совершенной и абсолютной консоммации добродетели смирения при её встрече с пороком гордости, что выразилось в Крестной Смерти Иисуса Назорея, Сына Божия, в Смерти, которую Он победил Адамов грех, суть которого содержалась не в чем ином, как именно в гордости. Здесь в консоммации всей тайны Боговоплощения, совершилась победа Христа Спасителя над грехом, здесь было устранено проклятие и поправа смерть и торжество добродетели смирения себя вполне явило в Воскресении Христовом.

И здесь Израиль разделился. Апостолы и все, кто за ними последовали (даже до нашего поколения) избрали смирение. Синедрион и все, кто рабски последовал за ним (даже до нашего поколения) избрал гордость.

Разделению этому в среде Израйля были причины, корни которых надо искать в истории, о которой у нас мало кто имеет надлежащее представление. К сожалению, даже сама Библия в дни нашей современности, издаётся так, что повесть об исторических событиях Израйля обрывается около конца Вавилонского плена. Между тем на Святой Земле тогда завязалась чрезвычайно „многогранная“ борьба, в которой различные группировки, имели каждая свою цель. Тут был Синедрион, считавший себя возглавителем народа и страны, тут были фарисеи, обрядоверцы, тут были потерявшие веру саддукеи, тут были благочестивые иессеи, заботившиеся о чистоте Св. Писания и ведущие аскетическую жизнь, были и воинствующие патриоты, подымавшие вооруженные восстания против чужой власти Римской империи, были и Ирод со своими сторонниками, искавшие примирения с

Римскими властями, и была, повидимому, вкраплённая повсюду, группа чисто верующих иудеев, из среды которых явились такие личности, как „священник из Авиевой чреды, именем Захария, и жена его Елисавета“, или благочестивая чета Иоакима и Анны и семьи, из которых произошли св. Апостолы.

И всё это находилось в напряженном ожидании Обетованного Мессии, тем более, что в эту пору исполнилось „семь седмиц до Христа“, предсказанные св. пророку Даниилу. Ждали гордого торжества Израиля, восстановления Царства Израильского, ждали Царя Израилева в тех формах, которые легче всего было себе представить, под недавним впечатлением империи Александра Македонского. Спаситель же явился не так, как его ждало неверие, а так, как было предсказано боговдохновенными пророками, как „Отрок избранный Богом, Который льна курящегося не угасит“...

Напрасно молва толкует, что де мол евреи не приняли Иисуса Христа, что они отвергли Его. **Его отверг Синедрион**, отщепившийся от народа Израильского, который тем не менее составил обетованное ему во Христе „царственное священство“, как сказал св. Апостол Петр, обращаясь к уверовавшему Израилю, рассеянному в „Понте, Галатии, Каппадокии, Азии и Вифянии“ (1-е Пет. 1, 1). „Не отверг Бог народа своего“ (Рим. II, 2).

Обратим взор в глубь веков. Прежде чем преподать Свой Закон, то есть еще в пустыне Синайской, Господь через пророка Моисея воззвал к еврейскому народу, говоря: „Если будете слушаться гласа Моего и соблюдать Завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля, а вы будете царством священников и народом святым“ (Исх. 19, 5 и 6). И весь народ единогласно отвечал, говоря: „Всё, что сказал Господь исполним и будем послушны“ (- 8 -). Тогда, и не ранее того, ибо дал Господь человеку свободную волю и никогда слова Своего не нарушил!.. тогда Господь преподал Израилю Свой Закон (Исх. 20 гл. и далее).

Но вот когда явился „**конец Закона - Христос**“, тогда

Синедрион, **не покорившись праведности Божией** нарушил своё слово, явил непослушание гласу Божию, не соблюл Завета, и дом его остался пуст (Матф. 23, 38).

Но ревность Господа сделала, что в доме Иудином уцелел остаток из Иерусалима, и пустил корень внизу и принёс плод вверху. Так истинный Израиль оказался „остатком“, как пишет св. Апостол Павел в Послании к Римлянам.

Так образовалась Церковь Апостольская, обращаясь к которой св. Апостол Петр говорит: „Вы – род избранный, **царственное священство**“. И это явилось свидетельством непрерывности наследования Божественного Обетования от кровных детей Авраама ко всем детям рода Авраамова, „боящимся Бога“ к Церкви Христовой.

Что же удержало Синедрион от признания Галилейского Проповедника? Я не вижу другой причины, кроме гордости.

Не забудем того, что от Моисея до Христа Спасителя евреи были единственным народом высочайшей нравственности Божественного Закона, данного Богом. Это десять Заповедей. Это „Декалог“. Весь мир вокруг Израиля, не зная Бога, не имел представления о том, что возможна нравственность, отвечающая поведению, предписанному в 6-ти последующих Заповедях на основании первых четырех. Человечество не знало понятия греха и римские нравы, лишь частично описанные св. Апостолом Павлом в послании к Римлянам, были обычными во всех народах, **кроме еврейского**. Нравы же эти, даже по нынешним представлениям, понимаемые как гнусные, господствовали во всех народах, кроме иудейского. Это воспитывало в иудейском народе глубокое презрение ко всем „гоим“, ибо они действительно были мерзки и отвратительны. С этой гордостью евреи вступили в область христианской жизни и влияние это потребовало особого внимания от Апостолов при образовании ячеек христианской Церкви, ибо сила привычки заставляла христиан из евреев чуждаться христиан из язычников. И если такие чувства среди евреев сохранились в христианской среде,

то среди последователей Синедриона, как говорится, – кольми паче!

К этой гордости присоединилось то, что свойственно человеческим эмоциям, то есть, разрастание чувств в страсти, и с этой-то гордостью русофобы и не могут расстаться до нынешнего дня. К этому прибавилось оскудение веры, вползавшее в еврейскую среду, как оно вползало в сердца всего населения европейских стран. Оскудение веры не могло не повести к неверию, что открыло дверь ненависти и презрению, которыми дышат все строки русофобов. Неудивительно, что они с особенным презрением говорят о смирении, которое они не могут себе представить иначе, как раболепство. Когда же мы познакомимся с высказываниями их корифеев, то мы увидим, что ими овладела та самая гордыня, которая послужила причиной падения Денницы, сына зари, говорившего в сердце своём: „Взойду на небо, выше звёзд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему“ (Ис. 11, 14).

В ином аспекте эта же борьба явлена у греков. Здесь видим борьбу осуждённых к смирению. Их цель – освободиться от тягот, возложенного на человека высшей волей. Гордость отталкивается нести возложенные на человека тяготы. Она вступает в борьбу против божеств и терпит поражение. Здесь Прометей в своём восстании против всего, что он считает несправедливым со стороны Зевса. Здесь борьба титанов! В этой борьбе, себя так же являет борьба гордости против смирения, перерастающая в неверие, в отрицание божественных сил, которые Прометей не в силах преодолеть. Тут столкновение надменной гордости Прометея с неодолимой силой Зевса.

Восстание Прометея издавна служит символом революционной борьбы за идеалы, на первый взгляд выражавшие справедливое восстание во имя справедливости, но при более внимательном рассмотрении оказавшиеся страстными желаниями гордости, не терпящей над собою никакого превосходства. Отсюда первый призыв к

революционному восстанию. Он раздался со страниц „Двух трактатов“ Дж. Локка и получил распространение от сексуально извращенного Руссо, который повторив мысли Локка, начал свой знаменитый „Общественный договор“ словами: „Человек рождается свободным и тем не менее повсюду живёт в цепях“. Эти слова повели слепую массу на штурм Бастилии 14-го июля 1789 года.

Постоянное единство между гордостью и революцией, таким образом, объясняется тем, что все явления революции непременно объединены с атеизмом и богоборчеством. Гордость не терпит никакого превосходства над собою. Она не терпит над собою никакой власти. Она начинается там, где **человек в сердце своем говорит: „Да будет воля моя!“**. „Я – высочайшее существо в этом мире. Выше меня не может быть никого!“.

Поэтому революция отвергает Бога, поэтому она издевается над смирением. Как сказал библейский мудрец: „Мерзость гордому смирение“. Надменный Прометей не желает терпеть над собою ничего, что было бы выше него. Здесь достойно пристального внимания то, что в XIX веке Карла Маркса именовали Прометеем и что в своей известной диссертации он торжественно провозгласил Прометеевы слова с вызовом ненависти ко всем богам и с громогласным утверждением, что, – **„высочайшим божеством в мире является человеческое сознание!“**. Это восклицание Карла Маркса поразительно в том отношении, что оно почти дословно высказано словами Апостольского пророчества о том, что незадолго до Пришествия Христова, явится на земле „человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею“.

В этом звучит торжество психологии второй точки зрения!

Обратите внимание на то, что в нынешнем году весь мир будет праздновать двухсотлетие Французской революции, и не слышно ни звука голосов, которые покаянно осудили бы этот исторический момент нравственного падения человечества. С великой **гордостью** они будут

торжествовать победу своих идей, своих лозунгов, победу измышлённых ими законов, поставленных ими на место естественных законов жизни. Тут русофобы услышат любимые для них чванливые песни и будут анализировать современность, измеряя условия жизни мерками, установленными Французской революцией.

Обратим свой взор к России. Мы только что отпраздновали Тысячелетие Крещения Руси. Много было сказано хорошего, но что-то помешало во всю откровенность говорить о том, что **избрав святое Православие Русь избрала своим идеалом не что иное, как смирение**. Сам Великий Владимир, с принятием Христианской Православной веры, из неукротимого воителя превратился в щедрого творителя милостыни. Подвиг святых страсто-терпцев Бориса и Глеба занял в памяти русского народа великое почётное место, и далее, в подвиге Святых, в земле Российской просиявших, видим, как бы сказать, торжество подвига смирения.

До последнего времени, пока Россия имела возможность раскрывать свою мысль, русская душа твердила о смирении. Словно сегодня слышен призыв Н. В. Гоголя: „На колени перед Богом!“... Словно не просохли ещё чернила на страницах, где Достоевский призывал:

Смирись, гордый человек!

Но... „Мерзость гордому смирение“, – говорит библейский мудрец. Как бы в ответ на русскую мысль о смирении, слышим полные презрения выпады русофобов. В наших ушах слышен звон мечей, ударивших друг о друга.

Гордость против смирения! Мы оказываемся перед непримиримым противоречием, и если мы теперь призываем русофобов к умиротворению их страсти, то можем это делать, только обратив их ум и сердце к Тому, Кто смирением победил гордость. На Голгофском Кресте гордость была побеждена. Побеждена, но не для всех. Крест оказался „для Иудеев соблазн, для Эллинов безумие“. Но не все соблазнились, не все предались безумию. **Для призванных Иудеев и Эллинов – Крест есть Божия сила и Божия премудрость**“ (1-ое Кор. 1, 24). Вот к этой мудрости

мы и призываем русофобов.

— Протрите глаза, господа! Посмотрите трезво на то, что происходит на глазах нашего поколения. Умейте делать выводы из того, что вы видите. Вне малейшего сомнения в столкновении двух мировоззрений, двух точек зрения, как выразился И. Р. Шафаревич, перед нами происходит столкновение **двух духовных начал**, ибо как смирение, так и гордость относятся к духовной жизни человека. Но не довольно ли философской терминологии, когда вещи надо называть своими именами! Вспомните слова Льва Тихомирова: „При отрицании реального, самостоятельного бытия духов, – в истории ровно ничего нельзя понять“.

Не станем же „переть против рожа“, когда перед нами открывается очевидность. Здесь действует сам „князь мира сего“! Обратитесь к сердцу! Мы ищем людей, психологический тип которых, направлял бы общество к выбору мировоззрения первой точки зрения. Где же „курица“ и где „яйцо“?

Прислушайся к своему сердцу и оно тебе ответит, как только ты ощутишь движение твоей свободной воли. Вот мы с тобою стоим у „развилки“. Помнишь, как то в былинах богатырь перед камнем с надписью? Так и свободе нашей указано то самое, что было указано Моисею и всему Израилю: „Избери жизнь!“ Вечную жизнь! Это во Второзаконии. Избери жизнь, потому что на другой стороне смерть. И хотя воля твоя не всегда готова склоняться в сторону вечного духа, и колеблется в угоду плоти, ибо между духом и плотью всегда была борьба, у нашей воли есть маяк и от расположения к нему зависит всякое решение, всякое избрание, всякий шаг.

Этот маяк – есть Крест. Этот маяк – есть Распятый на Кресте. Этот маяк – есть Бог, против которого восстали люди, сбитые с пути неправильным выбором. Бог и сегодня призывающий всех к Себе ради вечной жизни, ради вечного блаженства. Обращение к Нему и определяет психологически тип человека, делающего выбор. Вот здесь и лежит водораздел, здесь причина **ненависти и**

презрения к России со стороны русофобов, ибо для них Крест есть соблазн или безумие, и ненавидят они не нас и не Россию, а Иисуса Христа, на Кресте победившего гордость.

Эта причина устранится тогда, когда русофобы поклонятся Кресту, на Котором был распят Иисус Назорей Царь Иудейский. Здесь мудрость бросает вызов к сердцу русофоба, говоря: Есть ли в тебе мужество, чтобы подавить чванство гордости и склониться перед непреодолимой силой Божьего Закона, являемого в бытии мира, или же ты бесхарактерная „овца из Панургова стада“? Истина ждёт твоего ответа.

Вот в этом пункте и надобно искать оружие духовной самозащиты от зла, одолевшего нашу родину, памятуя, что борьба не нами началась и не нами кончится, а мы всё же сделаем всё, что в наших силах, чтобы преодолеть бедствия, принесенные нашему народу властью „Малого Народа“, гордых партбилетчиков.

Много сказано в книге И. Р. Шафаревича о сталинщине, но хочется добавить, что это явление **всемирной революции** могло иметь место лишь при одобрении международных сил „Малого Народа“. **В сталинщине явила себя ложь революции.** Как могут сегодня смотреть в глаза своей аудитории те учёные, которые вчера провозглашали, что Сталин гений? Те самые органы печати, те самые пропагандисты, которые вчера славил Сталина, сегодня выступают с критикой и разоблачениями своих собственных аргументов. Как так? Да очень просто. **Их отец – это отец лжи.** Они ему служили и служат, и только трезвым сердцем веры раскрывается правда, что в сталинщине себя явила „мерзость запустения“, предсказанная в пророчествах о близости Последнего Суда Божия.

Святой Равноапостольный Великий Князь Владимир не думал о том, что его подвиг, его благодатное влияние распространится „от Невских берегов до пламенной Колхиды“, но Великая Российская Империя явилась именно из его подвига. Много сделать мы не можем, но путь к святости открыт каждому из нас, а без этого Святая Русь

не восстановится. Взыщи святости, русский человек, открой сердце свое Христу Спасителю... и положишься на волю Божию.

Дверь ко Святой Руси открыта всем, включая и русофобов, которые пожелали бы отвергнуть свою злобу. А к тем из них, кто станет упорствовать в своей гордости, в ненависти, в заблуждении зла, обратим иные русские слова, сказанные по другому поводу, но отвечающие нашей мысли.

Над гробом Пушкина, обратясь к косвенным виновникам его смерти, Лермонтов в справедливом гневе восклицал:

...Есть Божий Суд, наперсники разврата!
Есть грозный Судия. Он ждёт.
Он недоступен звону злата
И мысли и дела Он знает наперёд.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью,
Оно вам не поможет вновь
И вы не смоете всей вашей черной кровью
России праведную кровь.

Пост скрипт: Я принадлежу к числу тех русских людей, которые не читали о революции. Я не слышал о ней. Я её видел, я знаю её в лицо. Я подписываюсь подо всем, что написал Солженицын в „ГУЛАГе“, хотя я не читал этой книги. Я видел не горы трупов, а просто голые трупы, лежавшие на улице по четыре дня. Я видел грабежи, погромы богатых домов, я видел чекиста, извращенного в своей ненависти, порождённой завистью. Он искал доводов, чтобы убить „преступника“, человека из „бывших“.

Знаете ли Вы, что такое „нуаяда“? Это когда во Франции гильотина не успевала убивать всех, кто предназначен к смерти. Тогда просвещенные революционеры сажали сразу сотни людей на корабль, отводили его на глубокую воду и там топили, закрыв все двери, чтобы никто не спасся. Такое же было применено в Феодосии в 1921-м году.

Я видел... разве всё опишешь? Я видел, как крестьяне

голосовали за то, чтобы земля у них была отобрана. Это была – сплошная коллективизация. Я видел, как рабочие единогласно голосовали за то, чтобы им платили вдвое меньше за ту же работу. Это было – стахановское движение. Я видел, как дружно люди голосовали за единый фронт коммунистов и беспартийных, избирая по списку с одним кандидатом. Я видел... я знаю. И я знаю, что **такого наглого издевательства над народом, такого морального извращения, такого явления, что называется советской властью**, никакой человеческий ум не в состоянии был бы изобрести. Для этого нужна злоба дьявольского гения. Поэтому, не спрашивайте у меня, верую ли я в самостоятельное бытие дьявола. **Я его видел!**

И когда я читаю злобные строки русофобов, я знаю, кто нашептывает им в ухо, и слышатся мне вещие речи церковного журнала: **„Мы переживаем знаменательную в истории мира и Церкви эпоху“.**

Не признав Галилейского Проповедника, Иисуса Назорея, тем Царем Иудейским, Который был Сыном Божиим, Синедрион и его последователи, иудеи, не оставили своего исторического чаяния. Они ждали обещанного Мессию, видя его таким, как он отвечал бы их национальной гордости и достоинству. Талмуд говорит, что в отличие от всех древних народов, видевших свой „золотой век“ в глубине ночи прошедших веков, евреи ждут, что этот век наступит в „последних днях“, которые увидят апогей величия своего народа. Это будущее, по Талмуду, центрируется вокруг личности некоего „Машиах“, которому Бог даст возглавить наступление новой чудесной эры.

„Кто же будет этот Мессия?... – спрашивает в своей книге Бирмингемский архисинагог д-р Коган. – Раввины, – продолжает он,– единодушно признают, что Мессия будет человек, которому будет вменено в обязанность совершить эту миссию. Талмуд не высказывает верования в какую бы то ни было „сверхчеловечность“ Мессии“ („Талмуд – учение раввинов в этике, религии, обычаях и юриспруденции“, Париж, 1958 г., изд. „Пайо“).

Судя по неоднократным высказываниям раввинов, появившимся в издаваемой в Иерусалиме газете «Джуиш пресс», ожидание явления Машиаха никогда не было столь напряженным, как в наши годы. „Мы – мессианское поколение!“ – возглашают раввины, обращаясь к своим единоверцам.

По верованиям Св. Православной Христианской Церкви, ожидаемый раввинами Машиах, царь иудейский, будет именно тот антихрист, тот самый „беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего“ (2-е Фес. 2, 8).

У немцев и у англичан есть пословица, гласящая, что „Божьи мельницы мелют медленно“. И тут же вложено понимание, что как бы медленно ни мололи, вращение этих жерновов Божиих судеб неумолимо и то, что должно быть, то будет непременно. Когда? Хоть и не скоро Бог скажет, но правду Он видит, и Он же сказал, что „доколе не прейдёт небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не перейдёт из закона, пока не исполнится всё (Матф. 5, 18). Вот сущность нашей современности!

Еще раз СПАСИБО И. Р. Шафаревичу за добрые мысли, за труд изложения деликатной темы без оскорбительных выпадов и за то, что и меня вызвал на откровенность.

„Конец и Богу слава!“ – заканчивали свой труд наши летописцы. Так закончу и я.

Памяти Виктора Комарова

С большим опозданием пришло печальное сообщение с родины – о самоубийстве (два года назад) талантливого поэта Виктора Комарова, бывшего узника политических лагерей в Мордовии в 70-е годы. Около десяти лет прожил он, после освобождения, в „большой зоне“. И, судя по всему, не выдержал... Стихи В. Комарова, здесь публикуемые, помогают понять мотивы этого рокового решения, и вскрывают его духовный облик – русского патриота, болезненно-остро переживавшего трагедию своего поколения...

Среди з/к нашего лагеря (вообще, всякого **политического** лагеря) была категория „преступников“ немногочисленная, но характерная. Это – бывшие офицеры Советской Армии; не из числа тех, что бежали на Запад и потом вернулись, добровольно или принудительно. Речь идёт о военнослужащих, осуждённых военным трибуналом по обвинению в „измене родине“. Безусловно, были и случаи шпионажа, или что-то в этом роде: данная категория была особенно молчалива и неразговорчива, что и понятно. К ней принадлежал и Виктор Комаров – русский из Муром, служивший где-то на южной границе... Характер его „преступления“ так и остался неясным даже для его новых друзей, хотя это, возможно, и могло бы пролить дополнительный свет на многое в его мировоззрении и его поэзии...

Тайна, безусловно была – разумеется, ничего общего не имеющая с разрядом „военных тайн“. Во всех случаях **измены родине** военными (т. е. нарушения воинской присяги), безусловно, присутствовал момент „политический“, идеологический; „изменники“ явно несли в себе

элемент „антисоветчины“. Повидимому, в процессе следствия так именно и дедуцировалось: от возникновения „нездоровых настроений“ – к прямой „измене“: воинскому долгу, присяге, Родине (непременно с большой буквы). Видимо, так оно было и в действительности, только с другими акцентами и другим наполнением этих казённых формул. Феномен сам по себе исключительно интересный, так как позволяет, в какой-то степени, на современном материале воскресить психологию „власовцев“. Власовское движение было массовым, имело место в разгар драматических для страны и мира событий. Его участники уже чисто хронологически были „привязаны“ к России дореволюционной, и нередко сами были жертвами режима. **Здесь** – случаи, в общем-то, единичные; речь идёт об офицерской элите – лучших из лучших, которым доверяли абсолютно (после предварительных бесконечных проверок). Теоретически – это были стопроцентно советские люди (а погран-войска, это уже и КГБ...). и оттого столь важно понять: **почему? как? ЧТО** – заставило „изменить“: конечно, не „Родине“ – идеологии, Партии, Системе? Ведь это вопрос о возможности нового Власова, в возможных новых драматических ситуациях.

Данный случай, данный пример – особенный и исключительный. Во-первых, речь идёт о поэте, талантливом и оригинальном. Во-вторых (и здесь, повидимому, дополнительный момент, заставляющий вспомнить именно об участниках Власовского движения), его конфликт с советской властью – возможно, вполне осознанный только в лагере – питался вспыхнувшим неожиданно и необычайно сильно, инстинктом русского патриота. Виктор Комаров **вдруг** ощутил, осознал себя – русским; это было и рождением его поэтического таланта. Возможно, стихи он писал и до лагеря – интерес к поэзии у него был глубокий и органический. Но здесь, за колючей проволокой, его Муза обрела полную зрелость и национальное самосознание. В том узком круге лиц, с которыми общался Виктор, все жили идеей возрождения, воскрешения Православной Руси – и в его стихах видно прямое отражение

тогдашних наших разговоров. Таковы, например, стихи, написанные после лагерного празднования годовщины гибели Н. Гумилева (единственные напечатанные – на Западе, в журнале «Посев»). Пробудившееся у него русское миропереживание было универсальным по своему характеру: русская душа Виктора обнимала весь мир, **болела** – за русских во всем мире – и это, быть может, особенно приближает его стихи русскому зарубежному читателю. В плане поэтических влияний решающим, определяющим для В. Комарова стало воздействие лагерной поэзии Валентина З/К – в нашем маленьком кружке царил самый настоящий культ этого выдающегося поэта. Во многом от Валентина З/К – упование на скорое освобождение России, на последний **бой**...

Вместе с тем, с самого начала в стихах Виктора Комарова поражала какая-то замороженность темой Смерти: она постоянно, неотвязно – почти навязчиво – присутствует у него, возникает снова и снова в разных вариациях. Это и ощущение близости своего конца, – совершенно ясное предощущение, которому никто из нас не хотел верить: он был молод, здоров, красив, под конец – влюблён и счастлив. Это – и обострённое восприятие той атмосферы Смерти, которая в Мордовии буквально окружала нас со всех сторон – уже по воспоминаниям о том, что здесь творилось раньше. В нашей лагерной зоне мы жили – как на могильном холме, и бывали случаи, когда при земельных работах „нечаянно“ раскапывали людские кости и черепа... Отсюда – тема могил. И – по всему свету, по всему миру – **русских** могил. Это „наваждение“ питалось, отчасти, и чтением книги Н. Ф. Фёдорова „Философия общего дела“, которая у нас была.

Наконец, – и это особенно важно – **лермотовский**, только страшно осовремененный – мотив потерянного поколения. Об этом – постоянная поэтическая д у м а Виктора Комарова. Здесь, видимо, надо искать разгадку и его преждевременной смерти...

Е. Вагин

Виктор Комаров

ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

Может, завтрашний звон
Замороженной рельсовой стали
Не дойдёт до меня,
Не добудится дошлый надзор.
Что его тормошить?
Кто-то крикнет: чего вы пристали,
Иль не видите – мёртв.
Если так – то другой разговор.

Не минутный наплыв, –
По ночам мне невысказанно трудно.
Боль корёжит и рвёт,
Задыхаюсь, пугаюсь, кручусь...
Кто-то рядом стоит,
Дышит холодом, запахом трупным.
Забываюсь во сне,
Наплывают виденья, кричу.

И, поверьте, друзья,
Это – правда, тяжёлая правда.
Что скрывать, не жилец,
Скоро двину в последний этап.
Не фальшивьте, прошу,
Ни к чему ваша бодрость, бравада.
Ослабевшей рукой
Я листаю, листаю лета...

* * *

В непроглядный туман
Годы тихим ушли караваном,
И бесплодные дни,
Словно груз, унесли на борту.
И поныне плывут
Бесконечным, пустым океаном
И садятся на мель,
В неземном исчезают порту.

Не для них маяки
На высоких утёсах и скалах,
Их обходят шторма,
Даже чайки вослед не кричат.
Потолком облака.
Солнце светом своим не ласкало.
Их никто никогда
На причалы не выйдет встречать.

И плывут и плывут
По безмолвным туманным дорогам
Караваны-года,
Исчезая бесследно в пустынь...
Караваны мои,
У меня вас осталось немного!
Мне мучительно жаль
Без огней вас по свету пустить.

Вас уже не вернуть.
К берегам моим ветер не дует,
И капризная жизнь
В путь последний зовёт караван.
Неужель и ему
Ни огня, ни души не найду я?
Неужели и он
Уплывёт в непроглядный туман?

Я роскошных квартир
Не знавал, и не строил уюта,

Полуголод прошёл,
И паршивую липкую мглу.
Где-то я проморгал,
Сам себя - паутиной опутал.
На каком рубеже?
Разобраться, понять не могу.

Тяжело признавать,
Был по паспорту русским... и только.
И послушно жевал
Чёрствый хлеб... идей.
И во рту до сих пор
От оставшихся крошек мне горько,
Хоть потом полоскал
Его в чистой-пречистой воде.

Я вас очень прошу,
Братя русского, сильного мира,
Белоликая мать,
Белорукие сёстры мои:
Пусть не будет чужой
Моя мрачная, горькая Лира,
Песня смерти и зон,
Песня чёрной советской тюрьмы.

Заглушите эфир,
Ритмы джазов, чиханья моторов,
В полуночном часу,
Когда стихнет бестекстовый гимн.
Вы услышите песнь
Миллионноголосого хора,
Вылетает она
Из глубоких, холодных могил.

То поют мертвецы.
О вождах исполняют кантаты.
Дирижирует Смерть,
Поднимаясь привычно за пульт.

И гудят голоса,
Сбросив с горла гнилые канаты,
Из проваленных ртов
Высыпаются ворохи пуль.

Вдруг заплачут они,
И надолго-надолго умолкнут,
То опять запоют,
Тёмноротые, наши, певцы.
Заглушите эфир,
Распахните широкие окна, -
Правда лет к вам летит,
Никогда не солгут мертвецы.

И ещё вас прошу:
На крутящийся глобус взгляните,
Отыщите на нём
Мутный Нил и далёкий Сидней.
Задержите глаза
На Канаде, на финском граните,
Засветите огни -
Пусть немного вам станет видней.

Вы увидите их...
Чьи тела не на родине сгнили,
Не хватило на них
Трёх аршинов на отчих полях.
С православным крестом
Наши, русские холмы-могилы...
На погостах чужих
Православный покоится прах.

И горячий песок
Обожжённых пустынь, и саванны,
У банановых рощ,
У далёкого озера Чад,
У бамбуковых стен
Спят могилы с крестом православным.

Посмотрите на них –
Разве эти могилы молчат?

Нет! Кричат, чтобы вы
Белой гвардии знамя взметнули!
Озираясь, не шли б
По обочинам русских дорог.
С вами Русь! С вами Бог!
Неужель запугали вас пули?
Сохраните Её,
Соберите Ей полный оброк.

Разве шутки шутить
Вылетали свинцовые граммы?
Не пора ли взглянуть
На Россию открыто, в упор?
На курганы могил,
На немые распятые храмы,
И на время, что нам
Вышивает кровавый узор.

Может, завтра из вас
Приготовят кровавую тюрю.
Так и будешь молчать,
Ты, могучий народ-исполин?
Неужели тебе
По душе многовёрстные тюрьмы?
Неужели туман
Горизонты твои заслонил?

* * *

Умирая, костры
Зажигает холодная осень,
Запылают леса,
Зацветёт мимолётная медь.
Неприметны одни
Вечно пышные головы сосен,

Величаво стоят,
Не страшит их нарядная Смерть.

Не осенним костром,
Не разливом берёзовой меди,
Загораться, пылать
Негасимым, надёжным огнём.
Не в нарядную Смерть,
А дорогой в бои и к победе,
Не сгибаясь, шагать
По ночам и разбуженным днём!

Но чужие огни
Уведут в лабиринты, не боле,
И в чужих зеркалах
Не покажется истинный лик.
Не безродные вы!
Не бесплодное русское поле!
Не осенним костром
Русский лес и могуч и велик!

Неужели конец?
До чего же не хочется верить!
Может, выдержу, а?
Ах, какая горячая боль...
Неужели конец?
Нет!!! Я вышибу чёрные двери!
Я же русский!!! А Русь
Скоро двинется в яростный бой!

ПАДЧЕРИЦА

Е. А. В. в день Русского Воскресения Духа.

Автор.

1.

Это было давно, с той поры не одна
Пересохла река, обнажилась до дна.

И от многих племён не осталось следа,
И под землю ушли города навсегда.

Сгнили в толще земной сотни раз черепа.
Это было давно, но как будто вчера.

Край дремучих лесов и некошенных трав,
Неоглядных небес, пышногривых дубрав,

Край младенческих душ, край бесхитростных глаз,-
Там однажды Заря негасимо зажглась!

Русь впервые Христу поклонилась, как дочь,
Как послушная дочь, откровенная дочь!

Это было давно, скоро тысяча лет.
От Зари к нам дошёл еле видимый свет.

2.

В краю, где с невыносимой горечью хлеб,
В краю, где из храмов устроили хлев.

Где подлость на подлости едет верхом,
Где свадебный пир с похоронным венком.

В краю, где глаза по дешёвой цене,
Где совесть прибита гвоздями к стене.

Где трудно понять, ты живёшь иль убит,
Где трудно простить даже мелких обид.

Где варятся дети в отцовском котле,
Но дети хитрее отцов и подлей.

Где истина вязнет в массивности туш,
Где тряпкой заткнули пробоины душ.

Где шлак выдаётся за чистый кристал –
Россия, как падчерица Христа!

29 апреля 1973 г. Лесной.

* * *

Рождество... Вот где русская тайна!
Сила мудрости, неувяданье!
Чистота наших глаз и рос!
В каждом доме у нас – Христос!

Почему же мы так очерствели?
Запугали, что ль, чёрные двери?
А мучители правят землей,
Засыпают её золой.

Человека собаками травят,
Человеком, как лошадю, правят,
Человека сажают в клеть –
Тлеть...

И свинец для него, и петли,
Топят в море и жарят в пекле.
По извилинам-лентам троп
Гонят в гроб, только в гроб, только в гроб.

Смотрит в небо, а ищет бомбы.
На душе его – пломбы, пломбы...
И в безумье, сорвав кресты,
Побросали кресты в костры.

7 Генваря 1972 год, Мордовия.

МОЛОДОСТЬ ???

То ль искалечена, то ли с рожденья хромая,
Вянет, дрожа, осыпается твой пустоцвет.
Ходит обочиной молодость наша немая,
Дням обгоняющим холодно смотрит вослед.

Ей не дано ликование горячего бега,
Первой шеренги последний и крик и бросок.
Молодость наша – отходы железного века!
Молодость наша – протёртый, крошечный песок!

Можно вскопать, истоптать, затопить без усилий,
Вылепить куклы из мягких податливых тел.
Не закричим! Навсегда языки прикусили.
Не шевельнёмся! Не сплавимся в стойком литье.

Нас червоточины точат и с тесных обочин
Трудно ступить на бегущую ленту дорог.
Чествуя чахлую молодость, охают ночи,
Пряча от мира железного века порок.

Как же случилось такое и как это стало?
Нас – миллионы – ушли в преклоненье колен.
Осень за осенью, вот уже ранняя старость,
Осень за осенью, и неминуемый тлен.

Сами гасили огонь справедливого гнева,
И, понимая, мы были не „против“, ни „за“.
В счастье земное не веря, не верили в небо.
В пыль утопили поблёкшие сливы-глаза.

И, натываясь на мёртвых, нам не было больно.
Не сожалея, не плача и не наклонясь,
Перешагнули их, словно лежащие брёвна,
И одобренье хихикало около нас.

Так, не познав ликованья горячего бега,
Сходим с обочин, язык зажимая в зубах.
Молодость наша – железного века победа!
Что же за ней? Доживанье? Обида? Кабак?

14 - 15 февраля 1972 г.

СУВЕНИР

Что клятвы ей? Что ваши излиянья?
И аханья у белого ствола.
Когда слепые, темные сознанья
Не видят света вечного сиянья.
Что клятвы ей, восторги и слова?

Для вас Россия – бани да трактиры.
Ах, самовар! Ах, Зыкина! Ах, квас!
И лезут в ваши души и квартиры
Расписанные куклы-сувениры,
Пустой макушкой схожие на вас.

Ведь чем дитя не тешилось, но только
Не думало б, не вглядывалось в мир.
И смотрят куклы с деревянных полок
На говорящий русский сувенир.

Россия - есть! Живёт, и ждёт и дышит!
Глядит на вас не с пыльного холста
Музейных стен, где мрак, толпа да мыши,
Она берёз намного, много выше.
Россия там, где Дух и Лик Христа!

И нет другой!
И быть другой не может!
Не Кремль она,
И даже не страна!
И если ей взглянуть чуть-чуть поостроже,
Как этот мир закружит, закорёжит.
Не он силен, она - пока смирна.

Ей враг - не враг, когда клокочет лава,
Земной рукой её не удержать!
Душа России неземного сплава.
Кому нужна её другая слава?
И кто спешит калек ей нарожать?

Кто, долгий час используя терпенье,
Творит Содом, не пряча злой оскал?
И вместе с квасом льётся отравленье,
Но самоваров слушает сипенье,
Как сувенир, раздутая Москва.

Мордовия, начало 70-х годов.

* * *

Мне до тебя не вырасти,
Глаза мои измучены,
Больное тело в сырости,
В душе моей излучины.

Мелькнули годы ранние
Крылами сна короткого.
Иду в своё сгорание
Дорогой поля робкого.

Не полз ужом извилистым,
А лодкой по фарватеру.
Тяжёлый путь мой, илистый,
Не белой ровной скатертью.

Глотал туман, в безверии
Молчали струны русские,
Дарили мне истерии
Огни – идеи тусклые.

С рожденья жребий крученный,
Жить в родине без Родины.
Не потому ль измученный,
Что годы мраку отданы?

В привычку боли выросли,
А дни такие серые.
Больное тело в сырости,
Глаза глядят несмелые.

Но не поддамся тлению,
Проснулись струны чуткие!
Не плыть мне по смирению
В моря пустые, жуткие.

Я не пойду в безмолвие,
Пойду дорогой древности!
Прощай, мое безволие,
И дни моей смиренности!

Но путь далёк, не вёрстами,
Его конец – неведомый.
Моя дорога – вёснами,
С потерями, с победами.

И час безумства жгучего,
Под звон струны тоскующей,
Дороже года скучного,
Милей любви воркующей.

Но до тебя не вырасти, –
А вдруг в пути запутаюсь?
Во что тогда закутаюсь,
От холода и сырости?

Мордовия, где-то в самом начале 70-х...

Я – РАБ ЕЁ

Иначе, Е. А., и думать не могу.

Я – раб Её!
И лишь Её.
Не белый цвет,
Я – черный корень.

И не отважусь
С нею вровень
Лепить и класть
Своё жильё.

И пусть вода
Бежит ко мне,
С Её ствола,
С ветвей стекая:

Я воду пью,
Она – святая,
И разрастаюсь
В глубине.

Я – раб Её!
И не томлюсь.
Пласты земные
Не тревожу,

И, если надо,
Ум стреножу,
К Её цветам
Не прикоснусь.

Не прикоснусь!
Не оборву
Ни чистоту
Небесной ткани,

Ни высоту,
Ни святость тайны,
И даже
Низкую траву!

Сберечь в себе
Её исток.
И только труд,
Земной и долгий,

И мысль всечастная
О долге,
Любви
Пронизывающий ток.

Благословишь...
И лишь тогда
Осмелюсь
Выпустить побеги,

Не относя
К своей победе
Плоды
Насущного труда.

И мирный заступ,
И копье.
Не воспаление,
Не тленье.

Одно приемлю -
П р е к л о н е н ь е.
Я - раб Её...
Я - раб Её!

13. 11. 1971.

А. Михальченков.

Русское Православие и проблемы сегодняшнего дня

Отзвонили колокола, славившие великий юбилей святого крещения Руси. Мы переступили незримую черту времени, за которой нас ожидает новый православный век. И вместе с этим шагом мы перенесём в новое время память о нашей десятивековой истории, наш общенациональный опыт, рожденный во славе великих побед и в горечи тяжелых поражений. Мы захватим с собой в долгий путь к совершенству многое из того, что подарила нам наша родина. Но самое главное из всего накопленного – мы сами. Ибо, живущие сегодня в лоне святой Церкви являются подлинными наследниками и носителями великих духовных ценностей прошедших тысячи лет русского православия, всех ценностей, что будут переданы русскому народу завтрашнего дня в Церкви.

Какими мы вступаем в новый православный век? Как встретим мы третье тысячелетие со дня Рождества Спасителя нашего Иисуса Христа?

Эти вопросы не могут не волновать сегодня православных христиан от епископа до скромного инока, от благочестивого прихожанина до опустившегося и погрязшего в грехах отщепенца, горько переживающего свою разлуку с Богом.

Ныне, в дни серьезных перемен, потрясающих наше отечество, появилась насущная необходимость обратиться к той части русского народа, которая сохранила верность христианству и веру в своих великих, легендарных предков. Обратиться со словом предостережения, пожеланием дара Духа Святого. Как бы мы не ошиблись, отбирая зерна истины от плевел лжи.

История массового безбожия русского слишком хорошо известна всему православному миру. Она коротка по сравнению с историей общечеловеческой, но именно за короткий период, ужасный по количеству свершенных против христиан преступлений и гонений, врагам Церкви и Господа нашего удалось расколоть, казавшийся неодолимым, духовный монолит русской веры, удалось воспитать из многих вчерашних чад Церкви Иванов, не помнящих родства.

Нет смысла анализировать причины происшедшего. Это уже достаточно грамотно и профессионально сделано давно. Сегодня задача заключается в другом. Сегодня необходимо обратиться к верным, предупредить стоящих в преддверье храма, что в нынешнее, тревожное для судеб всего мира время, мы обязаны уберечь братьев во Христе от ложного умиротворения и ленивого благодушия перед лицом наших извечных врагов...

Раздавленному политически и национально, забитому, запуганному и обманутому народу России, наконец позволили, чуть отпустив туго затянутый узел коммунистической удавки, немного вздохнуть и высказаться „на злобу дня“. Что же тут началось?! Продолжатели дела бессмертного Ленина не подозревали сколь много жёлчи накопилось у так называемого советского народа и сколь далёким от коммунистических идеалов он оказался. Отдельные вопли слились в общенациональный рёв, требующий правды и справедливости.

Испугал ли он власть предрежущих? Вероятно, не очень. Ведь идея перестройки была милостью, спущенной нации сверху. За зубчатой кремлёвской стеной, видимо, успели приготовиться, хорошо рассчитали риск,

отводя умелой рукою накренившийся, от множества пробоин, советский корабль в тихую гавань для ремонта.

„Хлеба и зрелищ!“ – скандировали плебеи древнего Рима. Увы, эти слова голодные и угнетённые люди часто кричат в периоды изменений политического климата той или иной державы. И тот правитель, которому удаётся накормить и оболванить толпу, получает необходимую передышку, чтобы накопить силы для будущей, еще более жестокой, тирании.

Хотя с хлебом и другими продуктами в России до сих пор дело обстоит катастрофически, зрелищами народ завалили, что называется, девятым валом. Всё, что поносились и запрещалось в стране совсем недавно, ныне навалилось на её население со всех сторон. Газеты и журналы, радио и телевидение оглушили разрозненностью суждений и набором решений любого рода вопросов и проблем. На улицах появились бойкие кооператоры, этакие современные коробейники, жадно потянувшиеся к тощей советской зарплате. Какофонии многочисленных подражателей-неудачников западной рок-музыки, напомнили населению о давно забытых шабашах ведьм. Одним из показателей нового мышления, и вообще вседозволенности, стало телевидение. Чего только не узришь! Документальный фильм о восстановлении женского монастыря, сопровождаемый репортажем о парижском конкурсе исподнего белья! Перечисление всего заняло бы слишком много места. Проще сказать словами – не к ночи будь помянутым – Иосифа Виссарионовича Сталина: „Жить стало лучше, жить стало веселее“.

И такое буйное веселье обрушилось на страну советов, что недавно прокатившаяся волна национальной резни в некоторых регионах, встречена была многими, как досадная издержка на пути к гласности. Наряду с этим, из уст, уходящего в мир иной, поколения партийцев-пенсione-ров, раздались призывы прекратить вакханалию демократизации, навести старый железный порядок. Но им быстро заткнули рот всеобщим ликованием захмелевшего от свободы народа, а вернее, городского жителя, ибо наи-

большее количество бездельников, как известно, проживает в городах. Русская деревня лишь смутно заворчала, заохала и продолжает из последних сил кормить строителей нового мира...

В этот период Русская Православная Церковь отпраздновала тысячелетний юбилей. Повсеместно замелькали лица членов Святейшего Синода, самого патриарха и скромных служителей Божиих. Этот выход Русской Церкви из социального небытия нашел самый горячий отклик в интеллигенции, то есть у представителей той части общества, которая в своей многочисленности предала Церковь накануне 17-го года.

Свобода мнений! Так дайте же высказаться и Церкви. У неё накопилось множество проблем. С таким девизом наиболее ретивые ринулись в храмы, призывали епископов откликнуться на происходящие в стране перемены и выторговать у властей себе и Церкви некоторые права. К удивлению многих, Церковь в первый момент промолчала. Затем, как бы извиняясь за свою вольность, стала просить устами своих архипастырей у Михаила Сергеевича Горбачева послаблений и изменения того сурового к себе отношения, которое создалось в период сталинского правления, столь осуждаемого ныне в стране. Горбачев пообещал. Председатель же Совета по делам религий Харчев недвусмысленно дал понять узкому кругу общественности, что, дескать, раз не удалось уничтожить это явление – то есть, религию – её необходимо использовать в целях укрепления строя, реабилитации его в глазах цивилизованного мира.

Празднование Крещения Руси прошло под знаком полного единения Церкви и безбожного правительства. Это выражалось, в частности, в том, что главные торжества, – службы в патриаршем Богоявленском соборе, в Троице Сергиевой лавре и в Даниловом монастыре – могли посетить лишь высшие служители Церкви, иностранные гости и коммунистические партийные лидеры. А, ждавшая с нетерпением этих дней, верная русская паства оказалась за стеной милицейских кордонов, вынужденная молиться,

разве что, на спины милицейского оцепления.

Подобное прискорбное положение не обескуражило некоторых наших собратьев по вере. В городах и весях стали создаваться группы христиан, ставивших в современных условиях гласности, перед собой весьма благородные задачи: укрепление приходской жизни, развитие религиозного просвещения, миссионерскую деятельность и многое из того, от чего ещё вчера отреклись наши пасторы и что немедленно пресекалось властями.

Но вот что характерно: всё это в рамках неформальных объединений. А в последнее время появилось ещё одно – Русская Православная Церковь и перестройка. Оно, ещё не приступив к деятельности, изначально декларирует свою преданность советскому строю, полную аполитичность и чистую, лишённую какой-либо антисоветскости, „народность“. Лидеры новоявленной группы заявляют, что их деятельность будет лишним подтверждением тех позитивных перемен, которые происходят в нашем обществе и послужит делу укрепления духовно-нравственного воспитания всего советского народа и социалистической родины, то есть подтвердит положение о тесной общности верующих и атеистов в деле строительства коммунистического завтра нашей страны.

Слава Богу, так думают не все. Есть ещё на Руси люди, воспринимающие власть предрежащих волками в овечьих шкурах. Но даже те, кто сегодня, стремясь достичь успеха на ниве религиозного строительства, призывают нас к так называемому сплочению и диалогу, даже они, в доверительных беседах признают, что открытый протест будет немедленно подавлен, несмотря ни на какую перестройку.

Да, путь на Голгофу полон страданиями. Но, ведь именно в этом и была высшая цель христианства. Нам нужно до конца исповедовать свою веру, ибо наши духовные отцы и деды, братья и сёстры восходили на костры, не страшились страданий, за что им вечная слава!

Если сегодня надеяться, что внезапно подобреют наши лютые враги – коммунисты, что они поступятся своими преступными принципами и позволят восторжествовать

истине, – это значит, обмануть самих себя. Если ублажать себя мыслью, что союз безбожников позволит Церкви воспрянуть и в дальнейшем освободиться от своих поработителей – значит забыть о своём долге, развалить дело церковного созидания. Тягчайшая вина перед Богом падёт на головы тех, кто сегодня протягивает руку дружбы перестроечной группе Горбачева, ибо конечная цель перестройки видна любому здравомыслящему человеку – усиление и реабилитация советского режима, продление его гнусной агонии и превращение Церкви в послушную рабыню на службе закабаления масс.

Как молния сверкает и поныне анафема нашего святого патриарха Тихона – вечная анафема сатанинской власти советов. Она не отменена канонически ни одним из позднейших церковных соборов. Грозные слова её обличения чётко указывают всем, кому дорого Православие, на самого главного врага веры. И никакие ссылки на время не могут заставить нас поверить тем, кто ныне пытается отмыть своё грязное прошлое, стремится удержаться у власти.

Нас могут спросить: значит новая война?

Да, война! Война с противником мощным и бесчеловечным. Война с использованием возможностей появившихся послаблений. Война с целью наполнить сердца наших многочисленных соотечественников евангельской вестью и вернуть их в храмы. Да, война! Нам незачем бояться, ведь с нами Бог! Да расточатся врази его!

Предстоит великая духовная брань! Любое наше церковное деяние мы обязаны соединить с благою вестью о нашем прошлом, о сегодняшнем дне, о завтрашнем. Пока существует советская власть не вырваться Московской Патриархии из цепей рабства. Поэтому нашей первостепенной задачей должна быть такая деятельность, которая сорвёт с глаз людей повязки лжи.

Поэтому неоценимую помощь, настоящий пример стойкости и пребывания в истине, являет нам Русская Православная зарубежная Церковь. Последним оплотом русской православной правды мерцает она, во всём своём вселенс-

ком рассеянии, нам – детям равноапостольного князя Владимира.

Религиозная и гражданская позиция зарубежной Церкви в современных условиях, может и должна стать, наконец-то, истинной хоругвью, под сенью которой соберутся все единомышленники и единоверцы, покинувшие духовные катакомбы России. Дабы в общей братской молитве сокрушить силою Святого Духа страшный сгусток ненависти, поразивший раковыми метастазами богоотступничества святую Русь.

Какие бы тяжелые беды ни обрушились ещё на наше великое отечество, нельзя терять веру в то, что непременно наступит день его обновления. Необходимо делами нашими, по завету апостольскому, ежедневно доказывать наше право присутствовать на том брачном пире, на который позвал нас Спаситель. А дела наши – в православном возрождении России. Чтобы перед лицом близкого грядущего антихриста, Русь засияла на пути зла чистой венчальной свечой, зажженной огнем сердец нашего народа, и светом своим озарила великий день второго пришествия Господня!

Январь 1989, Москва.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на США и Канаду

ALMANAC "VECHE"

P. O. Box 68

Flushing St.

N. Y. 11379

Tel. (718) 651-5662

Просьба оформлять, а также продлевать подписку на „Вече” для США и Канады через Генеральное Представительство, по указанному выше адресу.

В Генеральном Представительстве можно заказывать отдельные номера „Вече”

На складе Генерального Представительства имеется книга

„Художник и Россия”

По вопросам розничной продажи „Вече” в США и Канаде просим обращаться в Генеральное Представительство

От Редакции.

В атмосфере полуправды, царящей в условиях советской гласности прорываются голоса, свидетельствующие о попытках прощупать реальный путь выхода из тупика, в котором находятся народ, страна и господствующая в ней государственно-политическая система. Примером такой попытки, на наш взгляд, является опубликованная в журнале «Нева» (№ 1, 1989) статья Сергея Андреева „Структура власти и задачи общества“. Предлагаем вниманию читателей «Вече» эту статью, которую перепечатываем со значительными сокращениями.

Сергей Андреев

Структура власти и задачи общества

Из нас настолько вытравили способность думать и сомневаться, что многие истины и схемы кажутся нам незыблемыми уже в силу своего существования. Даже когда становится ясно, что схемы эти неверны, а „истины“ не отражают действительного положения дел (особенно

если речь идёт о процессах общественных), – мы, зажмурившись начинаем мелко креститься, надеясь таким образом изгнать беса сомнения, – и успешно изгоняем его.

Мы предпочитаем существовать зажмурившись и молча, потому что жизнь научила – тише едешь, дальше будешь. Эта житейская пошлость имеет и оборотную сторону: дальше едешь – тише будешь. И вот такими, общественно тихими, мы „едем“ дальше, довольствуясь кастрированным пониманием собственной роли в истории. Наше сморщенное достоинство в таком именно виде становится уже чем-то вроде национальной черты: мы – люди маленькие.

Мы прячемся от выполнения общественных деяний за профессиональной занятостью, – дескать, работаю неплохо, чего ещё нужно? Мы находим массу способов не выразить свою волю даже там где от нас этого требует закон, – на выборах любого ранга например. И не понимаем одного: настало время, когда политическая активность масс качнёт – либо не качнёт – стрелку весов, на которых сегодня находится судьба социализма. Не понимаем!.. Так уж нам удобнее.

Между тем, если считать, что перестройка тождественна революции, то давайте следовать логике и называть всё, что ей активно противостоит, контрреволюцией. Эта тёмная сила знает, что ей нужно, и уверенно опирается на баранью покорность большинства – нас с вами, дорогие сограждане! – большинства, не привыкшего самостоятельно думать, не желающего и пальцем пошевелить, либо просто не умеющего воплотить свои нужды в социальную деятельность. Для контрреволюции активность масс была бы смерти подобна; демократия для неё – гибель. Поэтому, дискредитируя начинания, которые сегодня составляют суть реформы, подрывая веру в надёжность и долговечность перемен, противники нового курса привлекают на свою сторону громадное социально-инертное большинство населения. Населения, которое в силу специфики общественного развития практически никогда не имело доступа к реальным рычагам

власти, как не имеет его и теперь. Речь идёт не о законах, а об их применении на практике.

Общественное сознание – вот один из самых мощных рычагов, с помощью которых осуществляется управление государством. Свойственно думать, что политика есть нечто от нас независящее: сидят где-то умные такие дяди и придумывают, что нам всем делать. Мы к этому настолько привыкли, что когда „умные дяди“ довели страну до развала, у граждан и мысли не возникло взять огромную часть вины на себя. Между тем народ заслуживает то правительство, которое он имеет, и не следует кивать на кого-то там в верхах: все мы хороши! Нам проще было поступиться достоинством, нежели что-то изменить. Однако именно к такой форме социальной инертности нас долгое время приучали те самые дяди – что должно явиться весьма наглядной демонстрацией скрытой мощи, которой обладает идеологическое воздействие.

Внутренняя политика – это система крупномасштабных мероприятий, затрагивающих одновременно многие сферы – прежде всего идеологию, экономику и производство. Отбросив хотя бы один из компонентов, мы получим лишь набор частных мер, не более. Политика всегда имеет вынесенную в будущее глобальную цель, касающуюся прежде всего структуры общественных отношений: либо складывается процесс, направленный на разрушение структуры, либо обратный – на её укрепление и стабилизацию. И в этих вопросах мнение большинства населения зачастую призвано сыграть решающую роль.

Поэтому наш голос, прозвучавший (хотя бы негромко) за или против тех тенденций, которые сейчас развиваются в обществе, есть явление значительное и серьезное. Поэтому наше поведение, стиль работы – отражающие, в конечном итоге, согласие или несогласие с проводимым в стране курсом (точнее, с попыткой провести этот курс) – есть помощь, либо сопротивление этой попытке. Поэтому, наконец, свобода нашего мышления и осознанный выбор представляют ту силу, которая направит перестройку по пути развития – или же утопит её в

болоте неверия, цинизма и болтовни.

Но именно, свобода мышления больше всего тревожит тех, кто прямо заинтересован в нашей куриной слепоте. Вот почему возможность обсуждения общественных проблем, выходящая за рамки общепринятых канонов, до недавнего времени сводилась на нет – под предлогом того, что народ не дорос до возможности разобраться, что же с ним, народом, происходит. Пока подобная ситуация решительнейшим образом не будет изменена, нам предоставлена возможность рыскать в потёмках, не являя из себя никакой социальной силы. Это, повторим, выгодно контрреволюции, которая знает, чем оборачивается пассивность большинства населения.

И расчёт этот верен! Мы, как и прежде предпочитаем спиваться, отвечая этим на неумение вовлечь нашу волю и разум в процесс обновления жизни. В 1987 году водки и ликероводочных изделий было выпущено на 158 миллионов декалитров меньше, чем в 1984 году, на этом государство потеряло за три года 37 миллиардов рублей. Население же ответило тем, что в одном лишь 1987 году изготовило 180 миллионов декалитров самогонки, с лихвой возместив сокращение производства алкоголя на госпредприятиях... Пьянство – скрытая оппозиция перестройке, а значит, попытки что-либо изменить наталкиваются на упругую стену всеобщего равнодушия. Здесь лишь один из многих примеров, но и он показателен.

Если не взглянуть т р е з в о на положение вещей и не увидеть, какую провокационную по сути роль играют запреты на обсуждение тех или иных явлений жизни – можно упустить из рук последний реальный шанс выправить положение, не прибегая к режиму, сходному с военной диктатурой...

Поздно искать спасения в демагогических лозунгах, защищающих честь мундира (любого мундира: ведомственного, партийного, депутатского). Только привлекая на свою сторону массы населения, для которых перестройка окажется не чем-то извне привнесённым, не навязанной „сверху“ системой отношений, но своим делом, отражаю-

щим нутрянные потребности народа, – только тогда можно ожидать, что реформа в сфере экономики и производства даст ожидаемый эффект...

Прежде всего, обратимся к экономическим критериям нашего развития. Здесь нужно констатировать неуклонное снижение за четыре последних пятилетки таких показателей, как прирост объема промышленного производства (с 50 до 14 процентов), производительность общественного труда (с 32% до 13%), снижение топливно-энергетического баланса за счёт уменьшения прироста угля и нефтепродуктов (140% в 1975 г. по отношению к 1970 г. и 110% в 1985 г. по отношению к 1980 г.) и многих других важнейших показателей. В результате интегральная цифра – валовой общественный продукт, приравненный раньше на 43% за пятилетку, стал увеличиваться всего на 15%, а национальный доход, естественным образом повторяя эту динамику, упал в своём приросте с 45% до 16%. Но и эти цифры оказываются „лукавыми“, поскольку, если вычесть валютные поступления от продажи нефти, а также выручку от алкоголя, которым накачивали страну, превращая людей в толпу недееспособных, – за вычетом этих поступлений мы вообще не имеем абсолютного прироста национального дохода!

Итак, мы имеем явный упадок – близкий к критическому – в экономико-производственной сфере. Упадок этот обусловлен (в качестве одной из первопричин) тем, что у нас нет... базовой теории экономического развития на перспективу!..

Но дело не столько в отсутствии перспективной программной линии. Вопрос заключается в том, почему даже те мероприятия, которые можно было бы отнести к первоочередным, очевидным и принятым уже к исполнению, – почему даже эти меры с такой катастрофической медлительностью и половинчатостью прокладывают себе дорогу в жизнь?

Казалось бы, ясно: прибыль должна стать основой для деятельности предприятий; зарплату на всех уровнях следует связать с конечным продуктом; система госзаказов

призвана обеспечить сочетание маневренности и гарантированности выполнения производственных заданий по основным видам продукции... Действуйте!

Между тем выясняется, что те объединения и предприятия – а их было около двух с половиной тысяч, – которые в 1987 году в порядке пробы работали в условиях полного хозрасчёта и самофинансирования, точно так же, как и прочие, „нормальные“, недовыполнили план по реализации продукции (нельзя же считать серьезной разницу между теми и этими в 0,4%!). В целом это означало для экспериментаторов недополучение 400 миллионов рублей накоплений. Можно списать неудачу на то, что, являясь островками в море бесхозяйственности, предприятия в условиях хозрасчёта не смогли в полной мере раскрыть свой потенциал. Однако нужно только помнить, что к ним было приковано внимание верхних органов власти, – а это в некотором смысле компенсировало накладки, связанные с общими народнохозяйственными диспропорциями.

Выходит, с хозрасчётом что-то не так. Что именно – обнаружить нетрудно, особенно теперь, когда огромное количество предприятий начало работать в новых условиях. Дело в том, что произнести как магическое заклинание три слова: самофинансирование, самоокупаемость, хозрасчёт, – и ждать, что „сезам“ откроется, есть попытка уйти в мир иллюзий. Чтобы схема заработала, требуется задействовать нормативные рычаги, отладить систему приоритетов и разрешить использовать любые способы для достижения народнохозяйственных целей, не запрещенных Законом о государственных предприятиях (объединениях).

Так вот, именно на уровне запуска и отладки происходит столь существенное искажение исходных посылок, что в лучшем случае всё возвращается на круги своя, к славным временам застоя. В худшем – хозрасчёт выворачивают наизнанку, делая невыгодным для трудящихся и предприятий то, что выгодно государству, – и наоборот: выгодным для себя – невыгодное обществу.

Маленькое лирическое отступление. В журнале «Урал» №1 за 1988 год автором этих строк была опубликована развернутая статья, на которую по ходу дела придётся несколько раз сослаться. В этой статье, в частности, прослеживается гибель трёх крупных народнохозяйственных реформ, осуществлявшихся в 1957-м, 1965-м и 1979 годах. Так вот, „валовые“ показатели, вытесняющие прибыль, рентабельность и прочие „буржуазные штучки“, способны развалить (такой каламбур здесь будет уместен) любые правительственные попытки вывести страну на интенсивный путь развития. Как правило, развал сопровождается созданием эдакого благотворительного фонда в помощь слаборазвитым хозяйствам, чтобы, не дай бог, у хорошо работающих предприятий не появилось стимула продолжать работать хорошо. То, что во всю мощь эта механика действует и теперь – страшно...

Мы должны признать, что состояние нашей экономики – кризисное. Это означает, что её развитие, долгое время шедшее по экстенсивному пути, исчерпало свои возможности и сегодня не обеспечивает необходимых темпов производства. Более того. Народное хозяйство за три года, прошедшие после памятного апрельского Пленума ЦК КПСС, не смогло выйти на новые рельсы и не справляется с заданиями, которые верстаются уже в новых условиях, исходя из новых позиций. Кризис, таким образом, углубляется.

Нужно особо отметить, что попытки выйти из экономического тупика наталкиваются не на инерцию уже, а на явное сопротивление (которое в удобных случаях лишь приобретает форму инерции). Процессы, препятствующие перестройке экономики, в своей совокупности выглядят как хорошо организованный саботаж. Нет ни одного крупного решения в этой сфере, которое не было бы извращено на практике...

О причинах этого явления следует говорить со всей науачной определённойостью. Между тем объяснить современные процессы наука об обществе не может в силу того, что окутана стереотипами. Стереотипы эти необхо-

димо ломать, иначе мы никогда не поймём, отчего попали в кризисные условия и отчего кризис продолжает развиваться, – поскольку, хочется этого кому-нибудь, или нет, картина, которую можно наблюдать, свидетельствует: в сложившихся условиях перестройка осуществляться не может.

Здесь автору снова придётся сделать ссылку на собственные разработки, опубликованные в журнале «Урал» №1 за 1988 год, чтобы свести подробные доказательства некоторых положений к тезисам. Таких тезисов будет два. Первый звучит следующим образом: *производственно-управленческий аппарат, по численности превосходящий колхозное крестьянство, окончательно сформировался в качестве нового общественно-политического класса.* Тезис второй: *существование этого нового класса возможно лишь в условиях экстенсивного развития экономики, поскольку интенсивный путь потребует принципиально иных общественных и производственных отношений.*

Следовательно, именно зреющие интересы данного класса и являются основным тормозом на пути демократизации и технического прогресса. Учитывая, что внутренняя политика осуществляется именно управленческим аппаратом, расположенным как бы между правительством и станком, можно понять, почему все решения верховной власти выполняются лишь в той степени, в какой это выгодно новому классу. Политическая цель подобного поведения предельно ясна: если сегодня управленцы выступают от имени правительства, то завтра они станут правительством – в конечном итоге для того, чтобы получить незаработанный ими кусок общественного пирога...

Здесь самое время коснуться структуры государственной власти в СССР: для понимания всего прочего это вопрос ключевой.

Бесспорным является то, что местные Советы народных депутатов как реальная сила с политической арены выведены. Несмотря на большое количество прав, они лишены в первую очередь достаточных материальных ресурсов, необходимых для проведения той или иной поли-

тики, а во вторую – возможности оказывать влияние на деятельность крупнейших предприятий, находящихся на территории, поскольку те имеют, как правило, союзное подчинение. Конечно, на „самом верху“ Совет Министров является исполнительным органом по отношению к Верховному Совету СССР, но поскольку техническую политику осуществляет все-таки министерство, а развитие производства считается базовым условием для существования социализма в целом – никакие доводы против тех или иных ведомственных действий силы не имеют (разве что в случае явного нарушения законодательства). В остальном кто платит, тот и заказывает музыку, – деньги же всегда в руках ведомств.

Вторая сила – это партийные органы. Но партийная власть функционально настолько срослась с хозяйственной, что их уже невозможно разделить, будто сиамских близнецов (это стало своего рода притчей во языцех). Хочешь добиться, чтобы комбинату выделили больше фондов, – иди в обком! Не хватает вагонов – ступай в окружком, там помогут, – и так далее.

Но может ли быть иначе, если экономические вопросы на пятилетку решают съезды КПСС? Если Политбюро ЦК принимает постановления в основном по народно-хозяйственным проблемам? Хорошо, если речь идёт о глобальных поворотах, как было, скажем, в апреле 1985 года – с целью мобилизовать коммунистов и народ в целом на изменение всего уклада. Однако текущая работа верхнего эшелона КПСС касается зачастую таких вопросов, как строительство дачных домиков, продажа отходов производства населению и так далее. Конечно, каждую из них, как и вообще любую хозяйственную проблему можно рассматривать в качестве политической, но это и означает, что функции аппарата партии и аппарата хозяйственной власти тождественны.

Следствием такого положения является полная смена акцентов. Уже не политики диктуют производственникам, куда направить усилия, а хозяйственники-управленцы, используя партийные органы в качестве полити-

ческого рупора, диктуют обществу, как ему себя вести. Отчётность парторганов (а значит, зависимость карьеры партработников) строится целиком на экономических показателях района. Интересы управленцев из системы производства и из партийного аппарата оказываются общими; в то же время организационные структуры КПСС подчинены новому классу, поскольку (как мы выяснили) оказываются прямо зависимы от него.

Ситуация осложнена ещё и тем, что хозяйственные руководители в основном – члены партии, и кадровое переплетение, взаимопроникновение и взаимозависимость компартии и нового класса приобрело самые широкие масштабы. Срастание верхушки производственного управления, центрального аппарата партии и высшего органа народной власти заставляет ставить вопрос о полной и д е н т и ч н о с т и политики, которую проводят три эти структуры. Той политики, которую исподволь диктуют все-таки органы хозяйственного управления и которая лишь закрепляется решениями партийных и советских форумов – исходя, так сказать, из „реальности“.

Естественно, на местах повторяется картина, наиболее чётко видная в центре. Даже всевластие райкомов и обкомов, их (зачастую некомпетентное) вмешательство в производственные процессы, – даже это оказывается чрезвычайно выгодно производственно-управленческому аппарату, поскольку в самом общем плане дезорганизуется производство, загоняя его всё в те же рамки экстенсивного развития – какими бы политическими лозунгами всё ни сопровождалось. Экстенсивная экономика, как мы помним, – единственная возможная форма существования управленцев в качестве класса. Психологически же хозяйственник оправдывает свою деятельность тем, что как член партии выполнял указания партаппарата.

Вот почему реальная власть сегодня находится в руках нового класса, и, говоря о „бюрократах“ как некоей общей категории, мы в первую очередь должны иметь в виду производственно-управленческий аппарат. Его интересам оказываются подчинены и Советские органы (их заста-

вили силой), и партийные (сегодня очевидно, что их в определённом смысле наняли, подкупили за часть общего пирога, и уже завершается постепенное срастание партийных и хозяйственных интересов). Всё это в целом означает, что форма общенародного государства, когда мы сами собой управляем через посредство выборных структур, по сути дела заменена диктатурой нового класса, осуществляющего свою политику в своих собственных интересах. Интересы эти лежат в стороне от государственных, что означает: перестройка имеет все шансы закончиться крахом.

Если в упор „не видеть“ сложившуюся ситуацию; если продолжать повторять общераспространенную благостную сказочку о том, что виновата в развитии кризиса „часть аппарата“, а классовых антагонизмов у нас быть не может (имея в виду лишь крестьянство и рабочих, и отрицая возможность появления новых классов) – всё это обернётся тем же, чем обернулись реформы 1957-го, 1965-го и 1979 годов: провалом...

Анализ этот показывает, что в тех условиях, в которых сейчас проводится перестройка, ей гарантирована половинчатость и незавершенность, – то есть в конечном итоге провал и возвращение к давно дискредитировавшим себя формам жизни и работы. Это, в свою очередь, означает для людей потерю веры в возможности социализма, а в качестве следствия – гибель социализма как общественного строя.

Обозначим три главные задачи, стоящие перед государством в связи с создавшейся – крайне опасной – ситуацией. Задачи эти жёстко взаимообусловлены.

Прежде всего, следует вернуть Советам реальную власть. Это прямо связано с необходимостью расформировать производственно-управленческий аппарат в качестве класса. Непременным условием, без которого никакое движение к этим целям невозможно, является разъединение партийных и хозяйственных функций, когда политическое решение не сводилось бы к сумме производственных вопросов, а кадры производственных

управленцев не могли бы навязывать обществу выгодную только для них одних форму существования.

Определив главные задачи, попытаемся найти то звено, за которое можно вытащить всю цепь. Что означает призыв „расформировать класс“? Основываясь на совокупности признаков, выделяющих любой общественно-политический класс из общей массы, можно определить, что численность и способ присвоения не принадлежащей производственно-управленческому аппарату доли национального дохода составляют две самые уязвимые характеристические особенности данной социальной группы. Уязвимые – в том смысле, что эти признаки проще всего у класса „отнять“ – резко сократив состав управленцев и заставив их зарабатывать (а не получать в качестве прибавочной стоимости) свои деньги. „Отнять“ классобразующие признаки – и означает в политическом смысле уничтожить класс. Но как?..

Партия является той силой, которая в принципе способна осуществить подобную акцию в отношении управленческого аппарата. „В принципе“ – не означает реально. В том виде, в каком организационные структуры КПСС функционируют сегодня, они – это нужно подчеркнуть – не смогут провести и десятую часть необходимых мероприятий в данном направлении.

Давайте посмотрим, чем является партия для государства в целом. „Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая Партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу“, – говорится в статье 6-й Конституции СССР, принятой в 1977 году. Так должно быть. Однако, следуя логике, нужно – в соответствии с текстом статьи – признать, что именно партийное руководство и привело страну к экономическому кризису и моральному упадку. Перестав постепенно служить народу, а всё более выражая интересы производственно-управленческого аппарата, партийные органы политическими мерами действительно уводили общество на путь

неприемлемый.

Никаких конституционных положений, используя которые, народ мог бы поправить партийный аппарат в случае осуществления этим аппаратом неверного государственного курса, не существует. „Вооруженная марксистско-ленинским учением, коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества /.../, руководит великой созидательной деятельностью советского народа /.../“, – это из той же 6-й статьи Конституции. Между тем в статье 2 говорится: „Вся власть в СССР принадлежит народу. Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов. Все другие государственные органы подконтрольны и подотчётны Советам народных депутатов“. О партии ни слова, так же как и в Регламенте Верховного Совета СССР, принятом в 1979 году, где говорится, что Верховный Совет есть высший орган государственной власти, правомочный решать все вопросы, находящиеся в ведении Советского Союза. Совет Министров ему подчинён. Следовательно, партийное руководство поставлено как бы в качестве второй силы, наравне с Советами, но народу неподконтрольной.

Подразумевается, что марксистско-ленинское учение само по себе служит гарантией от ошибок. Но марксизм как учение предполагает полное отсутствие догматизма, предполагает изменение и внесение новых положений в связи с возникающими явлениями общественной жизни. Если этого не происходит – партия оказывается в беспомощном положении.

Развитию культа личности Сталина партия ничего противопоставить не смогла, а у народа не было возможности вмешаться. Задним числом партия признала ошибочность этого явления, водрузив через некоторое время на пьедестал Хрущёва. Сняли Хрущёва – возникла фигура Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета товарища Леонида Ильича Брежнева, которого теперь без злой иронии и не вспомнят, а девять лет назад взахлёб цитировали. Снова

задним числом партия признаёт ошибки, – но эти ошибки лучше не совершать! Между тем гарантий, что не возникнет новая личность такого рода, нет никаких – ни у народа, ни у самой партии. Устав КПСС по этому поводу безмолвствует, – кстати, никакая партия не обязана отчитываться перед беспартийными за свои действия.

Всем нам очевидно, что центральной фигурой внутренней и внешней политики является не президент страны, а Генеральный секретарь ЦК КПСС. Но Генеральный секретарь избирается узким кругом лиц, несколькими сотнями голосов. По отношению к 280 миллионам населения, чьи интересы он должен выражать, нарушается главный принцип общенародного государства – но парадокс весь в том, что происходит это в полном соответствии с Конституцией! Конституцией 1977 года, подчеркнём, – вспомнив те времена, мы убедимся, что парадокса в общем-то никакого нет...

А что у нас с теорией общественного развития, то есть с марксизмом? После многочисленных обращений со стороны политических деятелей, в том числе и М. Горбачева, к представителям общественных наук (философии, экономики, истории и так далее) с просьбами и настоятельными требованиями дать объяснение происходящих сегодня процессов, чтобы иметь обоснованную методологию для прогноза – полное молчание. За „политические ошибки“ у нас мера наказания одна (формы у неё, правда, разные) – отлучение. Учёные к этому так привыкли, что боятся рот открыть и сказать нечто новое, свое. Кто рискнёт поправить Маркса или Ленина?

Вот и получается: специалисты-обществоведы выжидают: что скажет Генеральный секретарь ЦК КПСС, чтобы попасть „в струю“ и развести его мысли в большом количестве собственной словесной воды. Между тем в Политбюро ЦК КПСС вынуждены в определенном смысле двигаться на ощупь...

Но о каких исследованиях может идти речь, если они приводят к выводу о существовании классовых противоречий в СССР, а про такие противоречия принято гово-

ритель, что их нет! Учёных можно было бы только пожалеть, если бы не вызывала презрения их гражданская (точнее, антигражданская) позиция.

Одной из актуальных разработок для обществоведов является сегодня тема взаимоотношения коммунистической партии и остального населения. Коль скоро партийный аппарат реально руководит общественной жизнью, то и подотчётна его деятельность должна быть не только партии, но и народу. Для наглядности возьмем схему принятия крупных решений в народнохозяйственной сфере. Министерства (!) верстают планы, Совмин их контролирует и утрясает, очередной съезд КПСС единогласно принимает решение планы выполнить, а Верховный Совет, тоже единогласно, утверждает это положение в качестве закона. Потом закон не выполняется: верстают и корректируют новые планы – и так далее. Не пора ли разорвать порочный круг?

Прежде всего, программа развития должна исходить от Верховного Совета: он единственный правомочен решать подобные вопросы. В рамках его решения должна искать партия пути для собственной деятельности – а не наоборот, как сегодня.

Во-вторых, конституционное право даёт органу народовластия возможность поправить, а потребуется – и одернуть лидера партии, если его деятельность приобретает неприемлемые черты. С этой точки зрения представляется недопустимым совмещение должностей генсека и Председателя Президиума Верховного Совета СССР (о совмещении на нижестоящих уровнях у нас будет особый разговор). Также наследием порочной практики брежневского времени является доминирование членов ЦК и Ревизионной комиссии ЦК в составе Верховного Совета СССР (около 40% – по данным, которые приводились в «Известиях»). Следовательно, речь идёт о поиске формы, посредством которой Советы контролировали бы действие партии в вопросах политических: картина обратная той, которую мы видим сейчас. Поскольку в Советах представлены депутаты, выдвинутые среди прочих и от пар-

тийных органов, то процесс контроля носил бы характер обоюдный и демократический.

В-третьих. Система выбора президента страны должна быть решительным образом изменена. Прямое голосование обеспечило бы возможность оценить альтернативные решения, сделать ставку на те или иные личностные качества кандидата и, главное, сняло бы с процедуры оттенок келейной закрытости, который отнимает у избирателя пресловутое „чувство хозяина“. То же относится и к выборам председателей президиумов местных Советов.

Всё это вместе плюс критика внутри партии способны изменить общий климат в стране, до сих пор омрачённый тяжёлым неверием брежневского времени и страхом – от Сталина. Какая утопия, скажет иной читатель, – у партийных вождей требуют поделиться властью! Однако вожди должны понимать – и на это понимание следует рассчитывать, – что потеря партией её авторитета в первую очередь ударит по ним самим, и для того, чтобы действительно служить авангардом, требуется гибкая, умная политика. Если сегодня не позволить народу самому управлять собой, если не помочь демократическим путем наладить этот процесс, – завтра народ возьмёт свое право силой, ломая на пути любые преграды. Не учитывать этого нельзя: время не стоит на месте, и люди уже поняли, что они могут приобрести и чего могут лишиться.

Со всей определённой следует сказать: необходим контроль беспартийного большинства над деятельностью его руководящего отряда, иначе любая демократизация окажется ущербной. Речь идёт о контроле над функциями партии, которые выходят за рамки внутривнутрипартийной работы и касаются общества в целом. Но в какой форме подобный контроль должен осуществляться?..

Здесь мы подошли к основному вопросу, ответ на который даст решение всех трёх задач, поставленных в начале данного раздела (политическое расформирование нового класса, возвращение полноты власти Советам, разъединение партийных и хозяйственных функций).

Статья 51 Конституции СССР гласит: „В соответствии с целями коммунистического строительства граждане СССР имеют право объединяться в общественные организации, способствующие развитию политической активности и самостоятельности /.../. Общественным организациям гарантируется условие для успешного выполнения ими своих уставных задач“.

В статье 7 говорится о том, что общественные организации „в соответствии со своими уставными задачами участвуют в управлении государственными и общественными делами, в решении политических, хозяйственных и социально-культурных вопросов“, и, следовательно, являются полноправными партнёрами Советов, комсомола и партии.

Статья 9 Конституции определяет: „Основным направлением развития политической системы общества является дальнейшее развитие социалистической демократии: всё более широкое участие граждан в управлении делами государства и общества /.../ повышение активности общественных организаций, /.../ постоянный учёт общественного мнения“.

Таким образом, созданы все предпосылки для того, чтобы социальные права находили всё большее выражение в реальной жизни. Но жизнь, как мы понимаем, может разойтись с декларациями: так, „сталинская Конституция“ действительно самая демократичная в мире по тем временам, не помешала террору, а Конституция 1977 года – развитию застойных и „возвратных“ тенденций. Так вот задача как раз в том и заключается, чтобы использовать гарантированные основным законом возможности и всё шире применять их на деле.

Поскольку сегодня назначение на любой пост в государственных и советских органах проходит визирование и утверждение партийными инстанциями, постольку полномочия этих инстанций являются доминирующими. Чьим интересам служит подобная система, мы уже знаем.

А теперь представим на минуту, что беспартийные граждане, обладающие выраженным государственным

интересом, объединяются в союз (или Народный Фронт). Этот Фронт ставит перед собой задачу: борьбу с бюрократизмом то есть с тем главным злом, которое разъедает любые партийные и правительственные решения. Эти граждане видят конечным смыслом своей деятельности публичную, гласную, не дозированную „сверху“ или „сбоку“, бескомпромиссную схватку с антигосударственными интересами чиновников всех мастей и рангов. Если обычно, оказавшись лицом к лицу с ведомственным (или партийным, или советским) бюрократом, мы сталкиваемся сразу с целой армией этих бюрократов, объединенных общим корпоративным интересом, и вынуждены воевать с ними в одиночку, – то союз граждан способен публично выставить на позор любого „недосягаемого“, так что тот и думать забудет о своей прежней ненаказуемости.

Более того, появляется возможность взломать чуждые обществу интересы любого клана, любой корпорации. Каким образом? Как и любая общественная организация, демократический фронт, о котором мы ведём речь, используя свое право выдвижения депутатов в Советы, вплоть до Верховного (статья 9 Закона СССР о выборах), может добиться – путём агитации среди населения в пачати, по телевидению и радио, – что именно его кандидаты займут посты в Советах разных уровней. Запретить подобную агитацию, не входя в противоречие с законом, нельзя, а программа борьбы с бюрократизмом наверняка окажется поддержана большинством населения, измученного этим злом. Здесь видится залог успешности первого шага на пути к народному контролю народной жизни.

Далее. Для Фронта возникает необходимость создания собственного печатного органа, где можно было бы открыто критиковать и высказывать конструктивные предложения по поводу проводимых в стране мероприятий. Поскольку сразу же возникает опасение, как бы подобный орган не стал центром оппозиции (оппозиции без всяких кавычек – ибо тёмных, ждущих своего часа сил в стране достаточно), следует сделать одно замеча-

ние. Мы уже привыкли к тому, что критика в нашей прессе носит зубодробительный характер только тогда, когда речь идёт о чинах малых. Министерства лишь журят, о Совмине речь в этом плане не заходит практически никогда, Генеральный секретарь ЦК КПСС является фигурой недосыгаемой и образцовой. Так продолжается уже три десятилетия, причём „вдруг“ оказывается, что министров следует снять, а кое-кого из них и расстрелять за ту „правильную“ деятельность, которую мы только что одобряли; генеральный секретарь начинает выглядеть либо волонтаристом, либо близоруким политиком, а состав партийного аппарата, функционировавшего наподобие хорошо отлаженной машины, почему-то становится необходимо полностью заменить с самого низа до самого верха. Все эти „вдруг“, эдакое массовое прозрение, настолько травмируют психику советского человека, что приход нового политического деятеля воспринимается со вполне понятным скепсисом.

Чтобы таких „вдруг“ не случалось, необходима корректировка подобных процессов со стороны общества. Оппозиция всегда существовала, так, может быть, дать ей слово – не для очернительства, а для конструктивного диалога, для аргументированной критики, – то есть слова, которого лишены, в силу прямого подчинения местных газет обкомам, многие разумные граждане, да и просто люди с совестью. Не секрет, что критика в адрес „хозяина“ на страницах многих изданий такого рода не появляется вообще. Каким же образом обком может видеть итоги своей деятельности? По реакции ЦК? Так ведь этого мало...

Предлагаемое издание должно соответствовать народной трибуне при условии, которым подразумевается: наразглашение государственной тайны, отсутствие пропаганды войны, насилия, расовой розни и порнографии. Всё остальное должно быть на полосе. Если кому-то взбредёт в голову высказать недовольство существующим порядком вещей – пусть предложит конструктивное решение, хотя бы абстрактное. Такого рода издание

должно работать на социализм в том виде, в каком социализм более всего отвечает потребностям человека. А не в том, каким он получается благодаря усилиям теоретиков и практиков сталинского или брежневского толка.

Здравый смысл народа (после некоторого ажиотажа, разумеется) вполне способен отличить очернение действительности от попытки эту действительность улучшить. Полный хозрасчёт издания такого рода гарантирует (в качестве лучшего фактора саморегуляции) – будет ли жить либо умрёт это начинание, и в конечном итоге ответит на вопрос – нужно ли оно людям...

Любая организация, в том числе и компартия, может принимать собственные уставы, но эти уставы не должны вступать в противоречие с общедемократическими принципами – иначе любой член организации может оказаться в конфликте с обществом. В этой связи хотелось бы затронуть тот раздел Устава КПСС, где говорится о взаимоотношениях партии и непартийных обществ. Одну из статей – шестьдесят первую – тут хотелось бы процитировать почти целиком.

„На съездах, конференциях, собраниях, созываемых государственными и общественными организациями, – говорится в этой статье, где без разбору смешивается в одну кучу, скажем, общество филателистов, профкомы, клубы любителей кино, трудовые коллективы, Госплан и так далее, – а также в выборных органах этих организаций, где имеется не менее трёх членов партии, организуются партийные группы. Задачей этих групп является проведение политики партии и соответствующих внепартийных организаций /.../, проверка исполнения партийных и советских директив“.

С точки зрения КПСС – всё верно: члены партии должны проводить её политику везде. С точки зрения общества филателистов – это прямое вмешательство в их дела, поскольку их собственные уставные задачи никак не связаны с Уставом КПСС. Подобное заявление может вызвать раздражение: получается, автор выступает против политики партии, которая направлена на построение ком-

мунистических отношений и так далее, в том числе и филателистами. Одну минуточку, уважаемый оппонент: автор хочет вам напомнить, куда завело не слишком обременённое сторонней критикой партийное руководство нашу экономику, народное хозяйство и экологию... Не повторим ли ошибок?..

Конечно, вопросы, связанные с партийной программой, должна определять и решать партия. Но помочь ей, в том числе там, где речь идёт о руководстве народом, подсказать и поправить – здесь уже обязанность самого народа. Вот почему столь необходимым является полнокровное участие граждан в политической жизни, хотя бы посредством объединения некоторой их части в организацию, действующую на паритетных началах с КПСС.

Предположим, такая организация, такой союз или Народный Фронт созданы. В советах трудовых коллективов на производстве; в Советах народных депутатов всех уровней; в государственных учреждениях и так далее – везде члены новой общественной организации добиваются наиболее эффективного решения производственных и общественных вопросов. Любая попытка волокиты или саботажа пресекается с помощью уже имеющихся правовых рычагов (к которым народ, однако, не особенно подпускают – мы уже вели речь кто и почему). Теперь народ берёт эти рычаги, используя методы выборов в профсоюзы, действуя через народных депутатов, реализуя права трудовых коллективов и тому подобное. Демократическая общественность, чью волю выражает фронт, является независимой силой, и первой задачей её стоит проведение в жизнь принципов, выдвинутых Конституцией. То есть речь идёт о решительном стимулировании КПСС для участия в общественной жизни, коль скоро иные методы дают здесь пробуксовку.

В этой ситуации никакое декларативное, авторитарное вмешательство, выходящее за рамки дозволенного законом, становится невозможным. Перед министром, отдающим распоряжение в привычно-командном тоне, даже коллектив завода может оказаться беспомощным. В то же

время такая организация, как отраслевой филиал союза беспартийных, способна попросту затаскать министра по судам, добиться его наказания за превышение власти, сама не будучи от него зависима ни в чём.

Директор совхоза, получив из райкома партии разнарядку на поставку такой-то продукции, особенно теперь, в условиях хозрасчёта, не станет „брать под козырёк“ (опасаясь за свой партбилет), а оглянется на организацию беспартийных, которая, в случае неувязки подобного решения с возможностями промышленного производства, способна выступить против необоснованного волюнтаризма партийных работников. Значит у нас появится гарантия, что кукурузу вместо хлеба сажать не станут.

Каждый из нас даже искренне желая осуществить свое право участвовать в управлении, обречён на беспомощность перед лицом гвардии бюрократов. Больше того, мы не умеем использовать имеющиеся законодательные положения, чтобы такое право реализовать. Вот почему именно союзы (или ассоциации) граждан, а не отдельные индивидуумы призваны сегодня сыграть решающую роль в развитии страны.

Какие преимущества открываются в этом случае перед КПСС и какие трудности ей предстоят?

В первую очередь перед партией встаёт вопрос об изменениях методов работы...

Окажись КПСС перед необходимостью не декларативно навязывать свою волю, но что-то доказывать людям сегодня – на первых этапах, безусловно, выявилась бы некоторая её неспособность к подобной форме общения с массами. Такое положение заставит партию (в силу сохранения жизнеспособности), во-первых, отбросить многие теоретические догматы, тяготеющие над ней ещё со сталинских времён; во-вторых, очиститься от всевозможных прилипал, для которых власть является предметом вожделения; в-третьих и в главных, разорвать свои интересы с интересами производственно-управленческого аппарата. Для партийных органов станут невозможными

попытки прямого вмешательства в дела производства (такое вмешательство чревато будет в первую очередь потерей авторитета), – хотя произойдет это не прямо и не сразу.

Главная задача в данном вопросе – сделать реальностью заложенный в партии коммунистов потенциал, который сегодня реализуется далеко не полностью.

Естественно, сама постановка вопроса – поделиться с народом властью – должна вызвать бешенство у многих партийных деятелей, десятилетиями воспитываемых в убеждении, что не КПСС служит народу, а народ служит партии...

Партийные органы не тождественны партии в целом, и можно надеяться, что высказанные мысли найдут поддержку у рядовых коммунистов. Когда партия должна будет не приказывать, но давать рекомендации, тогда встанет вопрос об отражении в её политике действительных нужд и чаяний народа. Выполнение рекомендаций станет людям выгодно – выгодно во всех смыслах – лишь при условии, что выбранный партией курс окажется правильным. Авторитет партии от умения найти такой курс только возрастет...

В «Аргументах и фактах» № 10 за 1988 год опубликованы рассуждения доктора исторических наук Ю. Малова на предмет многопартийности в странах социализма, в том числе и в СССР. Он как верующий от антихриста отрешивается от возможности создания в нашей стране иных партий, кроме КПСС, хотя пишет, что „в принципе /.../ социализм не отвергает такой возможности“. В буржуазных республиках – там, якобы, многопартийность имеет предпосылки: они – „в существовании противоположных по своим целям и интересам общественных классов“. Неясно только, как объяснить существование таких четырех партий в ГДР, как Либерально-демократическая, Христианско-демократическая, Крестьянская и Национально-демократическая? Там-то вроде классовых антагонизмов нет...

Впрочем, для автора это не помеха, он заявляет: „Иное

дело при социализме, свободном от политических антагонизмов и классовой вражды. Здесь нет таких классов или социальных групп, которые были бы заинтересованы в проведении какой-то альтернативной политики, принципиально отличной от той, которую проводит Коммунистическая партия“.

Выходит, коммунисты сами по себе повели нас в тупик, из которого мы сегодня дружно ищем выхода? Одно из двух: или придётся признать, что неверны установки компартии, или – что мы наблюдаем деятельность той самой, незаметной для Ю. Малова, альтернативной силы, – нового общественного класса. Что ставит на повестку дня вопрос о том, кому сегодня служит КПСС: народу или этому классу? Впрочем, адресуем этот вопрос самому Ю. Малову.

Что касается изложенного в нашей статье материала, то можно быть абсолютно уверенным, что найдётся огромное множество желающих подвергнуть его, как это принято называть, „разгромной критике“ – поскольку концепция автора, будучи реализована, затрагивает интересы огромного числа „аппаратчиков“ разных профилей и рангов. Нужно учитывать также, что те, кто связан с проведением политики застоя, не смогут реагировать на неё иначе, чем с раздражением.

Однако следует обратиться здесь к тому положению Конституции, где говорится о необходимости развивать демократию, постоянно расширяя учёт общественного мнения. Поэтому я, *Андреев Сергей Юрьевич*, автор данной публикации, *предлагаю вынести на всенародное обсуждение вопрос о необходимости объединения активной, сознательной, желающей быстрее и наиболее полного развития социализма части трудящихся в Общенародный фронт – для борьбы с бюрократическими явлениями во всех сферах нашей жизни*. Вынести такой вопрос на обсуждение – с целью определить отношение народа и его желание пойти на подобный шаг.

Но это далеко не всё: нужно будет идти дальше. Национальная программа борьбы с бюрократизмом, пос-

тавленная как один из важнейших пунктов деятельности предполагаемого автором Общенародного фронта, требует серьезного осмысления роли каждой социальной группы в общем движении. Чтобы не „заболтать“ дело, необходимо опираться на конкретные, выраженные и в политическом, и в экономическом смысле интересы определённого слоя лиц. Интересы, на сегодняшний день ущемляемые, но которые могли бы оказаться реализованными только после того, как окажется сломан хребет у бюрократизма.

Нам нужно привыкать к мысли, что процесс деятельности различных организаций – это нормальное явление жизни демократического общества. Более того, мы должны осознать, что если над государством нависает опасность резкого отхода от ленинских норм (в любой форме), может возникнуть и настоятельная необходимость создания новой, позитивно направленной политической силы – силы, которую иначе, как в форме партийной деятельности реализовать невозможно. В том числе подобная мера может оказаться необходимой и для того, чтобы уберечь коммунистов от необоснованных репрессий, поскольку история учит: начать могут именно с них...

Таким образом, имеет смысл сегодня говорить о необходимости сплочения и самовыражения больших социальных групп для того, чтобы решать в демократических формах социальные, хозяйственные и многие другие вопросы. Это необходимо также потому, что с бюрократизмом невозможно бороться иначе, нежели путём коллективного, организованного натиска по всему фронту. С целью – это необходимо подчеркнуть – перевода управленцев в категорию нанимаемых производством служащих, получающих по труду – в зависимости от того как сработали отрасль или предприятие, что, безусловно, невозможно без самой отчаянной борьбы. Кто выйдет из неё победителем – зависит от степени организованности трудящихся. Вот почему нельзя упускать из виду (и тем более на корню отвергать возможность) многоаспектного

политического давления на бюрократию с помощью разного рода инициативных организаций, в том числе и политических партий, действующих на паритетных началах с КПСС. В необходимости борьбы с бюрократией сегодня видится одна из важнейших предпосылок для возможности создания таких партий в будущем.

...Прочность цепи определяется самым слабым её звеном. Как и любую иную систему, социализм в его современной форме можно представить в виде такой цепи, где взаимосвязаны оказываются экономические, производственные и политические категории. Без всякого сомнения, именно политическая сфера и является наиболее слабым звеном, поскольку с одной стороны, отсутствует реальное народовластие, а с другой – находятся в кричащем противоречии производительные силы и производственные отношения. Всё это вместе имеет общую причину: диктат нового класса по отношению к обществу в целом. Фактическая зависимость выборных органов в партии и Советах народных депутатов от назначаемого и самовоспроизводящегося аппарата, и срастание интересов этого аппарата, в свою очередь, с интересами органов хозяйственного управления, – вот в схематичном виде тот механизм, с помощью которого до самого недавнего времени новый класс осуществлял свою политику.

Такую порочную схему взаимоотношений между управлениями и обществом можно разрушить по-разному. На вопрос, сможет ли партия, справившись с собственными трудностями, еще и противостоять расширяющейся экспансии производственно-управленческого класса, – и более того, разрушить его именно как политическую силу, как класс, – в нынешних условиях однозначного ответа быть не может. Автором этих строк предложена форма сосуществования и взаимопомощи КПСС и паритетных, то есть равноправных с ней, крупных общественных организаций. Такие организации первоначально могли бы объединить, предположим, крестьянство (с целью быстрого разрешения конкретных проблем в сельском хозяйстве и устранения неравенства в соци-

альной сфере между городом и деревней); рабочих (для внедрения повсеместно прогрессивных методов труда и экономического стимулирования, а также улучшения условий жизни именно рабочего класса); интеллигенции (чьи разнородные интересы могут успешнее реализоваться благодаря объединенным усилиям). Профсоюзы имеют узко-отраслевую структуру; предлагаемые же организации интегрировали бы классовые интересы. Выполняя экономические и социальные задачи, они всё больше брали бы на себя и функции политические.

Даже не будучи партиями, организации трудящихся должны иметь возможность контролировать ситуацию, непосредственно касающуюся финансового и правового положения, выдвигать своих депутатов в Советы, обоснованно критиковать действия любых должностных лиц, в том числе и членов КПСС, – словом, обладать достаточной силой для того, чтобы влиять на ход событий. Подобное возможно лишь в условиях объединения усилий, и никогда – если трудящиеся разрознены.

Какой же путь выбрала коммунистическая партия в решении важнейших проблем? На эти вопросы исчерпывающе отвечают материалы XIX партийной конференции, опубликованные центральной прессой с 29 июня по 4 июля 1988 года. Остановимся на них подробнее.

Прежде всего, – и во вступительном докладе М. Горбачева, и в выступлениях большого количества делегатов отмечалось, что за три года, прошедшие после апрельского пленума ЦК, положение дел в экономике изменилось незначительно. /.../ Можно видеть, что конференция отнюдь не закрыла глаза на существующее положение дел. Экономическая реформа во многом буксует с самого начала. – такой вывод, прозвучавший и в докладе М. Горбачева, и в резолюции, много значит.

Ещё одним положительным элементом анализа обстановки явилось то, что была признана фактическая зависимость, в которой находятся партийные органы по отношению к органам хозяйственного управления. Даже в ЦК из-за этого принимают половинчатые, а иногда и оши-

бочные решения, констатировал генеральный секретарь, – из чего видно: давление со стороны производственно-управленческого аппарата нарастает.

Были намечены три основных пути. Прежде всего, планируется изменить структуру и функции отделов партийных органов, вплоть до ЦК, проводя организацию их по новому принципу, исходя из новых – идеологических задач. Второе: назрело изменение структуры Советов, приоритет выборных органов по отношению к аппарату, наделение этих органов финансовой властью.

И, наконец, последнее: конференцией выдвинута идея совмещения должности первого секретаря парторганизации соответствующего масштаба (райком, обком) с постом председателя местного Совета народных депутатов.

Прежде чем переходить к предметной оценке этих предложений, хотелось бы с полной определённой подчеркнуть: от помощи каких-либо параллельно существующих организаций КПСС решительно отказалась...

Генсек М. Горбачев в докладе, который открыл конференцию, высказался, с одной стороны, в том плане, что нужно укрепить статус различных общественных организаций и самостоятельных объединений, поскольку нужен механизм сопоставления различных точек зрения и взглядов. Это предполагается укрепить в соответствующем новом законе. Однако совершенно непонятно, каким образом приведенные слова сочетаются с высказанным ранее тезисом: демократию кое-кто может использовать в антидемократических целях, а именно: „от перестройки границ до создания оппозиционных партий“ (раздел 2 доклада). Перестройка границ – это, конечно же, прямое предательство интересов народа; данный вопрос находится в ведении Верховного Совета СССР и решается только им. А вот создание новых партий в условиях, как это принято говорить, „исторически сложившейся однопартийной системы“ – это уже нормальный вопрос нормальной демократии, и запрещать ставить его в принципе – значит, в принципе запрещать демократию. У нас многое сложилось „исторически“, в том числе и административно-

командный стиль, который сейчас ломает сама же партия во главе с М. Горбачевым. Поэтому ссылки на историю иногда играют против тех, кто к ним прибегает.

Общий тон, однако, на конференции был задан именно головным докладом. Судя по опубликованным выступлениям, против помощи со стороны общественных организаций высказались, в основном, работники партийного аппарата...

Функцию критики „со стороны“ XIX партконференция вновь доверила... печати. При этом предложение о том, чтобы газета «Правда» стала органом КПСС, а не ЦК, не прошло, так же как и предложение, выдвинутое М. Ульяновым, о подчинении печати не местным партийным органам, а съездам партии. Всё вместе это означает, что гласность вполне может оказаться усечена в той степени, в какой это потребуется верхнему эшелону власти, и гарантии обратного пока нет. Готовится закон о печати, – но уже сегодня ясно, что реальное его воплощение будет чрезвычайно осложнено и, возможно, превращено в очередную профанацию.

Главный расчёт XIX партийная конференция сделала на то, что партия сумеет очиститься с а м о с т о я т е л ь н о, путем введения норм внутренней демократии и изменения своей структуры. Безусловно, в данном направлении сделаны решительные шаги, по-настоящему революционные. Возрождение партийного контроля, ограничение пребывания на посту двумя сроками (правда, лишь со следующего), новая система выборов в „первичках“, отмена разнарядок, ориентация на идеологическую сферу деятельности и так далее, – всё это, безусловно, способно превратить партию в жизнеспособную, авторитетную организацию, действующую на новых принципах. При одном маленьком условии: если всё это будет выполнено. В этой связи следует вернуться к вопросу о том, что означает разделение функций партийных и Советских органов „вообще“ и слияние их на уровне Советов, вплоть до Верховного – как это предложено конференцией.

Прежде всего это означает, что перед хозяйственным

аппаратом оказывается действенная, полномочная и независимая от него сила: партийно-советские органы. С такой платформы вести наступление на классовые интересы производственного управления можно в чрезвычайно эффективном режиме. Имеется возможность вообще поставить хозяйственную власть в зависимость от результатов работы отраслей, предприятий и так далее, как в общем виде предлагается конференцией. Тем самым можно достаточно быстро (фактор времени сегодня – важнейший политический аргумент!) поставить вопрос о качественно новых производственных отношениях, и как следствие – быстро наполнить рынок товарами, в том числе продуктами сельского хозяйства.

С другой стороны, выдвижение на пост председателя Совета исключительно партруботника местного масштаба, в качестве долгосрочной меры способно начисто отбить у избирателей возрождающееся в последнее время чувство хозяина страны. Тем более, что процесс сокращения партаппарата на местах обязательно будет сопровождаться переходом части партийных функционеров (возможно, значительной части) в органы Соввласти. Стоит только рядовому труженику обнаружить профанацию идеи о демократическом контроле за партийным лидером, заложенной в сердцевину слияния низовых партийных и советских органов, – в лучшем случае, начнётся всеобщая апатия. В худшем – ситуацией воспользуются те, кому выгодно будет одним ударом разделаться и с авторитетом КПСС, и с Советами. Сделать такой ход в складывающейся обстановке окажется нетрудно.

Вот почему в качестве долгосрочной меры политика „объединения для размежевания“ (так в восторженном запале высказался о практике выборов первых секретарей обкомов и райкомов на должность председателей Советов В. Бакатин, 1-й секретарь Кемеровского обкома) – такая политика массами ни понята, ни принята скорее всего не будет. У народа отнимают фактическое право решать, кого он считает достойным избранником, а вместо этого в декларативном порядке вменяют в обязан-

ность голосовать за аппаратчика, – вот как можно всё происходящее интерпретировать. Мысль о том, что в „идеальном“ варианте новая система выборов ставит партийных работников под контроль народа, неизбежно влечёт следующее: любое искажение „идеального“ моментально делает предлагаемую практику порочной в целом. Особенно остро вопрос ставится о слиянии в одном лице Председателя Президиума Верховного Совета – и Генерального секретаря ЦК КПСС. Вся история нашего общества учит, что чрезмерная концентрация власти приводит к ущемлению демократии: Сталин, Хрущев, Брежнев... Личность первой фигуры здесь роли не играет, срabатывает система общественных отношений. Не хватит ли примеров такого рода? Характерно, что в тезисах, опубликованных перед конференцией, предложение о „слиянии ради размежевания“ не звучало...

Сейчас, когда средства массовой информации начинают давать не только кондово положительный, но и критический разбор любого решения, представляется единственно верным поместить в прессе всесторонний прогноз возможных последствий происходящего. Прежде всего необходимо подсказать партийным лидерам, что если мера по выборам секретарей обкомов на должности председателей областных Советов не будет объявлена временной, вызванной жёсткой необходимостью борьбы с чуждыми государству устремлениями производственно-управленческого класса, – партия может потерять тот кредит доверия, который ей отпущен на перестройку. Путь здесь должен быть иным: сначала приобрести доверие, а уж потом добиться, чтобы люди сами избрали партийцев в председатели. Иначе может выйти то же, что в свое время со сплошной коллективизацией. Социологические исследования показывают, что за последние два года (1987 и 1988) увеличилось (увеличилось!) число тех, кто не видит необходимости в перестройке. Зато всё большее число граждан замечает искажение её курса на местах и даже сознательную дискредитацию... Чем это чревато, мы понимаем.

Нельзя не сказать вот ещё о чём. Программа борьбы с бюрократизмом, выдвинутая конференцией, не дала в руки трудящихся и коммунистов никакого реального механизма по претворению общих идей в жизнь. Что бюрократизм плох было сказано задолго до XIX партконференции. А призывы типа „обеспечить последовательное осуществление“ или благое пожелание: „Нормой работы аппарата должна стать открытость, доступность для контроля и проверки“... – есть не что иное, как использование энергии боевого духа партийцев для надувания щёк. В условиях, когда итог борьбы с интересами производственно-управленческого класса означает не больше и не меньше как судьбу социализма, – представительный форум вырабатывает решение, где указывает... как себя должен вести бюрократ!

„Необходимо добиваться всё большей передачи управленческих функций сверху вниз“... и смех, и грех! Этот вопрос поднимался десятки раз и, кроме позора, ничего не принёс...

Одним словом, даже такой резкий, принципиальный разговор, который получился на XIX конференции, во многом утонул в размытых формулировках её резолюции. Конечно же, сделан огромный шаг вперёд в мобилизации духа, изменении структуры власти, но в то же время – не созданы предпосылки для безоговорочной победы. За неё предстоит ещё долгая, тяжёлая борьба, в которой неизбежны и поражения, и потери.

Чем хотелось бы закончить?

Всех нас ждёт величайшее испытание. И спрятаться, уйти от него будет невозможно, – в конце концов уже в ближайшие годы каждому придётся сказать своё „да“ или „нет“, решая вопрос о существовании общественного строя вообще. „Маленьких людей“ не существует, и, принимая участие в выработке общенародных решений, делаем своими мы либо укрепляем, либо расшатываем опоры, на которых крепится наше общее здание. Демократия в нашей стране должна в ближайшем будущем пройти проверку на историческую зрелость. Выдержим ли мы эту проверку? Хочется в это верить.

Честь собственного имени*

Диалог писателя Валентина Пикуля
и критика Сергея Журавлева

С. Журавлев. – Недавно, объясняя почему так остро был воспринят роман „У последней черты“, Вы высказали мысль о том, что некоторые „вышестоящие товарищи“, наживающиеся за счёт народа и вравшие этому народу, узнали в романе самих себя. Не кажется ли Вам, что это лишь видимая, хотя, безусловно, и весомая причина?

Ведь Вас обвиняли тогда не только в антиисторизме, но и в шовинизме, антисемитизме. И я знаю, жилось Вам очень нелегко и в материальном, и в моральном плане. Я вспоминаю сейчас Ваши письма тех лет друзьям, в которых слышится просто крик: „живу сейчас, осыпанный угрозами... мафии, эта мафия открыто обещает меня убить заодно с женою, в выражениях и оскорблениях не стесняются. Письма все анонимные, звонки по телефону тоже!

Это подонки боятся открыть забрало“.

Или из других писем: „Не хватает дыхания, чтобы жить в полной мере и работать... Хорошо живётся только подонкам и диссидентам, но писатели патриотического направления осуждены быть задвинуты на задворки литературы... Увы, это так... Круг замкнулся!“

* «Наш современник», Москва, № 2, 1989 г. Перепечатка с сокращениями.

И ещё цитаты из писем того времени:

„Такова обстановка.

Надо смотреть правде в глаза: она безвыходна!

Будем надеяться, что наверху опомнятся и поймут, куда идёт страна, в которой весь идеологический фронт отдан на откуп...“ и т. д. и т. п.

В. Пикуль. — На этот пространный вопрос, если позволите, я отвечу так же пространно.

Исторический роман – это роман во многом и **современный**. Я думаю, что автор, воссоздавая прошлое, вольно или невольно соотносит его с настоящим. Возникающие сплошь и рядом аналогии между историей и современностью закономерны. Хотя, положив руку на сердце, должен сказать, что здесь нет, да и не может быть прямого соотнесения. Недавнее застойное время не имеет аналогов в русской истории. Да и таких дураков, как Брежнев, в России у власти никогда не было.

Проследивая разложение царского самодержавия в канун революции, я пытался показать, что Распутин был лишь **видимой** фигурой той отвратной камарильи, которая плясала вокруг престола последнего царя, тех **тайных сил**, которые режиссировали историческое действие. Это всё и есть „нечистая сила“, это бесовский шабаш на русской земле.

Ну, а такой подход к тем событиям не всем понравился. В ход пошли ярлыки. Ведь это хорошо отработанный и давно испытанный русофобский приём. Лишь только человек начинает с уважением говорить о своей истории, о своей культуре, о своей Родине, громко называть себя русским, тут же – „черносотенец, шовинист, антисемит“.

С. Журавлев. — Извините, я Вас перебую. На XIX Всесоюзной партконференции Юрий Васильевич Бондарев сказал об этом же: „...произносимые вслух слова „Отечество“, „Родина“, „патриотизм“ вызывают в ответ некое змееподобное шипение, исполненное готовности нападения и укуса: „шовинизм“, „черносотенство“.

И лучшее подтверждение истинности этих слов – мгно-

венно раздавшееся в некоторых органах нашей прессы „змееподобное шипение“ по поводу самого оратора.

В. Пикуль. – „Измордуем и оплюём“ – вот главный принцип экстремистов из „желтой“ прессы. И я испытал его воздействие в полной мере. До сих пор вспоминаю то время с содроганием. А началось всё с того, что в одной из газет, кажется, в «Правде», я рассказал о своих творческих планах, упомянув и работу над „Нечистой силой“. И тут же мои „доброжелатели“, кто намеками, кто прямо стали настоятельно „советовать“ мне оставить работу над романом или по крайней мере не затрагивать тему „Распутин и еврей“. Посыпались письма с прямыми угрозами.

Всё это меня очень удивляло, но я продолжал работать и роман всё же закончил. Но как только появились первые номера «Нашего современника» с „Распутиным“, вот тут-то я и ощутил колоссальное давление.

Стали названивать партийные деятели всех рангов. Я к телефону не подходил, трубку брала жена. Очень характерны слова бывшего секретаря ЦК Зимянина, который заявил: „Передайте Вашему супругу, что он всех нас поставил в экстремальную ситуацию“. Грязные письма и телефонные звонки с угрозами стали ежедневными. Меня называли подручным Малюты Скуратова и пособником Гимmlера, русским фашистом и, конечно же, антисемитом. Возле моего дома постоянно и демонстративно крутились подозрительные личности.

С. Журавлев. – Вы не боялись выходить на прогулки?

В. Пикуль. – Нет. Во-первых, я фаталист. И люблю бытующее на Востоке выражение: „Кисмет“ – судьба; во-вторых, для меня, прошедшего войну, просто оскорбительно бояться этой мрази. Но, правда, после того, как меня на улице стали в прямом смысле избивать, меня взял под охрану флот. Я уехал на остров Булли и продолжал там работать.

А жена моя так и умерла осыпанная угрозами. На меня же наложили печать проклятия. Имени моего не упоминали, печатать перестали. Договор со мной на издание „Нечистой силы“ Лениздат поспешно разорвал, а заодно

уж, „страха иудейского ради“, разорвали договор и с Касвиновым на роман „Двадцать три ступени вниз“, где тоже фигурировал Распутин. Касвинов так и умер, не дождавшись публикации своего романа.

С. Журавлев. — Кроме как в «Нашем современнике», да и то в значительно урезанном виде, „Нечистая сила“ нигде больше не издавалась. Сейчас, кажется, положение несколько изменилось?

В. Пикуль. — Знаете, демократизация и гласность этого романа почти не коснулись. И не считите это за авторское тщеславие, но я несколько удивлён, что центральные издательства всё ещё побаиваются его издавать. На периферии люди смелее. В этом году роман выйдет в Красноярске и в журнале „Подъём“.

С. Журавлев. — Валентин Саввич, сейчас уже вряд ли кто осмелится спорить, что русская дореволюционная история была как бы зачёркнута, или, что ещё хуже, извращена. В чём, на Ваш взгляд, причина такого к ней отношения?

В. Пикуль. — Никакое дерево не растёт без корней. И чем глубже корни, тем крепче дерево. А у России всегда было очень много врагов.

Захватчики всех времён понимали значение исторической памяти народа.

В XVII веке маньчжурская династия Цин вломила в Китай и свергла китайскую династию Мин. Китайцам велено было производить отсчёт истории с того года, как они покорились династии маньчжуров, которые ясно осознали: надо обрубить питательные корни – и дерево зачахнет!

Нечто подобное произошло в 20-е годы нашего века, когда русская история была задёрнута траурным флером. Историю заменили: либо история развития общественных формаций, либо история революционных движений, либо история классовой борьбы. И такое положение длилось довольно долго. Вместо истории давали какие-то отсевки, дуранду вместо хлеба. Продолжают эту дуранду пихать и сейчас. Особенно в школе. Почему-то история Месопота-

мии или Древнего Рима у нас преподносится более широко и ярко, нежели история Отечества.

И то, что были разрушены – да и сейчас разрушаются – замечательные памятники искусства, памятники людям прошлого, – это результат преступного отношения к истории.

С. Журавлев. – А не происходит ли нечто подобное с недавней нашей историей? Уж в очень тёмных тонах она подаётся со страниц периодики.

В. Пиккуль. – Вы знаете, а я, вглядываясь в историю, после 17-го года, что-то и не вижу особенно радужных красок. Братоубийственная гражданская война, красный террор, миллионы погибших, миллионы беспризорных, эмиграция. Из страны буквально вытек её мозг. Была – в большинстве случаев физически – уничтожена русская интеллигенция. А ведь интеллигенция, она, как тонкий озоновый слой над планетой, защищающий её от радиации, защищает народ от деградации.

Затем коллективизация – и опять миллионы жертв, индустриализация, война, выигранная огромной кровью, и т. д., вплоть до так называемого застойного времени. И почти всё это время – страх и террор.

А в результате – великая держава становится нищей и лишенной идеалов. Какие уж тут радужные краски!

С. Журавлев. – Но тем не менее нам необходимо иметь **объективное, научно выверенное** знание об этом времени. А сейчас голоса профессиональных историков почти не слышно и прошлое оценивается на уровне эмоциональных всплёсков, как правило, односторонне тенденциозных. Создаётся впечатление, что история после 17-го года пишется сегодня сыновьями, зятьями, женами, снохами, шурыками и так далее бывших „сильных мира сего“.

Вдова Бухарина через 50 лет „вспоминает“ устное „письмо“ своего мужа.

Сын Микояна, ссылаясь на рассуждения отца, рассказывает о репрессиях 30 -40-х годов. А буквально через несколько дней другой родственник другого деятеля живо-

писует преступления того же Микояна.

За один последний год появилось штук восемь воспоминаний об аресте Берия, резко противоречащих друг другу, но претендующих на исключительную достоверность. Разве это история?

В. Пикуль. – Да, всё это так. Но мне кажется, что в конце концов вся шелуха отсееется и выкристаллизуется истина. Иначе быть не может. Другое дело, что путь к истине будет тернист и не прост, ибо, Вы правильно заметили, пока в печати появляются материалы очень односторонние. Да и печать наша – как, впрочем, и телевидение – очень тенденциозна в отношении к недавнему прошлому. Сегодня сложилось такое положение, что человеку, имеющему иную точку зрения, просто негде её высказать.

С. Журавлев. – Валентин Саввич, не трудно заметить, что практически все публикации о послереволюционной нашей истории сводятся к личности И. В. Сталина. Каково Ваше к нему отношение?

В. Пикуль. – У меня никогда не было к Сталину особого почтения. Хотя это, конечно же, сложная, далеко неординарная и не однозначная фигура. Таковым я стараюсь показать его и в романе „Сталинград“.

С. Журавлев. – А не кажется ли Вам, что это муссирование имени Сталина в «Огоньке», «Советской культуре», «Московских новостях», «Знамени» преследует совершенно определенную цель: с одной стороны – свалить на него все преступления тогдашнего времени и тем самым оставить в тени иные зловещие фигуры, а с другой, смахнув одну „икону“, водрузить на её место десятки новых. Ведь смотрите, какими белоснежными ангелами со страниц тех же изданий предстают Бухарин, Зиновьев, Каменев и им подобные. Даже одиозную фигуру Лейбы Давидовича Троцкого пытаются сегодня исподволь, а то и прямо, поднять на пьедестал. Я имею в виду не только безответственные высказывания в некоторых органах печати, но и странную публикацию в «Литгазете» о том, в частности, что Л. Троцкого в период с 1917 по 1924 год

никак нельзя считать враждебным революции. Что это, девственное неведение директора Института военной истории, доктора философских наук о Троцком как организаторе массовых расстрелов, создателе концентрационных лагерей и т.д. и т.п., или желание любыми путями снискать себе популярность у „прогрессивных кругов“?

В. Пикуль. – Вы совершенно правы. Сталин – порождение эпохи, фигура, волею объективных и субъективных обстоятельств оказавшаяся наверху. А ведь выдвинула его наверх старая гвардия. И пела ему хвалу, пока он её устраивал. А затем началась междоусобная борьба. А в общем-то это все одна шайка. Троцкий, Бухарин, Каменев, Зиновьев, Каганович, Ем. Ярославский (Губельман), Урицкий, Володарский, Эпштейн – это фанатики массовых убийств. Совсем недавно в «Советской России» была опубликована директива от 29 января 1919 года за подписью Я. Свердлова, призывавшая к „поголовному истреблению“ верхов казачества, „массовому террору“ по отношению к казакам. И это „поголовное истребление“ и „массовый террор“ прошли как смерч по всей России. А сейчас тех, кто устроил геноцид русского народа, да и других народов тоже, пытаются объявить жертвами, возвести в в ранг святых, мемориал им поставить.

С. Журавлев. – В нашем разговоре мы не раз уже касались роли печати в современной жизни. Любому объективно мыслящему человеку очевидно, что не всё здесь, мягко говоря, обстоит благополучно. Ю. В. Бондарев на XIX Всесоюзной партконференции отмечал, что „часть нашей печати восприняла, вернее, использовала перестройку как дестабилизацию всего существующего, ревизию веры и нравственности“, что „часть нигилистической критики... стала командной силой в печати... создавая общественное мнение, ошеломляя читателей и зрителя сенсационным шумом, бранью, передержками, искажением исторических фактов“, что эта печать „размывает критерии, моральные опоры, травит и шельмует крупнейших писателей, режиссеров, художников... разрушает,

унижает, сваливает в отхожие ямы прожитое и прошлое, наши национальные святыни...”

В. Пикуль. — Что же, Юрий Бондарев прав. И лучшее тому доказательство — бешеные нападки, которым он подвергается после своего выступления. «Огонёк», «Московские новости», «Советская культура» переняли всё худшее от западной прессы, вернее, от желтой западной прессы (на Западе есть ведь и серьезные, солидные издания). „Пожелтевшие“ органы печати переняли у буржуазных листков и явную склонность к русофобии.

С. Журавлев. — Валентин Саввич, сегодня много говорят о перестройке в литературе. Как Вы к этому относитесь?

В. Пикуль. — Да никак. Есть писатели честные, а есть конъюнктурщики. Первым незачем перестраиваться, а вторые просто неспособны перестроиться. Они могут лишь подстроиться.

Ну зачем, скажите на милость, перестраиваться Распутину, Белову, Астафьеву, тому же Бондареву. Да и я сам, простите за нескромность, перестраиваться не собираюсь. Как вкалывал по 15 часов в сутки раньше, так вкалываю и теперь. Как думал, так и думаю.

А вот зато наши активные „прорабы перестройки“ перестроились мгновенно. Пример — В. Коротич, главный редактор «Огонька», умилявшийся в свое время произведениями Л. И. Брежнева, воспевавший их художественные достоинства, тихонько и сладенько живший себе в застойные времена, премии всякие за благонадежность получавший. Или А. Беляев, долгие годы бывший зам. зав. отделом культуры ЦК КПСС и давивший эту самую культуру, а ныне являющийся главным редактором газеты «Советская культура» (ну не парадокс ли, не издательская ли гримаса жизни?). Можно было бы вспомнить и других активных „застрельщиков перестройки“. Всех не перечислишь... Вынырнули, поосмотрелись, пообвыкли и начали учить всех честности и принципиальности. А если кто-то с ними не согласен — тут же ему ярлык — антиперестройщик. Ну до каких же пор эта

вакханалия будет продолжаться?..

С. Журавлев. – Сегодня в нашей стране – время перемен. Они назрели, стали жизненно необходимы. Какие проблемы сегодняшнего дня кажутся Вам наиболее важными и значимыми?

В. Пикуль. – Сложный вопрос. Прежде всего потому, что проблем этих – великое множество.

На нашей памяти принималось огромное количество решений, программ, постановлений. Иные из них записывались даже в Программу партии. И что же? Одни были явно авантюристическими. Другие тонули в красивых речах, благих пожеланиях. Не слишком ли много мы говорим и сегодня? Много говорим, мало делаем. Сегодня пытаются увлечь народ рублём, прибылью, сладкой жизнью. А это ой как далеко от народного идеала. Этот идеал лежит совершенно в иных сферах.

Нам надо срочно лечить наши запущенные болезни. Например, пьянство, которое за последние двадцать лет приняло угрожающие масштабы. Здесь нужны кардинальные меры.

С. Журавлев. – Так что же Вы предлагаете?

В. Пикуль. – **Сухой закон.** Могу привести в пример Финляндию, которая в начале века буквально спивалась. Каждый крестьянский двор имел самогонный аппарат. Десятилетние дети и те пили. Маннергейм ввёл жесткий сухой закон. И всё! Пьянство прекратилось. Другое дело, что тяга к вину осталась в генах. Потому и сегодня потребление алкоголя в Финляндии ограничено.

С. Журавлев. – Можно вспоминать и введение сухого закона в России.

В. Пикуль. – Да, но это совсем другое дело. Россия не была пьяной страной. Она была **трезвой** страной. Скажу как историк: широко бытующая молва о том, что-де на Руси-матушке всегда пили, что „веселие Руси – есть питие“, – это злонамеренная, злоязычная ложь, пущенная в оборот врагами нашего народа. Там, где появлялось пьянство, с ним всенародно боролись. Целые уезды объявлялись на сходках безалкогольными, убирались из

сёл трактиры... Вспоминаю в этой связи мемуары прекрасного художника Александра Герасимова, уроженца города Козлова, ныне Мичуринска.

Жители этого города были в основном прасолами – торговцами скотом. Были в городе и трактиры. В пять утра город просыпался, и жители его – с детьми, бабками – шли в эти трактиры и пили там... чай. Спиртного никто не пил. Но вдруг кто-то взял рюмку водки. Всё, он мог из этого города уезжать. Ему больше не верили. С ним не заключали сделок, не давали ссуды... Ему оставалось только бежать из города. Вот что значит сила общественного мнения.

Сегодня положение гораздо сложнее. И потому я за введение сухого закона. И чем скорее, тем лучше.

Важнейшей проблемой сегодняшнего дня видится мне **проблема семьи**. У нас очень мало думают о священном таинстве брака. Отсюда – огромное число разводов, несчастных детей, поломанных жизней.

К сожалению, проблем много и говорить о них можно очень долго. Но самой острой, самой главной, самой неотложной я считаю **проблему молодёжи**.

Не надо воевать, не надо выигрывать сражений. Достаточно отнять у народа, у государства юное поколение – и государство погибнет. То, что сейчас происходит с молодёжью, меня, – да, уверен, не только меня, очень многих, – чрезвычайно волнует. Мы теряем нашу молодёжь. Мы перестали формировать её в интересах нашего общества, в государственных интересах. Печать, средства массовой информации культивируют, насаждают, буквально вбивают в души и в головы худшие образцы западной массовой культуры.

Включите телевизор, и вы увидите лохматых, грязных, развязных молодых людей, дергающихся в роковом экстазе. И что же, позвольте спросить, эта непристойность, тиражируемая в миллионы телеэкранов – **наш** идеал?

Я лишь однажды в своей жизни видел эпилептика – страшное зрелище. Но ещё страшнее – подобные – каждодневные! – телевизионные шоу.

Ведь это же настоящая болезнь – и духовная, и физическая. И подобные непристойности нам пытаются выдать за чуть ли не основные достижения демократии. Далеко же мы уйдём с подобной демократией...

С. Журавлев. – В последние годы стали появляться материалы о масонстве. Их пока ещё немного, и пробирают они себе дорогу с огромным трудом, но брожение в умах производят довольно сильное. Причем трактуется масонство далеко не однозначно – и как черная надмировая сила, и как явление чуть ли не прогрессивное. Что Вы скажете по этому поводу?

В. Пиккуль. – Я не специалист по этой проблеме, хотя знаком с книгами крупного белорусского исследователя масонства Бегуна, с работами зарубежных авторов.

Главная цель масонов – завоевание всего мира. Большинство масонских символов и ритуалов взято из иудаизма.

Рассуждения же масонов о свободе, равенстве, братстве – словесная мишура, призванная замаскировать истинные цели.

И тот, кто говорит о прогрессивности масонства, или лжёт, или очень сильно заблуждается. Вот лишь один пример из истории. Во всех школьных хрестоматиях говорится о Н. И. Новикове как просветителе и борце против самодержавного гнёта. За что он и преследовался Екатериной II. Но почти никто не знает, что Новиков был известным русским масоном. А потому во время русско-шведской войны, повинаясь приказам ложи, в которой состоял и которая размещалась в Швеции, он собирал с русских масонов деньги и отправлял их гроссмейстеру ложи. То есть на войну против России...

Отрицание любви к Родине, исторической памяти, разрушение семьи, национального и патриотического чувства – одна из основных задач современных масонов. Без этого невозможно достижение их главной цели – завоевание мирового господства.

С. Журавлев. – Валентин Саввич, Ваши читатели справедливо считают Вас писателем с ярко выраженным па-

триотическим началом. Когда-то Карамзин писал, что „патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях...“ А затем добавлял, что мы русские, „излишне **смиранны** в мыслях о народном своём достоинстве. Кто сам себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут“, и что „русский должен, по крайней мере, знать цену свою...“ Заканчивал – же Карамзин свою мысль очень определённо: „**слава была колыбелью народа русского, а победа вестницею бытия его**“.

Думаю, стремление возродить на примерах прошлого наше национальное достоинство, помочь узнать „цену свою“, вселить веру в победу – вот главная идея Вашего творчества. В этом, на мой взгляд, кроется и основная причина феноменальных успехов Ваших произведений, как, впрочем, и яростного их отрицания.

В. Пикуль. – Что ж, я сам считаю себя патриотом и не боюсь говорить об этом.

К великому сожалению, сегодня и в жизни, и в литературе люди стали как-то сдержанно выражать свои чувства к Родине. И я боюсь, не стоит ли за этим некоторое равнодушие? Мне иногда мои товарищи, писатели, прямо говорят: „Ну зачем ты так открыто пишешь о патриотизме? У тебя герои сплошь и рядом заявляют: „Друзья, я очень люблю свою Родину“. Так в литературе сегодня не принято“. А чего, спрашивается, стесняться? Между прочим, я прочитал уйму всяких дневников, мемуаров, воспоминаний. И вот что характерно: через все эти человеческие документы красной нитью проходит патриотическое чувство. Какие-то безвестные поручики, мелкие чиновники, горожане, крестьяне, именитые аристократы, не стыдились открыто признаваться в любви к отчизне.

Думаю, что искусство наше должно говорить о любви к Родине во весь голос. Особенно сегодня, когда деформированы и продолжают деформироваться многие духовные ценности. Народ нужно учить добрым примером!

С. Журавлев. – Валентин Саввич, в своих произведениях Вы показываете роль русского народа в истории

нашей страны, в истории Европы и всего мира. Каковой видится она Вам сегодня?

В. Пиккуль. – История нашего народа богата примерами героизма, причём в ситуациях критических. Алексей Толстой очень точно заметил, что, даже если один уезд от нас останется, и оттуда пойдёт Русская земля. А „железный канцлер“ Бисмарк говорил о непобедимости России, которая зиждется на миллионах „собственно русских“.

Русская сила, русский героизм много раз восхищали и поражали мир.

Екатерина II, будучи немкой, но женщиной дальновидной и умной, называла Россию **Вселенной** и прямо заявляла, что она сама если и великая, то только благодаря русскому народу...

На протяжении многих веков русский народ был той цементирующей силой, которая скрепляла братскую дружбу, народов нашей многонациональной страны. Он был в буквальном смысле **Старшим Братом** в многонациональной семье.

И как же обидно сегодня читать и слышать, когда кое-кто говорит об этом с гаденькой усмешечкой, пытаясь взвалить на русский народ ответственность за недавнее прошлое. И уже полное недоумение вызывают статьи некоторых учёных мужей, впрямую заявляющих о патернализме, то есть господстве одной нации (читай – русской). А в чём же, позвольте спросить, это господство выразилось? Может, в более высоком уровне жизни? Так по этому показателю русские среди народов и народностей нашей страны даже в первую десятку не входят. Может, потому не входят, что работают хуже других? Да нет, по производимой продукции на душу работающего населения (в денежном исчислении) РСФСР занимает второе место, чуть-чуть отставая от Эстонии (между прочим, Эстония стоит на первом месте в Союзе и по уровню жизни).

Сегодня положение русского народа – **кризисное**. Боюсь, что он стоит на краю своего существования.

Чтобы выжить и сохранить себя, ему прежде всего нужно осознать это положение, собрать все силы – физические и духовные, консолидироваться и бороться. И вспомним еще раз Карамзина – будем уважать себя, и не будем „излишне **смирены** в мыслях о народном своём достоинстве“.

Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:

RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)

Владимир Осипов

Демократия и совесть

Со времён Думы не припомнить, пожалуй, такого неформального выдвижения кандидатов, как сегодня. Во всяком случае, в больших городах, в столицах. Живые люди, включая смелых и думающих, стали заменять кукол. Патриотическая общественность, то есть та, что озабочена обрывом исторической памяти, нравственности и традиций, тоже решила попытать судьбу. Ею был выдвинут крупный учёный – математик и общественный деятель Игорь Ростиславович Шафаревич. Он член-корреспондент Академии Наук СССР, почётный член целого ряда зарубежных академий и научных обществ. Честный и бескорыстный правдолюбец, болеющий за Отечество. Автор глубоких исследований по наиболее жгучим проблемам нашей жизни. Православный. Патриот без малейшей примеси шовинизма. Правозащитник, озабоченный правами народа. Таков кандидат жителей Октябрьского избирательного округа г. Москвы (округ включает Октябрьский и Москворецкий районы).

Инициативная группа по выдвижению И. Р. Шафаревича потрудились с лихвой. Размножили биографию кандидата, тезисы его предвыборного выступления, обошли вереницу квартир, обзвонили население. Приглашали всех жителей, прописанных в округе на собрание по выдвижению кандидатов в народные депутаты СССР, на-

меченное на 20 января 1989 г. в 19 часов в Доме культуры Института стали и сплавов по Ленинскому проспекту, 4. В результате усилий этой группы и ещё двух (по выдвижению многодетной матери С. Ушаковой и программиста Медведева) удалось собрать в зале 868 человек зарегистрированных жителей Октябрьского округа. Удалось, несмотря на всеобщую глухую инертность – плод эпохи лжи и диктата. Правда, к моменту определения кворума к голосованию осталось на местах 641 человек. Бюллетеней же оказалось 720 по причине нечестности некоторых избирателей, словчившихся взять с разных столов более одного бюллетеня. Виной тому – небрежность организации и отсутствие опыта у окружной избирательной комиссии. Но не в этом суть.

Итак, 720 избирателей с пропиской в округе (о, прописка, неперебиваемое слово, которое не в силах понять человеку Запада!), должны были выдвинуть одного кандидата и двух представленных. Инициативные группы по выдвижению Ушаковой и Медведева тоже проделали определённую работу. За десять дней до выдвижения все три группы сообщили данные о своих кандидатах окружной комиссии. Последняя дала помещение, обеспечила организацию (правда, нечёткую), участвовала в самом собрании. Наступило 20 января – день состязания. Кто победит: Шафаревич, Ушакова, Медведев?

Внезапно, как снег на голову, явились новые участники: сторонники академика Сахарова и писателя Бакланова. Пришли на готовое и громко заявили свои права на выдвижение собственных кандидатов. Приверженцев Сахарова не смущало то, что знаменитый физик был уже выдвинут в нескольких избирательных округах. А здесь – зачем? Сахаров на собрание не явился (к его чести хочу добавить, что я абсолютно уверен, что сам он и не подозревал об акции „сахаровцев“: в личной порядочности самого Андрея Дмитриевича не сомневается никто), сторонники его заблаговременно не готовились. Значит, всерьёз о выдвижении его по Октябрьскому округу никто и не думал. Спрашивается, какова же была их истинная

цель? Провалить Шафаревича, православного русского патриота – была их цель и никто из сторонников Игоря Ростиславовича в этом не сомневался. Тем более это относилось к сторонникам Бакланова, того самого, кто поместил в десятом номере своего журнала «Знамя» за 1988 год, злобно антипочвеннического ежемесячника, заведомую фальшивку одного ленинградского провокатора, позже осуждённого за анонимки на полтора года „химии“. Правда, сам Бакланов тоже не явился на собрание, так он жаждал кандидатства по Октябрьскому округу!

И. Р. Шафаревич был подвергнут граду вопросов, включая махрово подстрекательские. Памятуя его активную гражданскую позицию (было время, когда Шафаревич и Сахаров вместе создали Комитет защиты прав человека!), иные демагоги допрашивали Игоря Ростиславовича насчёт его отношения к советской власти, социализму, к обществу „Память“. Шафаревич блестяще отмёл наветы, достойно парировал провокаторов. Тезисы его предвыборного выступления были уже известны многим. Кандидат в народные депутаты выражал обеспокоенность низким уровнем жизни, нехваткой продовольствия, жилья, ясель, детских садов, медицинской помощи, ростом детской смертности, сокращением рождаемости русского народа, раскрестьяниванием, гибелью природы, которой и жить-то осталось одно-два десятилетия. Кандидат предлагал перебросить бо́льшую часть средств с бесплодных грандиозных проектов Минводхоза, Минэнерго и прочих ведомств на создание „экономики с человеческим лицом“, выступал за выселение из Москвы экологически вредных предприятий и предложил каждого желающего обеспечить участком земли. Словом, программа Шафаревича самым непосредственным образом отвечала чаяниям избирателей. И самым очевидным образом напугала коррумпированную номенклатуру. В данном случае сторонники Сахарова-Бакланова, явившиеся с целью торпедировать Шафаревича, выполняли дело, угодное номенклатуре, выполняли, как говорят марксисты, её офи-

циальный заказ. Кстати, Сахарова выдвигали две группы: так сказать, неформальные энтузиасты и официальные сотрудники ФИАНО, где работает отец водородной бомбы.

Помимо этих двух групп пришельцев в Дом культуры Института стали приземлилось ещё девять кандидатов со своими сторонниками, которых, правда, было немного. Трое из десяти были самовыдвиженцы. Некто Ботвич отдал потом свои голоса Сахарову. „Мелких“ кандидатов по сути не знал никто. Один избиратель при этом заметил: „А если сейчас с улицы придёт жулик, только что ограбивший прохожего, и выдвинет себя в кандидаты, мы и его должны включить в списки для голосования?“ Эту „мелкоту“ с её претензиями можно списать на общую неопытность нашу в демократии.

Неопытность простибельна. Не простибельна бессовестность. Именно таким словом приходится обозначить, например, хамский вопрос одного из „сахаровцев“, обращённый к Игорю Ростиславовичу:

– Не откажетесь ли Вы от выдвижения в пользу Сахарова?

Дескать, плевать мы хотели на вашу программу, на всю вашу подготовку к выборам, на людей, вас поддерживающих. Откажитесь-де в пользу мировой личности, чтобы в коллекции округов этой личности прибавился ещё один.

Поражаешься порой удивительной наглости некоторых „интеллектуалов“. И поразительной лживости. Стоит в фойе такой молодец и кивает на зал:

– Там „Память“ ногами топает!

Ему отвечают:

– Я только что из зала. Там нет никакой „Памяти“ и никто не топает. Зачем сочиняете?

Ничего, утрётся Мюнхаузен и пошастает дальше.

Досконально обсуждён и допрошен Шафаревич. В меньшем объёме, но тоже обсуждены Ушакова и Медведев. Все трое заранее ознакомили избирателей со своей платформой. А вот отсутствующим кандидатам вопросов насчёт отношения к социализму и власти не задавали. Неви-

димкам было куда легче. Их сторонники, впрочем, и не собирались побеждать. Помешать „чужой“ победе была их цель.

За И. Р. Шафаревича проголосовало 336 избирателей. За Медведева – 247. За Ушакову – 188. За А. Д. Сахарова – 255. За редактора журнала «Знамя» Г. Бакланова – 156. За оставшихся 10 кандидатов – несколько десятков человек. Словом, никто не был выдвинут.

Шафаревичу не хватило 24 голоса. Те 24 голоса, которые были отданы колеблющимися в пользу Сахарова и Бакланова. Цель „демократического“ десанта была достигнута: патриотическая и христианская общественность лишилась своего наиболее последовательного и бескомпромиссного кандидата. Так побеждает наглость и цинизм. Так манипулируют демократией те, кто ещё вчера разглагольствовал о свободе, равенстве и братстве. Братство на словах обернулось коварством на деле.

И дальше – ТАК? Это к ТАКОЙ демократии стремились?

Февраль 1989 года.
Таруса – Москва.

О Б Р А Щ Е Н И Е

К

РОССИЙСКОМУ ЗАРУБЕЖЬЮ

По просьбе руководства Христианского Патриотического Союза (ХПС), созданного 17 декабря 1988 г. в Москве (см. «Вече» № 32) приступила к работе Инициативная группа содействия изданию центрального органа ХПС «Русский Вестник».

Инициативная группа ставит своей задачей ознакомление российского Зарубежья и общественности Запада с программными установками, документами и практической деятельностью ХПС, тиражирование «Русского Вестника» для распространения как в России, так и на Западе, изыскание материальных средств для создания издательской базы «Русского Вестника» на родине, а также издание избранных материалов из «Русского Вестника» на иностранных языках.

Инициативная группа обращается к русским патриотам в Зарубежье и к людям доброй воли на Западе, понимающим, что положительное решение кардинальных судьбоносных проблем не только в России, но и во всём мире, во многом зависит от успешной деятельности патриотических движений в Советском Союзе, с просьбой посильной материальной поддержки ХПС и его центрального органа – «Русского Вестника».

Пожертвования просьба посылать по адресу:

Waleri Fefelow, Fürstenberger Str. 27

6000 Frankfurt / M., West Germany

Денежные переводы и чеки выписывать на:

W. Fefelow / CPU

Письменные запросы, касающиеся ХПС и «Русского Вестника» направлять Валерию Фефелову по вышеуказанному адресу (тел. 069-5963126).

По поручению Секретариата ХПС

О. Красовский.

РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

От редакции.

В ноябре 1988 г. в Москве было создано „Товарищество русских художников“, объединившее многих известных русских писателей, художников, кинематографистов, учёных. 17 ноября 1988 г. Товарищество приняло текст „Обращения к художникам, учёным, деятелям культуры, трудящимся России“ и утвердило „Свод рабочих программ“.

О б р а щ е н и е к художникам, учёным, деятелям культуры, трудящимся России

Мы, русские литераторы, музыканты, живописцы, ваятели, кинематографисты и театральные работники – все, кто считает, что носит высокое и ответственное перед народом звание художника, – все мы обращаемся к Вам, живущие в России и за её пределами братья по духу и соратники, с призывом положить все свои силы и всё достояние таланта и знания делу пробуждения, просвещения и укрепления национального самосознания, моральных и духовных сил русского народа во имя и на будущее благо нашего Великого исторического Отечества, его государственных и культурных устоев.

Наша Родина, соединившая судьбы русского, украинс-

кого, белорусского и других народов, столетия живущих на принципах согласия, пережила страшные и трагические события, итогом которых стали не только разрушение материальных памятников культуры, экономический и политический кризис государственной системы, но и разрушение главного, что является первоосновой и началом всех социальных и политических институтов, – национального самосознания человека. Неуважение и непонимание национального уклада собственного ведёт к неуважению национальных традиций и устоев жизни народов братских. Некогда мощный, скреплённый идеей непоколебимого единства, союз народов России переживает трудное время, когда под прикрытием демагогических лозунгов националистические группы, примазавшиеся к демократическим, перестроечным по своей сути народным движениям и фронтам, пытаются разъять и нарушить общенародное единство, определённое всем предшествующим ходом истории.

Опустошение в людских душах, произведенное гражданской войной, годами террора и репрессий, насильственным раскрестьяниванием, жертвы и утраты Великой Отечественной войны и административный произвол в сфере межнациональных отношений привели к воистину тяжким последствиям.

Отдавая справедливую дань мужеству нашего народа, его высокой, доказанной делом, ответственности за судьбу страны, отмечая его неизменную способность существовать и выживать в самых нечеловеческих условиях и продолжать трудиться, сознавая, что труд есть спасение не только дома и семьи, но и дела предков, – нельзя не заключить с горечью, что потеря русским человеком чувства собственного достоинства со временем нарастает и, как следствие, ведёт к утрате трудовых навыков, утрате национального и государственного единства. Резкое духовное, экономическое, социальное расслоение народа становится фактом дня сегодняшнего. Массовое пьянство, рост числа неполных семей и сирот, брошенные уголья и опустевшие деревни – тому свидетельство.

В результате сейчас, когда в нашем обществе идёт перестройка, а с ней открываются возможности национального обновления и возрождения культурной самостоятельности в рамках общегосударственного единства, Россия и её коренное население оказались в едва ли не самом сложном и самом трагическом за всю нашу историю положении.

Произошел распад национального уклада хозяйственной жизни, выродилась, доведенная до абсурда и убожества система народного образования, разрушается ядро самобытной национальной культуры, под сомнение поставлены исторические идеалы народа и ценности его вероисповедания. И как итог всего разламывается мир межнациональных и человеческих взаимоотношений, стираются жизненно важные представления о добре и зле, о нравственном и аморальном, теряются в распадающемся облике русского мира черты национальной натуры. Кризис и разлад национального самосознания, в свою очередь, ведут к невосполнимым природным, экономическим, государственным утратам.

Командные методы руководства в сфере межнациональных отношений привели к тому, что стало привычным отождествлять волю административно-бюрократического аппарата с помыслами русского народа, тогда как именно Россия оказалась в наиболее сложном, близком к упадку положении. А упадок России неизбежно приведёт к утрате единства политической и государственной системы всей страны.

Что же остаётся делать нам?

Лениво взирать на всё происходящее и тяжело вздыхать?

Смаковать прошлые наши несчастья и искать их историческую предопределённость?

А может быть, махнуть на всё рукой, отречься от прошлого и жить во имя дня сегодняшнего?

И будь что будет?

Мы, русские художники, поступили бы в высшей степени безответственно, если позволили бы себе наблю-

дать, пусть даже с состраданием, превращение родного Отечества в систему зависимых от прочих великих держав мелких государств. Слишком дорогой ценой заплачено нашими предками за создание государственной твердыни, во все времена носившей гордое имя – Россия!

Обращаемся к Вам, соотечественники и товарищи!

Художники, учёные, труженики России, все, кому дорого единое и самоценное понятие Русской Родины и кого не оставляет боль за будущее нашего народа, братья по рождению и по общей судьбе, русские, украинцы, белорусы, все другие народы, которым дорога судьба России.

Соединим свои силы и встанем на великое дело спасения вечного наследия наших предков и потомков. „Нет уз святее товарищества“. Входите в наш трудовой круг и включайтесь в работу.

Что может сделать художник в деле преображения Родины?

Художник может воспитать человека. Это дело главное и посильное для каждого, кто живёт судьбой Отечества, кто любит и знает человека в повседневных его трудах и заботах, кто не болен тщеславием и не разменивает талант на гривенники.

Художник силой творческого дара может реально участвовать в укреплении исторического сознания и воссоздания образа Отечества, воспитывая тем самым в современниках и потомках чувство любви к нему.

Художник может стать проповедником народных интересов, словом и трудом отстаивая эти интересы вместе с народом.

Художник, наконец, в силах поднять в сознании те вопросы, с решением которых неизбежно столкнётся народ в будущем.

Разве мало вопросов, обращенных к нам из будущего?

Какую землю мы оставим детям и внукам...

Что составит суть нашего народовластия...

По каким политическим и нравственным законам будет жить будущая Россия...

Каким будет трудовое будущее русского народа – зависимым или свободным, на своей, наследуемой от деда к внуку земле...

Каким станет сам россиянин...

Делами, обращенными к труженикам России, поднимем в человеке веру в его творческие и духовные возможности и поможем воспитать такими же его детей. И да станет это смыслом нашего существования.

Борьба за сохранение нашей природы, подлинное землеустройство, а не варварское разрушение земли во имя целей мифических и несбыточных, участие в этом деле вместе с народом – да станут нашим сыновним долгом.

Высокое чувство Родины, верность государственным её интересам, уважение к другим народам, преданность отчому дому, культура семейной жизни и верность родному слову должны укрепиться нашими трудами в сознании и сердце русского человека.

Непримиримость к пошлости, к разъедающей человеческую душу всеядности „массовой культуры“, нетерпимость ко всему, что обращено против человека и его морали, должны перейти от нас в каждого, кто любит детей будущей России.

Народ, если он здоров и существует в нормальных условиях, в состоянии сам беречь и спасать себя, и никто не в силах тогда разрушить его главное достояние – человека. Мы же переживаем состояние тяжелой болезни, и поэтому народ нуждается в помощи людей неравнодушных, программами его оздоровления соединенных.

Подлинная народность творчества – стремление поднимать лучшее в народе. Это главная программа и идея, вклад художника в дело поддержания здоровых начал в человеке и в государстве. Такая идея – определяющий закон нашего товарищества.

Россия, её человек доказали способность идти своей тысячелетней дорогой вопреки огромным и не имеющим аналогов жертвам и потрясениям.

За нами стоят дела и подвиги великих предков, сумевших объединить в единое народное государство земли от

Балтики и до Тихого океана, трудами каждого дня утверждавших его могущество и духовные силы во имя грядущего. Первопроходцы и государственные деятели, просветители и землепашцы, воины и духовные пастыри – мы все в ответе перед ними и перед нашими детьми.

Соотечественники!

Пусть не молчаливые камни, не осколки реликтовой культуры, рассеянные в полугасшей речи и письменности грядущих времен, но целостная, во всем торжестве языка и дела, практическая и духовная Народная культура достанется как залог единства будущим хозяевам и владельцам единого государства, в котором не затихнет и не потеряется голос и самой малочисленной народности, не потеряется след и единой человеческой души.

Пусть время перестройки станет в России временем её Преображения.

Мыслью и Словом, Трудом и Верой поможем России.

Товарищество русских художников.

Свод рабочих программ Товарищества русских художников

1. Народная культура

Цель программы – развитие традиций народной культуры в её современном и историческом воплощении. Ставится задача широкой пропаганды народной песни, бытового и эпического фольклора, создание и всесторонняя поддержка деятельности ансамблей и коллективов народного творчества, организация и координация деятельности хоровых обществ и ансамблей народных инструментов, изучение и продолжение традиционных связей

народной и эстрадной современной песни, воспитание творческой молодёжи и широких народных масс в духе любви к народной музыке и слову. Борьба за очищение культуры от наносного и порочного, развитие художественного и литературного вкуса на примере лучших образцов мирового искусства посредством концертной, пропагандистской, студийной, лекционной кружково-просветительской и публицистической деятельности. Научное изучение народной культуры, проведение фольклорных, хоровых, музыкальных фестивалей и научно-практических конференций.

2. Историческая память и национальные фонды памяти

Программа ставит задачу поддержания и сохранения основных библиотечных и архивных фондов страны, контроль за их содержанием как в центральных городах, так и в районных центрах, добивается создания современной организации библиотечного и архивного дела, создания общих информационных систем на самом современном уровне, обеспечивает научный и юридический контроль за исполнением решений правительственных органов в этой области. Программа помогает также объединению народных сил в деле реставрации памятников отечественной культуры, способствует организации кооперативных реставрационных центров, артелей и народных бригад, намечает широкие пропагандистские мероприятия в самых разнообразных формах, способствует повсеместному уважению и участию населения страны в деле сохранения исторической памяти народа.

Природа и экономика

Программа объединяет усилия всех и каждого, направленные на совершенствование природоохранного дела в стране, способствует созданию научной и культурной

базы природоохранного дела, воспитывает и развивает сознание народа в духе и традициях бережного отношения к природе, способствует пробуждению гражданского отношения к природе и её ресурсам. В программу включается создание и организация единой координированной системы народных природоохранных комитетов, обеспечивающих народный контроль на местах за соблюдением решений Госкомприроды СССР, оказывающих помощь в деле реализации правительственных экологических программ и решений. Привлечение к деятельности в масштабах задач, определяемых положениями программы, широких слоёв населения обеспечивается всеми возможными пропагандистскими средствами и мероприятиями. Целевая реализация положений программы осуществляется посредством участия членов товарищества и участников движения в рамках товарищества во всех реально существующих и действующих государственных организациях, комитетах и союзах.

Программа занимается также целевым изучением национальной экономики, обеспечивает пропаганду экономических знаний о России через систему экономических обществ, создаваемых участниками движения как в центре, так и на местах. Укрепление в народе понимания соответствия экономических задач, поставленных перед регионом, возможностям исторического, социального и природного состояния этого региона – одна из важнейших целей этой программы. Товарищество добивается участия в работе этой программы крупнейших представителей науки и культуры, ответственно проявивших свои возможности в природоохранном деле и деятельностью своей способствовавших развитию национальной экономики. Спасение России, её экономики, природы и промышленности силами местного населения повсеместно, вплоть до Тихого океана, – пропагандистская и практическая цель настоящей программы.

4. Народонаселение и братство

Программа имеет, помимо исследовательской и пропагандистской целей, задачи чисто координационные и ставит вопросы освещения истории взаимоотношений и совместной жизнедеятельности народов, населяющих Россию. Решение проблем региональных культур. Задачи сохранения национальной самобытности народов России в системе многонациональных взаимоотношений, бережное отношение к языкам и национальным обрядам, защита и бережное отношение к традиционным занятиям и народным промыслам, изучение проблем народонаселения, пропаганда традиций крепкой семьи и здорового образа жизни, возвращение народа к исторической трудовой деятельности, научная, творческая и просветительская деятельность с использованием всех существующих средств – таковы основные цели названной программы.

5. Армия и народ

Программа ставит и решает задачи военно-патриотического воспитания молодёжи – прививает уважительное отношение к традициям народного и воинского братства, способствует деятельности местных военно-патриотических клубов и объединений. В рамках программы организуются выставки, концерты, встречи и беседы с воинами СА и ВМФ, допризывниками и офицерами запаса. Основная цель – воспитание народа в духе уважения к русской истории и традициям воинского долга. Программа обеспечивается также участием во всех пропагандистских и воспитательных акциях, проводимых ГЛАВПУРОм СА и ВМФ, а также содействием развитию аналогичных программ Фонда культуры РСФСР и Детского фонда СССР.

6. Национальная информация

Развитие этой программы предусматривает подготовку

и активную деятельность участников движения товарищества за создание качественно новой системы информации России. Движение будет добиваться создания национального информационного бюро „Голос России“, национального канала теле- и радиовещания, развития и расширения газетно-журнального и издательского дела России, с привлечением всех существующих и обеспеченных Законом и Конституцией СССР возможностей и прав.

7. Межнациональные отношения

Программа ставит целью укрепление связей между творческой и научной интеллигенцией, между представителями культурных сфер народов союзных и автономных республик, национальных округов, краёв и областей, создание атмосферы уважения и понимания всех, кто озабочен осознанием своей национальной судьбы.

8. Научно-техническое творчество

Поддержка и пропаганда научно-технических инициатив народа и научной интеллигенции. Создание фонда инициативы в сфере изобретательства и рационализаторства.

9. Издательская программа

Предполагает расширение издательских и полиграфических возможностей товарищества с целью пропаганды народного искусства, издания необходимой в деятельности товарищества печатной продукции.

Адрес товарищества:

**109028 Москва, Покровский бульвар, д. 18/15
(дом Телешева).**

Праздник славянской письменности и культуры в Новгороде (9 - 12. 1. 1989 г.)

В Новгороде состоялся праздник славянской письменности и культуры. Этот праздник, традиции которого только начинают складываться, впервые был проведен в Мурманске три года назад. Число его участников составило... одиннадцать человек. Второй раз праздник состоялся в Вологде, и был он более многолюден. Но поистине всенародным стал праздник этот в январе в Новгороде – городе связывающем воедино славянскую историю со славянской культурой и письменностью. Здесь была найдена первая берестяная грамота, здесь был один из древнейших центров книгописания на Руси; из всего собрания книг, созданных в XI-XV столетиях, половина – новгородского происхождения.

Вопросы исследования и развития славянской культуры обсуждались на состоявшейся в дни празднования научной конференции, в которой участвовали представители духовенства, деятели литературы, искусства и науки. В их выступлениях и беседах звучала тревога за судьбу славянской культуры в наши дни, когда человеческая духовность подвергается всеобъемлющему воздействию массовой „культуры“, стремящейся вытеснить высочайший художественный уровень национальных культур.

Первому русскому оригинальному произведению – „Слову о Законе и Благодати“ митрополита Илариона был посвящен специальный „круглый стол“, возглавляемый доктором филологических наук Е. М. Верещагиным.

Уроки истории в новгородских школах вели русские писатели: Астафьев, Залыгин, Распутин, Белов и другие.

Участники праздника побывали в Старой Руссе, на улицах которой Достоевский поселил героев романа „Братья Карамазовы“, в Чудове у Некрасова...

Из выступлений на празднике

В. Б е л о в

У нас существует много людей, которые считают, что славянская культура – второстепенная культура. Вот вы должны развеять такое мнение, вы должны доказать, что это неправда, это ложь.

Славянская культура и русская культура – это величайшая культура в мире. Я уже много лет выступаю против нынешних программ, существующих в школах. Но должен сказать, что толку пока от моих выступлений мало. По-прежнему литература и гуманитарные науки в нашем народном образовании в загоне.

История, например. Насколько мне известно, экзамен по истории отменён, да? Видите, истории уже не существует.

Русский язык, насколько мне известно, перестают изучать уже с восьмого класса. Так ли это, я не знаю.

(Реплика присутствующих: „Да, изучение русского языка в этом классе уже заканчивается“.)

Вот именно, заканчивается. Русскому языку я вот учусь всю жизнь и не могу научиться.

Вот такая странная программа в наших школах.

Вот я вчера присутствовал на концерте в Софийском соборе. Откуда-то из толщи веков я услышал голоса наших предков, которые жили и трудились на этой земле. Это потрясающее впечатление было. Вы живёте в таком месте, в котором много традиций. Но, к сожалению, у нас, русских людей, очень часто бывает такое свойство: мы не замечаем почему-то достоинств собственных мест,

всё стремимся куда-то далеко-далеко. А то, что рядом – не замечаем. Я бы хотел, чтобы вы избавились от этого свойства. Вы даже не знаете, что вы ходите по священным камням, по священной земле.

Вы понимаете, хотя столько веков прошло, чувствуется удивительное родство вот с теми новгородцами, которые жили на этом месте, страдали, боролись, работали, трудились, строили этот город. Вообще это очень своеобразный был народ. Не знаю, как сейчас, может быть, вы ещё сохранили какие-то свойства новгородцев...

Теперь уже родились поколения, которые не хотят заниматься ни животноводством, ни полеводством. Это страшно. Если у меня сердце болит о крестьянстве нашем погибшем, и продолжающем погибать, то как я могу молчать об этом?

Несколько тысяч деревень уничтожено, фактически директивой сверху. Это уничтожение продолжается и сейчас, как ни странно. Нужно сохранить каждую деревню, каждый дом сохранить. Нужно хранить каждый родничок, ведь с родничка начинается засорение и отравы...

Вот Волхов течёт из Ильменя, а Ильмень собирает окрестную воду. Вот так и литература: не может она жить на пустом месте, она идёт из глубин.

Если говорить о языке, он трансформируется, но очень медленно и почти незаметно. Я могу читать тексты, которые были написаны современниками Ярослава, отца Александра Невского. И вы должны знать и читать этот текст.

В. Распутин

Я бы хотел поздравить всех вас, верующих и неверующих, с этим огромным великим праздником, 1000-ле-

тием крещения.

Потому что дата эта настолько огромна и несёт она в себе так много всего, так много всего, что связано не только с религией, что связано с нравственностью нашей, с философией, с чувствованием народным, с опытом связано, с языком, наконец, и с космическим и образным представлением мира.

С принятием христианства наш человек изменился слишком. Это можно, наверное сравнить с тем, как если бы русский человек, имея тело, получил душу. Древняя Русь, имея землю, получила небо.

Историки сейчас говорят о том, что православие пришло с возникновением в Древней Руси феодального государства и пришло для того, чтобы освятить эти формы государства. Правильно, чтобы их освятить, потому что Церковь – это часть государства и Церковь нуждается в крепком государстве.

Но оно пришло прежде всего для того, чтобы освятить человека, чтобы показать ему на то поле в нём самом, на то духовное поле, которое требует возделывания ничуть не меньше, чем поле хлебное. И наверное все-таки православие с этим справилось совсем неплохо.

Неплохо справилось. Потому что у нас была, если говорить об этом уже перескакивая через века христианства, если говорить о посевах его, о посевах этой религии, у нас наверное была самая лучшая литература в мире. Литература, воспитанная как раз вот на тех призывах, которые проповедывало христианство.

Это была совсем особая литература, литература, как бы налитанная нравственностью, налитанная духовностью и нравственностью, которая достигла таких высот, на которые очевидно не поднималась ни одна литература в мире.

Когда читаешь Достоевского, когда читаешь „Братьев Карамазовых“, когда читаешь его легенду о „Великом Инквизиторе“, – это не человеком написано, не творцом. Это считано глазами ангела, откуда-то, с какого-то текста, к которому человек не имел отношения.

Уж не буду я много говорить, хотя, наверное, хорошо зная эту легенду, много мог бы говорить о правде Великого Инквизитора. Это тяжелая правда, это правда как бы выпадающая в осадок. Страшная правда. Правда притягивающая человека только и лишаящая его небесности.

Но вот там он говорит как раз о том, что Господь, когда Он упрекает Христа, что Ты мало уважал человека, потому что задал ему слишком большую нагрузку. Если бы больше уважал, то бы спрашивал с него меньше, и меньше была бы ноша его, и легче было бы ему, наверное, её вынести.

Но очевидно все-таки Христос спрашивал именно столько, сколько нужно человеку, чтобы стать человеком. Меньше – получился бы недорост, не получился бы полный человек. Получилась бы искривлённость позвоночника. Нарушение той связи, которая должна существовать у человека между внешним и внутренним.

Но, к сожалению, произошел соблазн чудом, о котором Великий Инквизитор говорил, когда он говорил о том, что человек ищет Бога только для того, чтобы найти в Нём чудо. Соблазн чудом произошёл. Это борьба со злом, борьба между добром и злом, она кончилась, к сожалению. К сожалению, победой все-таки чуда.

И искусство. Искусство уже на рубеже прошлого и будущего веков и перед революцией, искусство тоже принялось соблазнять человека спорами и близкими путями, которыми он может достигнуть желанного рая.

Столько человек действительно искал этого рая, столько он боролся со своим злом, что почёл, очевидно, себя уставшим, решил, что хватит уже бороться с этим злом и сдался. Вместо того, чтобы искать зло в себе и бороться с этим злом, он стал искать вокруг это зло, вокруг себя, и бороться с этим злом.

Вместо того, чтобы искать любви к ближнему, он стал говорить о всемирном братстве. И так случилось во всём. Человек оказался лишенным духовности. Человек кинулся вот на такую легкую приманку. И произошло в общем-то то, что произошло.

То, что сейчас мы называем духовностью, то, что мы сейчас называем нравственностью, это, во-первых, далеко от своих первоначальных понятий, это замусорено, и когда начинаешь об этом говорить, пытаешься добиваться все-таки каких-то старых понятий, старых истин, понятия совести, то тут-то вот и воспоряют нынешние прогрессисты – они сразу же причисляют нас к реакционерам. Они говорят, что это всё отжило уже, что сейчас все эти понятия должны иметь какое-то особое лицо, и то, что должно быть вечным, получило уже совершенное обозначение. Нужно ли это? Наверное, все-таки не нужно. Хлебами земными мы, наверное, накормим народ, но это опять-таки будут хлебы земные. Это будет та правда, которую говорил Великий Инквизитор, когда спрашивал с Христа. Это будет опять-таки то, что есть, когда человек принадлежит догмам. Это то же самое будет, что называлось: „родила козявка козявку, козявка поползла и умерла“. Никогда человек с этим не согласится. Не можем мы с этим согласиться, чтобы остаться на положении козявки, когда мы ищем только способа жизни и отказываемся от смысла жизни, от поисков смысла жизни.

Может кто-нибудь сказать, каков сейчас наш смысл жизни, где наши идеалы? Сейчас мы остались совсем без идеалов. И с кого за это спрашивать? С перестройки спрашивать, или с нас спрашивать все-таки за это нужно? И где искать эти идеалы? Вот это, наверное, важно.

Не согласимся мы со своим низменным положением, будем искать идеалов, будем искать и небесности, не только земности, но и небесности своей. И худо ли, хорошо ли – коли будем искать, наверное, их таки и найдем. Память может подхватиться мыслью, а мысль может подхватиться действием – значит мы живы!

II. Проскурин

Когда-то, много веков назад, брошенное в землю живое семя продолжало из года в год, из века в век, прорастать и укореняться на славянских пространствах. Оказалось несостоятельным вульгаризаторское утверждение, что мы с вами родом всего лишь из Октября.

Мы были и есть родом неизмеримо глубже. Мы родом из самой сердцевины человечества, из тех самых, подстилающих землю гранитов. А между тем, пепел великой культуры, насильственно вырванной из контекста истории, продолжает неосызаемо оседать на города, улицы и площади безалаберным, а то и глумливым переименованием.

А ведь, если вслушаться в звон истории, то ведь многое можно почувствовать и услышать. И окажется, что Калинин, это именно Тверь. Что город Горький никакой не Горький, а Нижний Новгород.

Без этих и ряда других переименованных городов немыслима вообще русская история, и не понятен русский народный характер. Вульгаризаторский взгляд на историю и её процессы привёл нас к разрушению во многом национальной культуры.

Можно спросить: а что толку жалеть об этом, если, кажется, и сам народ, у которого пытались отнять историю, был столько лет равнодушен к этому? Да и проснулся ли он сейчас? Да и проснётся ли теперь когда-нибудь после столь иссушающих и многократных кровопусканий, вполне вероятно, запланированно скорректировавших не только генную, но и саму историческую память народа?

На этот вопрос можно ответить только одно – надо звать, будить и бороться!

Е. Пашнин

Проповедь убогого Серафима Саровского о перестройке

Покосившаяся избёнка,
Плач овцы, и вдали на ветру
Машет тощим хвостом лошадёнка,
Заглядевшись в неласковый пруд.
Это всё, что зовём мы родиной,
Это всё, отчего на ней
Пьют и плачут в одно с непогодиной
Дожидаясь улыбчивых дней.

С. Есенин.

Ясным соколом облетела нашу страну весть, закружилась над Москвой, всколыхнула русский люд, подвигла его к стольному Дворцу спорта „Крылья Советов“ в день памяти преподобного Серафима Саровского 15 января 1989 года. Редакция «Нашего современника» созывает патриотов на праздник „Краски и голоса России“.

Уже от платформы Сетунь плотная колонна россиян мощным потоком хлынула к Дворцу спорта под настойчивые возгласы: „У вас нет лишнего билетика?“ Все эти люди шли к месту воскресения Руси.

В фойе, среди прижавшихся друг к другу людей, я разглядел молодого учёного Владимира Мигунова, собирающего подписи под обращением верующих Севастопольского района г. Москвы вернуть им уникальный

памятник столицы – церковь св. князя Владимира и страстотерпцев Бориса и Глеба, построенную талантливым русским зодчим Иваном Бухвостовым в честь празднования 700-летия Крещения Руси, и ныне переданную медицинскому профилактическому молодёжному центру под руководством Шарец Ю. Д. для производства сеансов парапсихологии, окултных наук и черной магии. Вокруг Владимира Мигунова особенно возмущаются люди, над которыми возвысилась скульптура В. М. Клыкова „Сергий Радонежский“. Лик святого выражает сосредоточенность. Кажется, Сергий Радонежский вот-вот выйдет из молитвы и, как более пятисот лет назад, благословит этот люд на ратный подвиг. На противоположном конце зала воздвигнут католический крест, на котором распят В. Высоцкий с терновым венком на голове. Средних лет женщина полушепчет: „Это распята Россия“. Я не могу с этим утверждением согласиться уже потому, что: „Зачем смеяться над Россией, распятой на звезде Кремля?“ Мимо пробежал с телерепортёрами талантливый московский график Юрий Селиверстов, работы которого выставлены на этом вечере. Трибуны заполнены народом. Продано 4300 билетов и около 500 человек прорвалось силовым приёмом безбилетно. В. Коротич назвал бы их придурками из черной сотни. „Придурки“ восприняли бы слова В. Коротича как затянувшуюся первоапрельскую шутку, напомнив, что «Огонёк» был образован 1 апреля 1923 года. У меня же перед глазами встала смутная эпоха Минина и Пожарского, когда из черни формировались сотни для спасения отечества от иноплеменников. Разве могли знать эти сотни из простонародья и мастеровых, эта „чернь“, что их патриотический порыв приобретёт оскорбительный оттенок в XX веке в презрительных словах народных недругов – „черносотенцы“. Но, повторяю, силовым приёмом прорвалось на трибуны около пятисот человек с дружным криком: „Даёшь перестройку по Распутину!“ В президиуме ведущие писатели «Нашего современника»: Викулов, Распутин, Белов, Солоухин, Бондарев, Проскурин, Кожинов, Бондаренко, Стрелкова, Фазу

Алиева, Куликов, Сергей Алексеев.

На вечере остро встал вопрос о нравственном воспитании народа, о том, что произвол номенклатуры сменился произволом средств массовой информации, которая взяла на вооружение худшие стороны народной жизни: порнографию, проституцию, гомосексуализм, нецензурщину и т. п., призывая узаконить эти порочные явления в нашем обществе.

Бездуховность уже привела к тому, что земля оказалась вытравленной химией, вместо зелёных лесов огромные площади покрыты гнилыми пнями, а над всем этим детородным органом встали ракеты с ядерными боеголовками. Какое наследство дадут эти ракеты показал Чернобыль.

Основной тезис вечера „Краски и голоса России“ – Россия поднимается с колен и вытаскивает кляп из рта! – который убедительно был подтверждён ансамблем песни и пляски, вызвавшим у присутствующих такой энтузиазм, что все, горячо аплодируя, стали петь вместе с ансамблем, как бы образовав общий хор. Здесь действительно Россия поднялась с колен, вытащила кляп из рта и вошла в радость бытия, совершенно забыв об обидах и горечи, простив недругов, устремившись к тому идеалу красоты, которому, по словам Достоевского, надлежит спасти мир.

Вечер „Краски и голоса России“, организованный 15 января 1989 года «Нашим современником», явился речевой в святоотечественной литературе проповедью убогого Серафима Саровского о перестройке, о воскресении Руси.

Если крикнет рать святая:
„Кинь ты Русь, живи в раю!“
Я скажу: „Не надо рая,
Дайте родину мою“.

С. Есенин.

Январь 1989 г., Москва.

Письмо Советскому правительству по национальному вопросу*

* Предлагаемый вниманию читателей «Вече» важный документ – „Письмо Советскому правительству по национальному вопросу“ – был адресован XIX партийной конференции, около года назад. Подписанное многими деятелями культуры России, это „Письмо“, однако, не было своевременно обнародовано (опасение, высказанное в самом тексте Документа), не нашло никакого отклика в работе упомянутой конференции. Возможно, оно будет рассмотрено на предстоящем Пленуме ЦК КПСС по национальному вопросу... Документ даётся по тексту, опубликованному малотиражным изданием – (органом Иркутской писательской организации) «Литературный Иркутск», с некоторыми сокращениями. *Ред. «Вече».*

В последние годы сложилась ненормальная и опасная ситуация в области национальных отношений народов СССР. Этим обеспокоены и органы массовой информации, вызывая к чувствам интернационализма представителей разных национальностей.

Но можно ли сводить национальные перекосы к культурно-психологическим категориям? – а возобладала именно такая тенденция. Уходить от решения этих проблем – значит „загонять болезнь внутрь“. По-видимому, эти вопросы нужно решать, исходя из сложившейся социально-демографической ситуации.

В чём заключаются эти перекосы? Мы не будем касаться всех республик, но лишь Российской Федерации.

Существующее положение

Россия оказалась в семье народов СССР на положении Золушки.

Экономика. Российская Федерация занимает ведущее положение как в развитии экономического потенциала страны, так и в госбюджете СССР, но *жизненный уровень в республике самый низкий.*

Возьмем из нашей каждодневной жизни лишь один пример.

Мы, русские, за баснословные цены покупаем на рынке для детей и больных, отказывая себе во всём, буквально на граммы цитрусовые у, не скрывающих свое презрение к нашей бедности, южан. Да и в магазине цены на них превышают от 20 до 35 раз стоимость хлеба или картошки – продуктов, выращиваемых тружениками России. А ведь на производство той и другой продукции требуется почти столько же труда! И не даром на мировом рынке эти цены приравнены друг к другу или составляют разницу не более двух-трёх раз.

Ненормально раздутая разница целиком и полностью ложится в бюджет этих республик. А это значит, что у южан выше прожиточный минимум, лучше жильё, лучше дороги, почти у каждой семьи – автомобиль и т. д.

Это лишь один пример из многих, но он сам за себя говорит, и не нужно быть экономистом, чтобы понять, что здесь что-то неладно. Тревога за судьбу народа заставляет нас проявить интерес к таким проблемам экономики, как формирование бюджета и политика цен.

Стало известно, что у нас в Законе о государственном бюджете заложено, оказывается, экономическое неравенство между республиками. Наибольшими льготами пользуются те республики, которые вносят наименьший вклад в общесоюзный бюджет. Ведь подоходный налог составляет их полную собственность, тогда как общесоюзный бюджет формируется преимущественно за счёт РСФСР. Эта несправедливость заложена в распределении дохода от товарооборота и по многим другим статьям финансирования.

Эта система льгот была принята при формировании СССР в целях создания условий, способствующих развитию некогда отсталых народов, как оказание братской

помощи. Но развитие народов пошло так быстро и успешно, что уже к 1930 году они догнали нас, и надобность в льготах отпала. Но льготы сохраняются и по сей день, создавая обратное неравенство: наиболее развитая экономически страна РСФСР, с трудолюбивым народом с высокой, унаследованной от прошлых поколений культурой труда, доведена до *крайне низкого прожиточного уровня*. Неравенство возрастает в прогрессии. Ясно, сколь пагубно может сказаться это на дальнейшем развитии экономики и политической стабильности нашего государства.

Сельское население Российской Федерации вынуждено нередко уходить в город для обеспечения хотя бы минимального прожиточного уровня. Города РСФСР с высоко развитой промышленностью хуже других снабжаются мясо-молочными продуктами, хотя республика производит более половины их. РСФСР вырабатывает большую часть электроэнергии и машин, но энерговооруженность сельского хозяйства ниже других республик. Значительно хуже дело обстоит с дорогами и, в особенности, с жильём. В Москве, например, более 10 процентов населения живёт в общежитиях, а норма жилья самая низкая – менее 5 кв. м. на человека. Это – в столице!..

Начиная с 20-х годов и вплоть до настоящего времени, Россия стала ареной сомнительных экономических и научно-технических экспериментов, подрывающих её экономику, разрушающих экологию: гидроэнергетика, которая вывела из строя плодороднейшие земли, водные ресурсы, рыбохозяйство и т. д.; уничтожение „неперспективных“ деревень; внедрение вредных проектов типа переброски северных рек; возведение атомных электростанций с неизученной системой захоронения радиоактивных топливных отходов, вопреки научным рекомендациям не строить близ крупнейших городов и у истоков больших рек, ввиду вероятности глобальных катастроф, последствия чего сегодня уже ясны всем. Между тем, известно, что с 1978 года большинство стран мира отказалось от сооружения атомных электростанций.

Более других республик РСФСР в своём бюджете пос-

тавлена в зависимость от продажи наркотиков – алкоголя и табака. Последствия этой политики Госплана теперь уже вполне очевидны.

Всё это самым непосредственным образом сказывается на **социально-демографической** ситуации в России, и в особенности – русского народа. По большинству жизненно-важных показателей РСФСР оказывается отброшенной назад по отношению к другим республикам. **Россия, которая до революции занимала первое место по приросту населения, теперь имеет самый низкий уровень рождаемости.** Прирост населения обеспечивается лишь за счёт ассимиляции с другими народами, охотно принимающими русские имена и фамилии.

При низком прожиточном уровне мужчина не может обеспечить семью. Происходит её распад. Женщинам приходится много трудиться, в том числе на тяжелых физических работах и на вредных производствах. Матери не могут уделять достаточно внимания воспитанию детей, а при широком распространении алкоголизма и наркомании катастрофически возрос процент рождаемости неполноценных детей. Школы-интернаты для них переполнены. Опасных размеров достигла детская смертность. А сколько на кладбищах могил юношей и девушек, едва достигших совершеннолетия! В этих детях, несчастных жертвах социальной несправедливости, наше будущее?! Будущее народа – наследника Дмитрия Донского и Сергия Радонежского, Андрея Рублева и Сурикова, Пушкина и Лермонтова, Глинки, Мусоргского и Чайковского, Толстого и Достоевского, Чернышевского и Ленина?! Будущее народа, который **трижды** спасал себя и Европу от Золотой Орды, Наполеона и Гитлера...

При существующей ситуации, по имеющимся прогнозам специалистов, уже **через поколение русское население сократится вдвое.**

Столь же неблагоприятно обстоит дело в **кадровой и квалификационной политике.** Русские оттеснены во всех сферах, составляющих верхушку так называемой социальной пирамиды: в управлении, науке, творческих организа-

циях, словом, там, где формируется национальное самосознание.

Мощным механизмом **дискриминации русских** стала система аттестации научных кадров Высшей Аттестационной Комиссией Совмина СССР. Это совершенно очевидно из статистики: официальные публикации сообщают, что 45 % докторов и кандидатов наук по отношению ко всем народам Советского Союза занимает национальность, которая по численности составляет 0,69 % от всего населения. Ясно, что цифра эта создаётся не сама собою. ВАК полностью заслуживает наименования „генетически самовоспроизводящейся модели национального перекося в науке“. Представим теперь, если бы статистика показала противоположное, и эта диспропорция выпала бы на долю, скажем, литовцев, чукчей или... русских! Можно вообразить, какие вопли раздались бы во всём мире – о „нарушении прав человека“, об „имперских притязаниях националистов“ и т. п. и другие, ставшие привычными, нападки определённых кругов Запада на нашу систему.

По принципу „освободить науку от русских“ прошла переаттестация в институтах Академии наук СССР. Русские во многих случаях были освобождены от должности или переведены на более низкую ставку, а представители других национальностей повышены. Многие из них занимают две-три высокооплачиваемые должности.

Политическое устройство РСФСР и административное руководство имеют урезанную государственную структуру по отношению к другим республикам. В России нет республиканских ЦК, КГБ и Академии наук, Академии художеств, Консерватории и т. п. По существу, в настоящее время положение подходит под троцкистско-сионистскую программу – „Федерация для национальностей с отдельными центрами, без отдельного центра для русских“, которая в свое время развенчивалась Лениным (см. ПСС, т. 22, стр. 229 - 230). Ныне русские оказались бесправными в своей стране!

В области **идеологической жизни** положение достигло

предельной остроты. Органы массовой информации: телевидение, радио, пресса взяли открытый курс на русофобию, бойкотируя защитников русской культуры, предоставляя „зеленую улицу“ её ниспровергателям и даже предателям Родины. Невозможно себе представить, что и сегодня, в условиях гласности и демократии, наше письмо будет обнародовано, хотя в нём приводятся общеизвестные и объективные факты.

Активно насаждаются западные вкусы: рок-музыка, абстрактное безыдейное и формалистическое искусство вплоть до порнографии в живописи и сатанизма в кино. Как по договорённости разом закрылись – Третьяковская галерея, Исторический и Русский музеи, Эрмитаж, Большой театр, культурные центры во многих областных городах. Всё это происходит с ведома и при попустительстве организаций, ответственных за этот фронт нашей духовной жизни. Чуждые нам явления активно пропагандируются адептами странно понятой „перестройки“, взявшими на себя роль учить советский народ „интернационализму“, призывая к оголтелой „охоте на ведьм“ в унисон западной пропаганде, – учить тех, кто имеет другое представление об интернационализме, – не как эпигонскую погоню за космополитической „культурой“ Запада.

После того, как в нашей стране было уничтожено, вопреки воле народа, невиданное количество памятников истории и культуры (неизмеримо больше, чем фашистами в Великой Отечественной войне, – в одной Москве более, чем 2000), этот процесс продолжается безостановочно и по сей день.

За последние годы вывезено и выкрадено при выезде из страны за рубеж национальных сокровищ культуры нашего народа на 40 - 60 миллиардов рублей!

РСФСР – единственная республика, в школах которой не изучают историю страны и родного края, как самостоятельный предмет. Россия была одной из первых стран мира, где природоведение было поставлено на научную основу, но вот уже 60 лет как этот предмет изъят из учебных программ. **Народ, лишенный своих духовных цен-**

ностей, обречён на вымирание.

В этой связи стоит напомнить слова Н. М. Карамзина: „Я не смею думать, что у нас в России было не много патриотов, но мне кажется, что мы излишне **смиранны** в мыслях о народном своём достоинстве, а смирение в политике вредно. Кто сам себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут“.

Оно и выходит, что народ, протянувший руку братской помощи, выступает ныне в роли „Ивана-дурака“...

Полагаем, что назрело время для принятия необходимых срочных мер по оздоровлению сложившейся ситуации. Для исправления положения

предлагаем:

1. В области экономики взять за основу самофинансирование республик, самокупаемость республик и областей. Пересмотреть и отказаться от системы дотаций республикам из союзного бюджета, кроме исключительных случаев – стихийных бедствий и непредвиденных обстоятельств. Соблюдать пропорциональность налогообложения по республикам. Бюджетная политика и политика цен не должны создавать условия для возникновения диспропорций прожиточного уровня между республиками.

Обеспечить равенство в пропорциональном отношении бытовых условий, развития инфраструктуры в соответствии с конкретными климатическими условиями и территориальными преимуществами.

2. Рассмотреть вопросы о мерах сохранения нормального естественного прироста населения РСФСР путём более последовательного проведения принципа обеспечения жильём в зависимости от состава семьи и количества детей, оказания финансовой помощи, усиления борьбы с алкоголизмом и наркоманией и т.п.

3. Соблюдать принцип пропорционального представительства наций на всех уровнях – начиная от низкооплачиваемых и физически тяжелых работ, и кончая сферой управления. В особенности строгое соблюдение этого

принципа необходимо в области формирования научных и творческих кадров, в их подготовке и аттестации, в органах массовой информации и пропаганды.

4. Ввести в Конституцию СССР дополнительную статью о том, что Палата Национальностей Верховного Совета СССР должна следить за фактическим равенством республик в области экономической и кадровой политики.

5. Создавать в РСФСР государственную структуру, которая существует в каждой республике СССР и которая включает в себя такие партийные, административные и ведомственные организации как ЦК, КГБ, Академия наук, Академия художеств, Консерватория, с соблюдением пропорционального национального представительства в них. Эти учреждения могут быть обеспечены штатным составом за счёт сокращения союзных учреждений, а также институтов и академий, не оправдавших себя. Целесообразно, по-видимому, создание над всеми республиканскими подразделениями координирующих центров.

6. Необходимо пресекать открытую и завуалированную пропаганду русофобии, прикрывающейся лозунгом „борьбы с национализмом и шовинизмом“. Допускаемые здесь извращения и ошибки стимулируют националистические настроения в республиках.

7. Усилить патриотическое воспитание молодёжи. Ввести в РСФСР преподавание истории своего народа, родного края, как это имеет место в других республиках. Поднять на должную высоту краеведческую работу.

8. Разработать действенную программу законодательных мер для предотвращения в будущем практики разрушения памятников истории и культуры.

9. Ввести в законодательство статью об ответственности лиц и организаций, которые своей деятельностью наносят непоправимый вред природе, нарушающий экологическое равновесие её структур, сказывающийся на здоровье населения. Поставить под строгий контроль общественной экспертизы всё природопреобразующие проекты.

10. Усилить контроль ЦК КПСС над радио, телевидением и прессой, запретить законом музыкальную наркоманию (рок-музыку, тяжелый рок, металлистов и т. п.). Поставить заслон пропаганде художественных вкусов Запада, утверждая национальные традиции.

Если Россия не получит равноправное положение среди других республик, принцип интернациональной политики ныне грозит превратиться в беспочвенную декларацию. Затронутые вопросы, как мы полагаем, касаются не только РСФСР, но и таких республик, как Украина, Белоруссия и республики Прибалтики.

Известно высказывание В. И. Ленина, что „интернациональное не есть антинациональное“. И разве интернационализм ставит условием судьбу одного народа приносить в жертву другому, вплоть до полного самоуничтожения? Подлинный интернационализм может основываться только на равноправии наций.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СООБЩЕНИЯ

Семинар ХПС

4 марта 1989 года в Москве состоялся, организованный Христианским Патриотическим Союзом семинар на тему „Алкоголизм в СССР и пути его преодоления“. Семинар открыл вступительным словом председатель Христианского Патриотического Союза **В. Н. Осипов**, который предоставил слово московскому поэту **Алексю Маркову**, начавшему свое выступление четверостишем:

Погоняет ворон ворона,
Даль темна от воронья.
Вся Россия разворована,
Покраснела от вранья.

Доклад секретаря Христианского Патриотического Союза **Е. И. Пашнина** „Взгляд из России“ вызвал бурные аплодисменты присутствующих.

Член Академии медицинских наук СССР, лауреат Ленинской премии **Ф. Г. Углов** прислал свой доклад „Страшные последствия алкоголизма“, который был зачитан **В. В. Садовниковым**.

Живой интерес вызвал доклад **М. Ф. Чернышова** - „Роль Церкви в борьбе с алкоголизмом“.

Е. И. Никитенко из Риги рассказал участникам семинара о положении в Латвии, где русскоязычные народы поставлены в условия негров в США. **В. М. Донских** в своем докладе показал экономическую заинтересованность административно-командной бюрократии в спаивании народа. Из Ленинграда выступил **В. К. Громов**.

Участники семинара выслушали также выступления **Ю. А. Аксёнова**, **Е. Е. Дергунова**, **Е. А. Ильюшиной**, **Н. Н. Лызлова**, **К. Ф. Загоруйко** и ряда других. Всего на семинаре выступило 14 человек.

Семинар выработал обращение к Синоду Русской Православной Церкви с просьбой возглавить движение за

трезвость и обращение к высшим органам советской власти, содержащем призыв неукоснительно выполнять принятые ранее законы о борьбе с алкоголизмом.

Участники семинара приняли активное участие в дискуссии по докладам.

Материалы семинара будут опубликованы в отдельном сборнике.

Председатель ХПС Осипов В. Н.
Секретарь ХПС Пашнин Е. И.

ОБРАЩЕНИЕ

к

Патриарху Московскому и всея Руси ПИМЕНУ

Ваше Святейшество!

Нам известно Ваше неизменное печалование о положении Отечества и Народа. В цепи несчастий, обрушившихся на нас к исходу XX-го века, едва ли не самым губительным явилось пьянство, выросшее за истекшую четверть века до размеров национального бедствия.

Как считает известный поборник трезвости Федор Григорьевич Углов, в период 1965 - 85-х годов у нас произошла бурная алкоголизация народа. В одном только 1983 году на каждого советского человека, включая младенцев и мусульман, было выпущено 60 бутылок водки. Вся она была выставлена в магазинах, продана и выпита. 40 миллионов хронических алкоголиков и пьяниц в стране – это страшная цифра! Но и она не стоит на месте, а постоянно растёт. Женский алкоголизм растёт быстрее мужского.

В 1982 году 3,5 % родившихся в нашей стране – это дети-уроды, рождающиеся без ручек, ножек, и самое

страшное, без разума. А ещё 13 % родилось с отклонениями средней тяжести от нормы. В итоге, 16,45 % родившихся у нас в 1982 году детей были ненормальными, то есть каждый шестой родившийся ребёнок – ненормальный, урод или дебил. Алкогольный пожар, бушующий над Россией грозит не только нравственному, духовному, но даже биологическому существованию народа. Нельзя безучастно смотреть на это пламя. Гибнет страна, нация!

Однажды, когда уже возникла алкогольная опасность в отечестве, Православная Церковь уберегла народ, возглавив и вдохновив всеобщее движение за трезвость. Россия стала тогда абсолютно трезвой.

Христианский Патриотический Союз провёл опрос общественного мнения, итогом которого стал состоявшийся 4-го марта с/г в Москве семинар „Алкоголизм в СССР и пути его преодоления“. И специалисты, и просто христиане и патриоты – все единодушно считают, что только Церкви по силам избавить народ от алкогольной чумы. Христианский Патриотический Союз, опираясь на общественное мнение, просит Вас, Ваше Святейшество, возглавить всенародную борьбу за трезвость во имя духовного и физического спасения народа.

Возносим молитвы Господу о Вашем здравии!

Христианский Патриотический Союз, участники семинара „Алкоголизм в СССР и пути его преодоления“.

Председатель ХПС **Осипов В.Н.**
Секретарь ХПС **Пашнин Е.И.**

Москва, 4 марта 1989 г.

ОБРАЩЕНИЕ

к

Председателю Президиума Верховного Совета
СССР **Горбачеву М. С.**

Председателю Совета Министров СССР

Рыжкову Н. И.

Важные и неотложные меры по ограничению и ослаблению эпидемии алкоголизма, принятые в 1985 году нашли понимание и поддержку у всех патриотов. К сожалению, сегодня, на четвертом году реализации этих решений, мы вынуждены признать, что прежней решимости в искоренении опасного зла нет ни у руководства страны, ни, тем более, у властей на местах. Всесоюзное общество борьбы за трезвость обюрократилось в колыбели. Выдающийся борец за трезвость, академик Ф. Г. Углов был вытеснен из этого общества, хотя именно он должен был бы его возглавлять. Подлинно трезвенническое движение лишено возможности излагать свои взгляды в средствах массовой информации. Печать, радио, телевидение практически прекратили антиалкогольную пропаганду. Больше того, раздались злорадные голоса о провале правительственных мер 1985 года и ненужности подобных решений.

Однако вопрос не в том, что постановления 1985 года провалились. Вопрос в том, что они остановились и не доведены до конца. Горько сознавать, что наша номенклатура по-прежнему глуха к призывам выполнять антиалкогольное законодательство.

Когда Христианский Патриотический Союз, в частности, обратился в Моссовет, а также в райсоветы народных депутатов города Москвы с просьбой о предоставлении помещения для проведения семинара „Алкоголизм в СССР и пути его преодоления“ большинство инстанций

ответило нам, что для такой цели у них помещений нет. Лишь один Бабушкинский райсовет согласился предоставить помещение для семинара, но только для того, чтобы в самый канун мероприятия объявить об отказе с целью срыва, ибо все участники уже были оповещены месте и времени.

Мы, участники семинара, состоявшегося в Москве 4-го марта 1989 года по инициативе Христианского Патриотического Союза обращаемся к вам с призывом довести до конца ваши собственные решения 1985 года по изжитию алкоголизма в стране. В числе прочего, просим вас, провести всенародный референдум о введении „сухого“ закона. Пусть народ сам решит – вводить „сухой“ закон, хотя бы временно, на одно поколение, или нет. При этом, разумеется, должна быть допущена полная свобода пропаганды для сторонников трезвости.

Христианский Патриотический Союз, участники семинара „Алкоголизм в СССР и пути его преодоления“.

Председатель ХПС **Осипов В. Н.**
Секретарь ХПС **Пашнин Е. И.**

Москва, 4 марта 1989 г.

**Адреса для связи с
Христианским Патриотическим Союзом:**

249810 Калужская обл.
г. Таруса, проспект Пушкина, д. 37
Осипов Владимир Николаевич

601601 Владимирская обл.
г. Струнино, ул. Труда, д. 5
Пашнин Евгений Иванович

ЛИСТОВКА ХРИСТИАНСКОГО ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЮЗА

За духовное и биологическое спасение народа!

СООТЧЕСТВЕННИКИ! ПАТРИОТЫ!

Нет человека, у которого не было бы дорогих ему могил. И приходя к ним, все, наверное, встречали на кладбищах забытые, заросшие травой могилы, на надгробных камнях которых, если они сохранились, невозможно прочесть имя того, кто здесь нашёл свой последний земной приют. Забытые? А может не осталось тех, кто помнил бы? Одни ушли из этой жизни, не оставив потомства, род других был безжалостно вырван...

ХРИСТИАНСКИЙ ПАТРИОТИЧЕСКИЙ СОЮЗ ПРИЗЫВАЕТ ВСЕХ СОГРАЖДАН

присоединиться к нашему движению по приведению в порядок кладбищ. Давайте сделаем так, чтобы к великому христианскому празднику Воскресению Господа нашего Иисуса Христа не было ни одной заброшенной могилы!

Потомки великих героев России, будем свято хранить всё, что дорого нашей Отчизне: „и людей, и обычаи, и стены, и камни, и гробы!“.

ХРИСТИАНСКИЙ ПАТРИОТИЧЕСКИЙ СОЮЗ

г. Москва, 1989 г.

ПИСЬМО СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

Дорогие друзья!

Есть у меня идея – вполне в новых условиях осуществимое практическое дело. Долговременное. Непретенциозное, то есть без умысла влиять на политику. Небольшое: всего лишь устроить в Москве библиотеку и магазин **КНИГИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ**.

Каковы общие предпосылки осуществления этой скромной идеи? Ну, во-первых, то, что любую неперIODическую литературу в настоящее время можно свободно получать с Запада. Собственно, для мыслимой мной цели – довольно. Если, конечно, не заноситься в эмпирию и не забывать того, что у нас не то, что богословской литературы нет, у нас двухтомник Пушкина стоит на чёрном рынке от 40 до 80 рублей (половина средней учительской зарплаты). Так что если Пушкин придёт к нам (в хорошем переплёте – для долговременной, переходящей по наследству домашней библиотеки) с Запада и проедет в нашем фургоне мимо кислого носа спекулянта прямо на завод, в школу, на фабрику, на площадь районного городка, то и тогда нам Господь Бог спасибо скажет. Где столько Пушкина, на нашу-то ораву, наберётся на Западе? Для начала кое-что есть, а там книгоиздатели, увидев, что дело не убыточное, рынок большой, лицензии в порядке, проявят естественную активность.

Но и богословской, исторической, мемуарной литературе найдётся здесь первейшее применение. Однако не так, чтобы всем этим окончательно разориентировать простодушного человека, утопить его бедное воспаленное сознание, а по-грибоедовски: „с чувством, с толком, с расстановкой“. Значит, при всём этом наплывающем богатстве надо учреждать учёный совет. Он будет заново всё прочитывать и аннотировать, подчиняя свой труд одному православному духу. Это ведь только кажется так,

что вся Россия разбазарилась. А между тем сидели мы тут десятками лет без общественной жизни, как запечные сверчки, для того (по Божьему промыслу), чтобы в томлении сил выплакивать и осознать чистоту Православия. Так что собрать на учёный собор хороших, умных, не страдающих манией величия ребят (позволю себе такое ласково-уничижительное слово) – это теперь возможно. А если так, то пора сказать и об условии работы. Ребята мои ласковые по всей Руси рассыпаны – яко горсть золотого песку. Живут иногда так, что обмирает всякое воображение. Конечно, кто там у властей, кто в законе, вякнет, чтобы брали только с московской пропиской, обязательно вякнет, а дело-то требует не того, а прописки у Господа Бога. Но я думаю, что это можно будет сломать – не шибко ведь и мы боязливые. В конце концов, если малость разживёмся, свои домики поставим (я там хорошее место на Москва-реке приметил!). Но я думаю, что когда всё это рассудят, пойдут навстречу. Мы, ясное дело, без политики, но вот политике без такого (в нелипких руках!) дела никак не обойтись. Ведь перестроечные планы растягиваются (я это без укора говорю), а живому человеку **сегодня** подай! Особняк не подашь, поросёнка жареного на блюде тоже, но кое-что можно и сегодня, чтобы человек по крайней мере себя человеком почувствовал. А что значит такое книжное дело? Это прежде всего поклон твоей семье – если в крестьяне не пускают, в дворяне выходи! Великое это дело – домашняя библиотека! Пить, есть и апартаменты иметь человек всегда хочет, но вот только теперь хочет русский человек два шкафа лучших книг. Хочет, чтобы первый осмысленный взгляд его ребёнка упал на теснённые золотом или сверкающие голубой кожей переплёты. Чтобы слух его с двухлетнего возраста был привычен к слову – „энциклопедия“. Да и о земле сказать! Человек не пойдёт к ней от дискотеки – боится волком завывать, но, слава Богу, мы ещё читаем! Мы ещё, слава Богу, с этими двумя шкафами в какую хошь землю вращём! А шкафы-то эти совсем недалеко стоят. Замечено, что **дворянин** не боится опрос-

таться – его достоинство в надёжном месте. Он требует только того, чтобы обеспечивалась сфера его возвышенной жизни, остальное он сделает своими руками.

Если же кто-нибудь, из здешних наших, меня не понял, то вот им живая картинка:

В шести километрах от Тарусы, где я живу, на той стороне Оки – музей художника Поленова. Место благодатное. Дом деревянный, мебель, портреты, книги. Впрочем, это и в любом музее есть. Но в этом всё сходится в такую умопомрачительную точку простоты и поэзии, что некоторые люди, прямо скажу, теряют голову: бросают всё и, пристроившись в какой-нибудь баньке на музейной территории, вкалывают задарма с утра до вечера – только бы жить здесь и плакать (о чём, Бог весть). Рай – другого не надо, до того всё едино, светло и свободно.

Так вот с этой стороны, если душу понимать, и надо потихонечку трогать. К тому же есть и ещё одно немаловажное соображение. А именно: с народным хозяйством у нас крепко заклинило, такая тут безнадёга, что, взирая на Бога, думаешь – может, это перст какой? Может Россия, в эти наступающие добрые времена, предназначена **экспортировать** один кислород? Ну, там гречку, лён, пеньку, коноплю, скатерть вышитую?.. Да ещё то самое, от чего пьянеют в Поленове сами музейные работники – первую радость каждодневного дыхания?.. Если на географию посмотреть, то это точно нам предначертано. Всё дело в том, в чьих руках мир будет, а не в том, чтобы догнать и перегнать по всем отраслям промышленности. И для амбиции нашей это нисколько не обидно, так как доказано уже исторически (до 17-го года), что русский народ способен создавать экономический уровень не хуже западного (а чё? могём!).

Итак, о конкретном начинании. Почему магазин **КНИГИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ**? Потому, что на данное время имеет смысл говорить только о наличном книжном фонде, а он создан за рубежом русским поселением. Остальное – перспективы. Я мыслю дело так, что прежде должна быть учреждена (на Западе) одноименная

фирма, то есть **КНИГИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ**. Она-то и будет основной коммерческо-академической единицей. На ней будет лежать не только труд сбора, закупки, заказа и пересылки (оптовой) книг в Россию, но и квалифицированная научная работа по идентификации издаваемой (по её заказу) книги с первоисточником. Всё книжное хозяйство фирмы работает в Москве под вывеской этой фирмы. А это значит, что московские работники – не кооператив, а постоянные служащие русской зарубежной фирмы. Только так дело пойдёт – и столичная коммерческая мафия нас не задушит. Фирма выходит на связь с министерством внешней торговли, как инстанция, заключает необходимый договор, оговаривает все условия, в том числе съём служебных помещений, а также ходатайствует о благоустройстве московских научных работников фирмы, граждан СССР.

Чем больше тираж книги, тем её себестоимость становится меньше. В будущем понадобятся громадные тиражи. Будущее окупит наше начинание. Для покупателя же книга будет радостной и доступной. Она должна быть наилучшего качества – не хуже тех, которые стоят на полках в Поленовском Доме.

Дело это пойдёт. Верю, что найдутся энтузиасты, пожертвователи – всё найдется.

Сообщаю свой адрес: 249810 Калужская область, г. Таруса, проспект Пушкина, дом 37 **Машкова Валентина Ефимовна**. Телефона, увы, нет (хотя обязаны были перенести его ещё в 79 году при переезде из бывшего дома; сначала ни за что 11 лет продержат по тюрьмам, а потом **за это же** всю твою жизнь и помыкают тобой!). Но будем надеяться на лучшее!

Ваши мысли, советы, предложения, Ваш опыт сообщайте. Да хранит Вас Христос! Благодарю за терпеливое внимание.

Преданная Вам Валентина Машкова.
Февраль 1989 г.

Р. С. Письмо получилось раскидистым (оно сразу писалось набело) и потребует много места в издании, которое его опубликует. Но мне так не хотелось составлять целевое письмо к тем, которых я люблю, к которым всегда с тоской, как по Родине, тянулась душа. Мои друзья, прочтя письмо, замахали на меня руками: „Да злопыхатели заподозрят тебя в том, что ты хочешь в Москве прописаться! Убери эти места!“ Но один не замахал, так как руки его были заняты ушатом с холодной водой: „Можно ли заподозрить Наполеона, стоящего под стенами Ауерштедта, что он хочет в нём прописаться?“

От редакции.

Замысел Валентины Ефимовны Машковой, о котором она повествует в своем письме русскому Зарубежью, чрезвычайно смел, даже может показаться кое-кому фантастическим. Тем не менее, уверенность в том, что будущее принадлежит не робким, а смелым, что многое, некогда казавшееся утопией, воплотилось в реальность, побудило нас поместить её письмо в «Вече». Тех читателей альманаха, кто пожелает оказать содействие Валентине Ефимовне в осуществлении её замысла, просим обращаться непосредственно к ней по указанному в письме адресу.

Юрий Штейн

Правосудие торжествует*

„Торжество правосудия“ – так озаглавил Шимон Черток, бывший советский, ныне израильский журналист, отчёт о процессе Ивана Демьянюка в ньюйоркской русскоязычной газете. И этот отчёт оказался единственным откликом с места события на страницах эмигрантской прессы.

Процесс завершился, приговор оглашен, но судебное дело ещё не окончено, и правосудие продолжает торжествовать. Демьянюк продолжает томиться (скоро уже три года!) в одиночной, подследственной камере иерусалимской тюрьмы. Она ему стала камерой смертника. А виновность, причастность его к инкриминируемым преступлениям даже формально ещё под вопросом.

Исполнение приговора было, как известно, отложено до рассмотрения Верховным судом Израиля поданой адвокатами апелляции, до пятого декабря. Но в назначенный день заседания апелляционной инстанции не состоялось. По причинам – о которых и пойдёт ниже речь.

Апелляция была подана в начале июля. Глава адвокатской группы Демьянюка, израильтянин Иорам Шеф-

* Подробности дела Демьянюка были изложены в статье Ю. Штейна „О судебном процессе в Иерусалиме“ в «Вече» № 30.

тель, опротестовал решение судей, представив конкретную аргументацию по следующим пунктам: предъявленные Демьянюку обвинения не доказаны; судебное разбирательство велось с нарушением процессуальных правил; по отношению к обвиняемому грубо нарушен принцип презумпции невиновности, – местная пресса и некоторые политические деятели объявляли Демьянюка преступником в ходе и даже накануне процесса. В качестве одного из примеров приводится сообщение по армейскому радио министра юстиции Израиля Авраама Шарира: „Начинается суд над нацистским палачом“.

Кроме того, защита настаивала перед апелляционной коллегией выслушать показания отвергнутых судом свидетелей, заявивших себя очевидцами учиненной солагерниками расправы в 1943 году над палачом-надзирателем „Иваном Грозным“.

В августе месяце к группе защитников Демьянюка подключился известный израильский юрист Дов Эйтан. Он вошёл в историю Иерусалима как самый молодой окружной судья города. Он был избран на эту должность в 1966 году, в возрасте тридцати одного года. В 1983 году, после бессменной, семнадцатилетней карьеры окружного судьи, Дов Эйтан вышел в отставку, став совладельцем престижной адвокатской фирмы.

Ознакомившись с делом и заручившись согласием осуждённого, Эйтан заявил на прессконференции, что будет добиваться справедливого разрешения дела Демьянюка, в виновности которого есть основания сомневаться.

Приступая к защите, Эйтан обратился, через свою адвокатскую фирму, к судебным властям Польши и ФРГ с запросом о доступе к нацистской архивной документации. К той её части, касающейся Треблинки и лагеря военнопленных в Хельме, в котором, по утверждению его подзащитного, тот содержался в инкриминируемый ему период времени. Обратился он и в министерство юстиции США с просьбой ознакомить защиту с хранящимся, по его сведениям, в министерском архиве досье палача Треблинки „Ивана Грозного“.

Далее Дов Эйтан занялся выяснением того обстоятельства, что Ричард Глезер, бывший узник Треблинки, согласившийся в свое время выступить на суде с существенными для прояснения дела свидетельскими показаниями, отказался выехать на процесс. Оказалось, что ещё до начала процесса следователь прокуратуры Израиля известил Глезера, проживающего в Швейцарии, что в его свидетельстве на суде нет никакой надобности. И взял с него обещание не выезжать на процесс.

Эйтан записал свидетельские показания Ричарда Глезера на магнитофонную ленту, намереваясь представить их апелляционной коллегии.

28 ноября, во вторник, как раз за неделю до апелляционного слушанья, Эйтан позвонил в Кливленд, жене своего подзащитного, заверив, что мужу её, Ивану Демьянюку, не угрожает смертная казнь, что защита представит апелляционной коллегии доказательства необоснованности обвинения и убедит несомненно коллегию отменить этот явно ошибочный приговор.

А следующим утром, в Иерусалиме, появилось сообщение местной полиции: 53-летний адвокат Дов Эйтан покончил с собой, выбросившись с пятнадцатого этажа, из окна своего адвокатского офиса.

Потрясенные совершившимся, семья и друзья Эйтана потребовали расследования. Полиция не нашла его нужным, поскольку в наличии неоспоримые признаки самоубийства. В помещении офиса не оказалось никого посторонних. Свидетелей происшествия нет. К тому же обнаружено вещественное доказательство – следы его обувного крема на подоконнике, с которого он сбросился.

День спустя, в пятницу, первого декабря, уже состоялись похороны. Проститься с коллегой пришёл Иорам Шефтель, адвокат, возглавлявший защиту Демьянюка.

И тут приключилось ещё одно, тягостное событие.

К толпе, окружавшей могилу покойного, подошёл незнакомец и плеснул из флакона в лицо Шефтеля кислотой. Он был тут же задержан. А пострадавший доставлен в клинику. В результате – поражена ожогом кожа лица,

утеряно зрение левого глаза.

Честный и верный Демьянюку адвокат, сопровождавший его по рифам всего процесса, вышел из строя его защитников.

А нападавший после допроса вскоре был выпущен. Им оказался, как было объявлено, бывший узник Треблинки, психически нестабильный. Имя его не названо. Причина поступка – месть. Хотя и неясно, почему адвокату.

Не будем гадать, чем объяснить нагнетание ажиотажа вокруг процесса, возбуждение ненависти к обвиняемому, к тем, кто причастен к его защите, – в месгтной прессе, по радио, по телевидению. Но механизм пропаганды сработал. Того же Шефтеля всюду подстерегали угрозы его соотечественников – на улице, в офисе, в зале суда. Угрозы расправы – письменно, устно, по телефону – преследовали и других адвокатов Демьянюка, экспертов защиты, свидетелей. Доносились, между прочим, угрозы и в мой адрес.

Как бы ни относиться к судебным процессам такого рода, но правосудие, пусть даже торжественное, не допускает предвзятости.

Подвергая суду человека, подозреваемого в преступлениях полувековой почти давности, и обвиняя его в причастности к такому деянию как массовый геноцид, не следует руководствоваться целями пропагандными. А только так, не иначе, воспринимается и подготовка к процессу, и вся атмосфера, ему сопутствующая.

Сошлюсь лишь на некоторые, отмеченные в публикациях прессы факты.

К процессу Демьянюка перестроено было из обычного кинотеатра специальное помещение „Малого зала иерусалимского Дворца Наций“. Процесс открылся многочасовым выступлением директора института „Яд Вашем“ об истории Катастрофы, не имеющим отношения к конкретному делу Демьянюка, но зато обострившим к нему интерес жителей Иерусалима. На протяжении всего процесса в зал суда доставлялись организовано группы студентов, школьников, молодых солдат израильской армии. Дело

слушалось в обстановке открытой враждебности к подсудимому, к его адвокатам, к приглашенным защитой свидетелям.

Страсти, как видим теперь, не утихли и с завершением судебного разбирательства.

Торжествует по-прежнему и правосудие. Апелляционное рассмотрение дела Демьянюка отложено еще на полгода, – его заключению в камере смертника конца не видно.

И именно сейчас, когда вышли из строя два наиболее сильных его адвоката, когда за пределами государства Израиль не слышно о нём ни слова, к участи Демьянюка должно быть приковано самое пристальное внимание. Всех, кому ещё небезразлична судьба человека, над которым вершится неправый суд.

Патрик Бьюкенен

Демьянюк: много сомнений *

Государство Израиль совершит тягчайшую, непоправимую ошибку, если допустит, чтобы Иван Демьянюк был казнён. Не потому, что преступления, по обвинению в которых он осужден, не заслуживают смертной казни, а

* П. Бьюкенен – виднейший американский консервативный журналист. В первые годы правления Рейгана заведовал отделом прессы Белого Дома. Статья была напечатана в «Нью-Йорк Пост» через несколько дней после вынесения Демьянюку смертного приговора.

потому, что, длившийся на протяжении нескольких лет, процесс над Демьянюком свидетельствует о бездоказательности, предъявленных автомеханику из Кливленда обвинений и подтверждает предположение, что на скамье подсудимых оказался невинный человек.

Для того, чтобы поверить в то, что Демьянюк был тем „Иваном Грозным“, – кровожадным извергом в зоне смертников лагеря Треблинка – мы должны одновременно с этим поверить и во многое другое. Мы должны поверить в то, что 22-летний мобилизованный в армию украинец, в течении нескольких недель пребывания в немецком плену в Крыму, внезапно превратился в страшнейшего массового убийцу времён второй мировой войны.

Мы должны также поверить в то, что бесспорно добрый отец семейства 45 лет назад собственноручно загнал в газовые камеры столько людей, сколько живёт сейчас в Кливленде и Сан Луисе; мы должны поверить в то, что Демьянюк чудом спасся во время восстания заключенных Треблинки, главной целью которого было убийство ненавистного садиста; мы должны поверить в то, что после того как руководство СС распорядилось сравнять Треблинку с землей, для сокрытия следов преступлений, оно допустило, чтобы остался в живых главный палач лагеря, чтобы он попал в руки американцев и свидетельствовал о преступлениях, за которые виновных в них ждала смертная казнь.

Это ещё не всё, во что мы должны поверить. С руками обильнее облигренными кровью, нежели даже руки Менгеле, Демьянюк, сохраняя полнейшее спокойствие, поступает работать к американцам, даже не заботясь об изменении своей подозрительной фамилии. И вместо того, чтобы воспользоваться первой предоставившейся возможностью и скрыться в неизвестности в Южной Америке, он добивается разрешения на эмиграцию в США и становится автомехаником в Кливленде.

Многие американцы, участники второй мировой войны и войны во Вьетнаме, даже непреднамеренно убившие женщин и детей, страдали долгое время тяжелыми угры-

жениями совести и депрессиями; их глубокие душевные переживания становились причиной разводов, алкоголизма и самоубийств.

Возможно ли, чтобы Иван Демьянюк, якобы собственными руками бросавший младенцев в газовую камеру, загнавший туда тысячи женщин и детей, никогда не проявил бы в кругу своей семьи, своих коллег или единоверцев, вместе с которыми он посещал богослужения в православном храме, даже следа гнетущей его тягчайшей вины, угрызания совести? Была ли его 30-летняя жизнь в Америке существованием за искусственным фасадом?

Американские обвинители и присутствовавшая на процессе публика поражались отсутствием у Демьянюка раскаяния, его повторяющимися заверениями в невинности („Я не могу даже курицу убить“) и его попытками проявить дружественные чувства по отношению к свидетельствовавшим против него бывшим заключенным, пережившим ужасы Треблинки.

Никто из нацистских преступников не вёл себя на суде таким образом. Некоторые вели себя вызывающе, другие трусливо, иные защищая себя, оправдывались тем, что они только выполняли приказы. Не так Демьянюк. Либо он совмещает в себе качества непревзойденного преступника и величайшего актёра, или же он невиновен в приписываемых ему преступлениях.

Его поведение в Кливленде и в Иерусалиме полностью соответствует тому, как вели бы себя и вы, и я на его месте, если бы нас поставили перед дюжиной „свидетелей“, обвиняющих нас в массовых убийствах. В его поведении отражается замешательство, удивление и ошеломление. Может ли быть это результатом блестящей игры в течении 12-ти лет?

Почему ожидает этого человека смерть на виселице в Иерусалиме, сооруженной для Адольфа Эйхмана? Потому что полдюжины „свидетелей“ заявили, что Демьянюк – это тот человек, который полстолетия назад стоял в Треблинке у дверей в газовую камеру. Один из этих „свидетелей“ утверждал в 1948 году, что „Иван“ был убит во

время восстания заключенных; другой свидетель „вспоминает“ в Иерусалиме об ужаснейших преступлениях, о которых он почему-то забыл сказать давая показания в Кливленде; еще другой – всерьез заявляет, что из Израиля в Кливленд он „ехал на поезде“.

Возможно ли, чтобы полдюжины свидетелей заблуждалась?

Таким же образом дюжина „свидетелей“ давала совершенно ложные показания, когда эти „свидетели“ утверждали, что собственными глазами видели, как Франк Валус, нацистский палач в Кильце в Польше, совершал свои ужасные преступления. Утверждали до той поры, пока не было доказано, что в это время 19-летний Валус работал в Германии у крестьянина. К тому же он был слишком молод, слишком мал ростом, не мог из-за своей национальной принадлежности не только служить в „СС“, но занимать там командную должность, как это утверждали „свидетели“.

В то время, как некоторые охранники и бывшие заключенные Треблинки заявляют, что Демьянюк действительно был „Иваном Грозным“, другие опровергают это, указывая, что это невозможно, ибо „Иван“ был гигантского роста и в два раза старше Демьянюка. Ко всему прочему „Иван“ был убит восставшими заключенными Треблинки.

Как бы там ни было, суд подтвердил справедливость обвинения.

Если Иван Демьянюк, в полную невиновность которого я верю, будет повешен на виселице Эйхмана, наступит время когда Израиль должен будет занять место на скамье подсудимых, ибо непременно со временем обнаружится, что Иван Демьянюк был в действительности тем человеком, за которого он всегда себя выдавал.

Ещё раз об «Огоньке» и о В. Коротиче...

Хочу признать перед читателями журнала свою поспешность: в заметке „Несколько стихотворений из «Огонька»“ (в «Вече» № 28) я несколько переоценил качества как этого советского журнала, так и его главного редактора.

«Огонёк» был тогда одним из первых органов „гласности“, начавших вскрывать запретные социально-политические темы. Это первопроходчество поначалу обращало на себя внимание, пробуждало надежды, что от вскрытия нарывов зрелого социализма журнал перейдёт к анализу причин самой болезни. С этой надеждой я и писал свою заметку.

Сейчас можно констатировать, что качественного роста в журнале не произошло. Оставшись на уровне разоблачительной (хотя и важной, порой сенсационной) журналистики, этот еженедельник в главной – мировоззренческой – области оказался обойдённым целым рядом других изданий. Даже столь ругаемый «Огоньком» «Наш современник» внёс в этот процесс солидный вклад, например статьями В. Кожина (№ 4, 1988) и В. Солоухина (№ 12, 1988).

В то же время у многих авторов «Огонька» в последнее время наметилась тенденция выступать не только против „достижений“ зрелого социализма, но и против деятелей почвенического направления: слишком часто их огульно зачисляют в „противники перестройки“, не пытаясь разобраться в их нравственной позиции и не проводя разделения между „национал-большевиками“ и патриотами христианских взглядов.

Продолжая публиковать немало полезных материалов, «Огонёк» в целом все же оказался неспособным подняться с материалистического уровня „перестройки“ на духов-

ный. В этом, пожалуй, и следует видеть причину его бесчувственности к проблематике русского патриотического движения, в основе которого – боль за поруганные национальные ценности, природу, культуру (что эта боль порою выражается в шоковой, не всегда достойной, форме – другой вопрос).

Редактор «Огонька» проявил себя как западник материалистического толка, деятельность которого сегодня полезна в области отрицания тоталитаризма, но вряд ли может быть плодотворной в деле национально-духовного оздоровления России. Поэтому его интернационалистические „отповеди шовинистам“ столь же контрпродуктивны, сколь и национал-большевистская кампания против Коротича в духе „Вернуть орден Ленина на обложку «Огонька»!“ (кстати, с моей точки зрения, подобные нотки у авторов «Нашего современника» – главный недостаток этого журнала). И в той и в другой позиции – неизжитость марксизма.

Но не это побудило меня написать письмо. В конце концов, подобная мировоззренческая узость свойственна многим искренним деятелям „перестройки“ – с такими можно и нужно спорить, объяснять, а не сходу лепить ярлыки. Коротич, однако, заставил усомниться в своих иных, более важных, качествах.

И дело здесь не в том, что когда-то (в журнале «Политическое самообразование» № 2, 1982) он написал чрезвычайно хвалебную рецензию на мемуары Брежнева: „Привлекательность личности Генерального секретаря нашего ЦК убедительна чрезвычайно... Все годы автора «Воспоминаний» наполнены борьбой за правду... борьба за неё ведётся откровенно, неудержимо, повседневно... никакой позы, никакого выпячивания своих личных заслуг в общем достижении...“ Лицемерить (хотя и не столь услужливо) приходилось в те годы почти всем: от именитых писателей до школьников на экзаменах...

Дело в том, что имея на своём „счете“ эти строки, Коротич позволил себе упрекнуть в подобных прегрешениях – других. И вместо того, чтобы снять свой былой

грех покаянием – что доступно каждому – Коротич публично солгал и, отрицая своё авторство, перенёс ответственность за свою публикацию на редакцию «Политического самообразования». Задетая редакция этого журнала в № 18 (1988) фотографически воспроизвела хвалебные отрывки из рукописи В. Коротича, добавив к ним следующее замечание: „Нравственное самоочищение, строгий спрос с себя и за прошлые деяния, и за сегодняшние – первое условие честной и эффективной борьбы каждого из нас за обновление, за наши общие, подлинно партийные, а не сугубо личные интересы“.

Что касается „подлинно партийных“ интересов, то их Коротич не нарушал. Скорее, наоборот: на них-то он и „погорел“. Однако нормы этики – и не только журналистской – он нарушил достаточно, чтобы подорвать доверие к себе, и к редактируемому им журналу.

Тем более непонятно, как после этого он может снова позволять себе (например, в интервью по радио „Свобода“ 27. 1. 89) высокомерно-поучительно отзываться о патриотических взглядах В. Распутина, В. Астафьева и В. Белова. Тем более что именно эти писатели – давние лидеры того направления в литературе, которое и в брежневские годы, в отличие от Коротича, возвращало российское общество к традиционным нравственным ценностям.

На этом фоне и свойственная Коротичу личная нескромность (скажем, в интервью в «Комсомольском знамени» от 2. 10. 1988) и его „перестроечные“ призывы – особенно неприятно режут слух.

Я не жалею, что в начале „перестройки“ написал положительную заметку о В. Коротиче. Я сожалею, что В. Коротич не соответствует моему тогдашнему впечатлению о нём...

М. Р у з и н.

1 марта 1989 г., Москва.

Многоуважаемый Олег Антонович!

Мир, любовь и благодать Божии да умножатся в светоносной душе Вашей во славу земли Русской и её страждущего народа!

Нет слов выразить ту огромную благодарность, с которой я получил от почтальона бандероль с альманахом «Вече» № 32, 1988. Особенно нас радостно потрясло Ваше мужество, с которым наконец восторжествовала справедливость и книга И. Р. Шафаревича была Вами издана! Для нас это великолепный подарок к 1000-летию Крещения Руси, тем более, что это дитя И. Р. Шафаревича преступно удерживалось цепкими лапами недругов под редакторскими столами. Публикацию этой книги на страницах альманаха мы расцениваем как мужественный акт (подвиг), ибо эта публикация книги „Русофобия“ вышла как раз в тот момент, когда русо-хульные силы активизировали свою деятельность, доведя её до таких кощунственных границ, когда русская девушка, студентка второго курса экономического института говорит: „Сейчас русским быть не престижно“.

Ваш альманах в СССР пользуется огромнейшим успехом в сравнении с другими изданиями и читается взахлёб. Единственный недостаток, его номеров у нас преступно мало. Мы в буквальном смысле слова захлёстываемся желтой прессой и совершенно лишены возможности читать серьезную литературу, слышать со страниц печати родной голос Руси. Вам необходимо в каждом номере делать объявления к патриотически настроенной части зарубежных соотечественников делать денежные пожертвования альманаху «Вече», чтобы он мог свободно конкурировать с желтой прессой в России. Ибо, пожертвования эти, фактически будут делаться нам, находящимся под произволом безбожной прессы. Конечно, опыт наших мучений показал, что мы способны выстоять и без этих пожертвований, но куда успешнее будет двигаться дело, если мы будем едины в борьбе со злом.

„Вот, жива оказывается Русь, жива!“ – говорят люди, увидев красочную обложку «Вече». Откровенно признаюсь, те редкие номера, которые Богу ведомыми путями достигали меня в годы застоя, буквально зачитывались до такой степени, что исчезали в сибирских избах и концов найти было невозможно. Сейчас «Вече» стало возможным получать почтой, и это убедительный показатель изменений, происходящих в нашей стране. Конечно, не всё у нас так припудрено, как это Западу показывают, но борьба за нравственность и духовность идёт страшная, бескомпромиссная. И в этой борьбе нельзя находиться безучастным, ибо равнодушие превращается в те английские наручники, которыми сковываются руки русского богатыря.

Кстати, редактору «Вестника РХД» Струве полагалось бы знать значенные слова „черносотенец“. Уходит оно своими корнями в эпоху Минина и Пожарского, которые собирали против польско-литовских интервентов ополчение из сотен черни, то есть простонародья. Эти сотни из черни были воодушевлены таким патриотическим порывом, что прогнали интервентов с Русской земли. Но народу этот патриотизм не прошёл, он превратился в устах недругов в оскорбительное нарицательное словечко „черносотенец“...

На поле словесной брани сейчас стоит богатырём древнерусской земли альманах «Вече», который какую только не выдержал хулу, какой клеветы не наслушался, а – стоит! И не просто стоит, ещё и атакует. Значит Бог силы даёт, не оставляет на поругание врагам! Дай Бог, чтобы и дальше не оставляла сила русских новомучеников добрые дела отечества!

С земным поклоном и христианской любовью!

Е. П.

«ВЕЧЕ»

**Независимый русский альманах
выходит 4 раза в год**

Условия подписки на один год:

В Европе 50 НМ

В США и др. заокеанских странах 30 ам. долл.

**Желающие получать альманах воздушной почтой
должны доплатить к стоимости подписки:**

в США и Канаде 8 ам. долл.

в Лат. Америке и Азии 10 ам. долл.

в Австралии и Новой Зеландии 12 ам. долл.

Цена отдельного номера 15 НМ или 9 ам. долл.

ПОДПИСНОЙ ТАЛОН

**Желаю оформить подписку
на альманах «Вече», начиная с №.....**

Фамилия, имя

Адрес.....

.....

.....

**Заполненный талон, чек или
почтовый денежный перевод направлять:
RUSSISCHER NATIONALER VEREIN e. V.
8000 München 2, Theresienstr. 118-120
(West Germany)**

ВЕЧЕ

„Вече — древне-русское слово, которое означает народное собрание, сход с целью совещания... В русских летописях слово В. употребляется в тройном значении:

- 1) в смысле народного собрания вообще...*
- 2) в смысле совещания вообще, даже тайного совещания-заговора...*
- 3) в смысле органа политической власти...”*

*Энциклопедический словарь,
т. VIIА С.-Петербург, Типо-
Литография И. А. Ефрона,
1892*

„Вече (от „вещать” — говорить) — народное собрание в Древней Руси, являвшееся высшим органом власти в некоторых русских городах 10-15 вв...”

*БСЭ, второе издание, т. 7
Москва, 1951*

„Вече” (общеслав.; от старослав. вет — совет), народное собрание в древней и ср.-вековой Руси для обсуждения общих дел...”

*БСЭ, третье издание, т. 4
Москва, 1971*

**Издание Российского Национального
Объединения в ФРГ**

**Herausgeber: Russischer Nationaler Verein e. V.
Theresienstr. 118-120, 8000 München 2**